

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(Серия 1-я, выпуск 29)

Г. И. УРАТАДЗЕ

**Образование и консолидация
Грузинской Демократической Республики**

**Мюнхен
1956**

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(Серия 1-я, выпуск 29)

Г. И. УРАТАДЗЕ

**Образование и консолидация
Грузинской
Демократической Республики**

Мюнхен
1956

94 (479.22) 11/911

Исследования и материалы редактируются Издательской Коллегией Ученого Совета Института.

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Издательская Коллегия Института оставляет за собой право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

Перепечатка разрешается при условии указания источника.

Handwritten notes in Cyrillic script, including "202" and "204".

Издательская Коллегия

*

Verantwortlich für den Inhalt — Red. R. Arsenidze

*

R2 351.329
3 Em

Herausgeber und Verlag: Institut zur Erforschung der UdSSR e. V., München 13, Schließfach 5, Tel. 5-81-27. Druck: Buchdruckerei Dr. Peter Belej, München 13, Schleißheimer Straße 71, Tel. 37-14-97.

Printed in Germany

Институт изучения СССР
Мюнхенский филиал

G. I. URATADZE

The Creation and Consolidation of the Georgian Democratic Republic

G. I. URATADZE

Gründung und Konsolidierung der Georgischen Demokratischen Republik

G. I. URATADZE

Création et consolidation de la République Démocratique Géorgienne

München

1956

Институт по изучению истории и культуры СССР был организован в Мюнхене 8 июля 1950 г. Институт является свободной корпорацией ученых, покинувших Советский Союз и работающих по научному исследованию СССР. Результаты этого исследования имеют целью рассеять неведение, существующее относительно СССР, и сообщить демократическому миру достоверные данные, относящиеся к Советскому Союзу.

Всякий научный работник или исследователь может стать сотрудником Института, независимо от его национальности или политических убеждений, при том условии, что он не является членом коммунистической партии или сочувствующим ей. Поэтому все эмигранты из СССР, имеющие научную квалификацию, имеют право участвовать в работе Института независимо от места их жительства.

Институт, ныне находящийся в Мюнхене, есть преимущественно центр корреспонденции для научных работников, эмигрантов из СССР. Институт издает научный журнал (Вестник Института), монографии, сборники статей, бюллетень по вопросам общественно-политической жизни в СССР и т. д. Институт также организует конференции ученых, эмигрантов из СССР, и оказывает скромную материальную помощь этим ученым в их исследовательской работе.

The Institute for the Study of the History and Culture of the USSR, organized in Munich on July 8, 1950, represents a free corporation of scientists and men and women of letters who have left the Soviet Union and are now engaged in research on their homeland. The purpose of their work is to push back the frontiers of ignorance by presenting to the democratic world the truth about the Soviet Union.

Anyone engaged in scholarly investigation may become a collaborator of the Institute regardless of his national or political affiliations provided he is not a Communist Party member or sympathizer. All members of the Soviet emigration who have scholarly qualifications are, therefore, eligible to participate in the work of the Institute irrespective of their places of residence. The central office of the Institute, now located in Munich, is primarily a clearinghouse for the emigré scholarship of the USSR. In addition to publishing journals and papers, the Institute sponsors conferences on the USSR and gives modest grants-in-aid for research studies by emigré scholars.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предоставляя вниманию читателей настоящий труд, автор сознает недостатки данной работы. Но извинением, может быть, послужат условия эмигрантской жизни, при которой не всегда возможно получить необходимые материалы.

Как бы значительны ни были пробелы и недостатки нашего труда, мы все же полагаем, что он, как и другие подобные монографии, может быть небесполезным для изучения истории той эпохи, которую должно назвать эпохой «Великой февральской революции». Мы описываем здесь общий ход революции и связанные с ней события так, как они на самом деле происходили, пользуясь обширным документальным материалом.

Мы часто цитируем в нашей работе высказывания руководителей движения. Мы делаем это сознательно, так как эти речи отражают не только их тогдашние умонастроения, но воспроизводят и те условия, которые так властно влияли и направляли эти умонастроения.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Грузинская социал-демократическая партия играла руководящую роль в Закавказье до самого его распада, а затем руководила политической жизнью Грузинской демократической республики со дня ее образования.

Другие грузинские партии, как, например, социалисты-федералисты и национал-демократы, уделявшие главное внимание постановке национальной проблемы и выставлявшие требования автономии и федерации, не имели в широких массах значительного влияния, так как главные их силы набирались из числа зажиточных слоев общества.

Кроме того, существовала еще партия социал-революционеров, но ввиду особых условий и собственнических навыков грузинского крестьянства, отличавшегося этим самым от общинных крестьян центральной России, пропаганда и этой партии не имела здесь успеха.

Таким образом все революционное движение происходило под почти безраздельным руководством Социал-демократической партии Грузии.

Это явилось причиной того, что мы главным образом останавливаемся на работе этой партии, которая превалировала также при решении национальных проблем грузинского народа.

Задача Грузинской социал-демократической партии заключалась в том, чтобы вместе с другими народами России участвовать в общем революционном фронте в рамках Российской империи. Это не значит, конечно, что эта партия не имела своей национальной цели, программы и стремлений, но она была убеждена, что достичь своей национальной цели возможно только в том случае, когда будет полностью ликвидирован старый режим и установлен в России демократический строй, что дало бы и грузинскому народу возможность самому решать свою судьбу.

Связав судьбу родного народа с делом торжества демократической революции в России, Грузинская социал-демократическая партия с первых же дней революции ясно отдавала себе отчет в том, что, если крушение царизма завершится анархией, то это приведет к гибели революции и вместе с тем создаст величайшие угрозы для

судьбы грузинского народа. Поэтому решительная борьба с идеологией разрушения и энергичная работа над установлением демократического строя явились для нее главной задачей. Она, как более сплоченная и более сознательная, с самого начала заняла решительную позицию в борьбе с той анархической стихией, которая грозила гибелью революции и до революции имела огромное влияние среди грузинского народа, руководила безраздельно революционной борьбой широких масс против царизма и, наконец, стремилась к тому, чтобы собрать во круг себя как можно больше народа. Что она верно отражала народные чаяния и стремления, видно хотя бы из того, что во всех 4 государственных думах (с 1906 по 1917 год) она безраздельно представляла грузинский народ.

Необходимо при этом указать, что на территории Закавказья проживало немало национальностей: грузины, армяне, русские, азербайджане, осетины, немцы, абхазцы, греки, евреи, персы, лезгины и др. Взаимоотношения между этими народами были, однако, самые лучшие и огромная заслуга в этом была Грузинской социал-демократической партии, которая с первых же дней появления на общественной арене призывала грузин к верности принципам братства и солидарности всех народов, развивала уважение и дружбу к своим соседям.

Правда, партия эта была марксистская, твердо стоявшая на точке зрения классовой борьбы, но класс она понимала как часть целого. Она с самого начала глубоко отличалась от большевиков как в понимании доктрин Маркса, так и в методах проведения его учения в жизнь. На этой почве происходили беспрерывные столкновения в партии, которые кончились еще задолго до революции полным поражением большевизма в Грузии. Большевики, таким образом, потеряв всякое доверие в рабочих массах стали искать счастья в российских городах, где некоторые из них, как Джугашвили (Сталин) и Орджоникидзе, после октябрьского переворота, стали «большими людьми».

Находясь во главе революции и пользуясь широким доверием народных масс, Грузинская социал-демократия легко могла приступить к «осуществлению социализма», но она хорошо знала что для этой цели не достаточно ни желания, ни власти; понимала, что социализм есть результат развитой экономической жизни; знала, что это развитие происходит постепенно, что нужно было еще много времени, пока грузинская экономическая жизнь способна будет воспринять основы социализма. А чтобы не гоняться за экспериментами, для этого она была слишком умна и слишком опытна. Поэтому приступить к осуществлению социализма в экономически отсталой Грузии она считала преступлением против своего народа, и никакие нападки не могли заставить ее свернуть с правильного пути.

Все реформы, которые она провела, будучи во главе правительства Грузии, по существу соответствовали такому ее воззрению. Даже ее аграрная реформа имела точно такой же характер. Небывалый

случай в истории революций, когда конфискованные помещичьи земли социалистическое правительство в процессе самой революции не раздавало бесплатно, а продавало малоземельным крестьянам. Достойно внимания, что эта большая и сложная реформа была проведена перед выборами в Учредительное собрание Грузии. Из общего числа 130 членов Учредительного собрания, 109 были социал-демократами. Народ, как бы референдумом, одобрил, таким образом, эту реформу в том виде, в каком провела его социал-демократия, и предсказания ее врагов, что за такую реформу народ окончательно отвернется от социал-демократии, не только не оправдались, но эта реформа еще больше сплотила народные массы вокруг нее.

Но тот факт, что грузинский народ отдал свои голоса в таком большинстве социал-демократам, означал не то, что все было готово для осуществления социализма, а только то, что политика, которой следовала партия, была правильной и что огромное большинство народа доверяет свою судьбу только ей. Если бы грузинская социал-демократия объявила столь же беспощадную войну между трудом и капиталом, как это сделали большевики и как ей советовала оппозиция слева, то она погубила бы страну, как погубили большевики огромную Российскую империю.

Большевизм явился настоящим идеологическим отражением той темной стихии, которая так бурно выплыла на русской исторической арене и азиатская дикость которой так безжалостно растоптала всю культурную часть русского общества, составляющую гордость России. На гребне этой безумной стихии сидел сам Ленин, этот «гениальный маниак» — олицетворение разрушительной стихии. Борьба между этой стихией и сознательной демократией и составляла основное содержание революции 1917 г.

Духовное развитие народа и его экономическое преуспеяние обязательно требуют свободы и демократии. Большевизм отрицает и ту, и другую. Поэтому после октябрьского переворота все свободолюбивые народы стали перед дилеммой: или отказаться от своих основных гражданских и политических прав и остаться в составе деспотии, или уйти из территориальных и политических пределов этой самой деспотии и самим позаботиться о своей судьбе.

Октябрьский переворот был как раз первым этапом выявления реакционной тенденции в самом революционном движении, этапом его внутреннего разложения, началом контрреволюционного движения, которое в итоге должно было похоронить великую революцию. Октябрьский переворот был контрреволюционным, так как он был всецело направлен против революционного порядка, против революционного общественного строя. Обобщая мелкие ошибки демократии и на этой почве возбуждая низменные инстинкты масс всякими демагогическими приемами, эксплуатируя в своих целях эти настроения, большевики искусно использовали бессознательность этих масс. Они не захотели или не сумели понять ни призвания революции, ни

ее политической сущности и руководящих тенденций. Они не приняли во внимание ни общей экономической отсталости России, ни низкого уровня умственного и духовного развития народных масс и их недостаточной подготовки для оценки завоеваний великой революции. Под лозунгом «расширения и углубления» революции было сделано все, чтобы окончательно погубить ее.

За поражением революции последовала бесконечная цепь ужасной гражданской войны в разных углах России, которая, разрушив окончательно внутренний фронт демократии, тем самым разбила империю на целый ряд независимых единиц. Еще до октябрьского переворота национальное движение сильно проявлялось среди отдельных народов, выставлявших требования собственного государственного оформления, в виде ли самостоятельных, или автономных единиц. Оно проявлялось и среди народов Кавказа, хотя практически принимало более осторожные формы ввиду близости военного фронта и опасности нашествия враждебных сил. Однако воцарение ужасного, ничем неоправданного террора в тех местах, куда вступала кровавая нога большевизма, углубляло в широких слоях населения этих народов духовную реакцию против большевиков и окончательно убило в них всякое стремление сохранить или воссоздать былое единство. Такой авторитетный и дальновидный социалист как К. Каутский на четвертый день переворота писал:

«В современных условиях России диктатура пролетариата угрожает перейти в орудие политического и социального разрушения и гибели страны; она повергает страну в хаос, что вызовет нравственное поражение революции»¹⁾.

Если на окраинах те или иные народы, стремились к союзу с другими государствами, то это настроение создали и поощряли именно большевики своей политикой гражданской войны. Быстрое и усиленное движение на окраинах в пользу сепарации было неизбежным следствием поражения революции.

Светлым праздником было для Грузии начало революции. В нем грузинский народ видел осуществление своих лучших идеалов и, когда в недрах ее обнаружались враждебные ей силы, то Грузия до конца боролась против этих губительных сил, оставаясь верной политике сплочения всех сил демократии во имя спасения революции от бездны анархии.

Большевицкий переворот, раздробив империю на куски, отрезал от нее Грузию, как и другие страны. По мере того, как в огне гражданской войны сжигалось единство революционной России, углублялась пропасть между Грузией и советской Россией. Не было сомнения,

¹⁾ К. Каутский. Октябрьское восстание в России, Баку, 1918, стр. 16.

что государственная связь с ней должна была порваться, так как одновременно было разрушено и чувство, которое поддерживалось в большинстве грузинского народа единством революционных и политических идеалов.

Грузия не пожелала оставаться под властью тирании, но не отказалась от свободы Февральской революции и нашла собственные пути для ее спасения. Здесь и разошлись политически национальные пути Москвы и Грузии. Москва пошла путем диктатуры, а Грузия — путем демократии. Москва уничтожила господство народа, Грузия — наоборот, еще больше укрепила это господство. В этом именно и было коренное различие между политикой Москвы и Грузии. Три года существования Грузинской республики — это три года настоящей демократической революции. Эта революция развивалась на внутренней социальной базе и опиралась на ее движущие силы. Она имела свое собственное лицо и это было лицо грузинской революционной демократии.

Внешняя сила никогда не была опорой грузинского правительства. Ни немцы, ни англичане не были призваны на помощь для получения власти над народом. Присутствие их армий ни в какой мере не имело влияния на основы политики Грузинского правительства. Напротив, правительство всемерно защищало суверенитет Грузии и свободу народа против всяких посягательств на нее со стороны.

Суверенитет народа растоптала только Красная армия. Она разрушила пушками и танками всю трехлетнюю творческую работу грузинского народа и грузинской демократии. Она сделала то, чего не сделали ни немецкие, ни английские войска. Империализм капиталистических стран выказал куда больше уважения к правам нации, чем империализм советской Москвы. Безграничная политическая и общественная реакция — вот под каким знаменем вошла советская власть в Грузию, вошла, конечно, не на подмогу молодой республике, а как завоевательница.

Если в начале XIX века под напором самодержавной России пал грузинский феодальный строй, то теперь, в XX веке, в веке цивилизации, под напором коммунистической России пала Грузинская демократическая республика. И тот, кто считает возможным сожительство демократии с коммунистами, обнаруживает свое полное непонимание сущности большевизма.

Закавказье, в котором Грузинская социал-демократическая партия играла преобладающую роль, было единственной страной, где вопрос об образовании самостоятельного государства практически стал реальным после окончательного поражения революции и демократии в России. После того, как российская демократия перестала существовать как единая реальная сила, после того, как исчезла последняя надежда на ее восстановление — грузинская социал-демократия сделала попытку в пределах Закавказья отстаивать те же идеалы, за

торжество которых она боролась на общероссийском демократическом фронте. Когда рухнул закавказский фронт, она с величайшей энергией и решимостью, требуемой обстоятельствами, взялась за восстановление более ста лет тому назад прерванного государственного существования в новой форме, соответствующей современной цивилизации. Демократия и независимость слились в одно неразрывное целое, социальные завоевания и национальные идеалы объединили и воодушевили всю нацию, все слои и течения, все партии, исключая, конечно, большевиков, которых, кстати сказать, тогда и не было видно на грузинском горизонте.

Теким образом можно констатировать, что Грузинская республика создавалась и утвердилась не на почве борьбы против революции и не против общедемократического фронта, а путем неуклонной борьбы на почве заветов Февральской революции и национальных стремлений грузинского народа. Демократическое движение вполне совпало с движением национальным и это благодаря тому, как утверждает Каутский, что «современное демократическое движение принимает форму движения национального»²).

Поэтому рождение и установление Грузинской демократической республики было и политически и этически оправданным, не говоря о том, что оно было исторически естественным и логическим продолжением тысячелетнего государственного бытия.

²) Он же. Грузия и ее палачи (на грузинском языке), Париж, 1930, стр. 11.

ГЛАВА I

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

В продолжение 2000 лет Грузия была независимым государством. Только в конце XVIII века, притесненная Персией и Турцией, она была вынуждена искать спасения в покровительстве России и добровольно присоединилась к ней путем особого договора, который известен в грузинской истории как Трактат 1783 года. Трактат этот устанавливал протекторат России над Грузией на известных, строго определенных условиях.

Таким образом Грузия отказалась от части своего суверенитета добровольно во имя спасения своего народа. Трактат этот был подписан впервые только царем восточной Грузии Ираклием II, но потом, по мере утверждения русской власти, были заключены отдельные договоры с Имеретинским царем 25 апреля 1804 г., с Гурией в мае 1810 г., с Мингрелией 4 октября 1803 г. и Сванетией в 1833 году.

Все эти договоры, подобно Трактату, признавали верховное покровительство России, но все отстаивали внутреннюю независимость и свободу, не допуская никакого вмешательства со стороны России во внутреннюю жизнь того или другого царства. Несмотря на все это, 12 сентября 1801 года вся Грузия односторонним актом, т. е. простым манифестом, была объявлена частью Российской империи. Царства и княжества были упразднены, а на место их созданы губернии и уезды, и на всей территории установлены российские порядки.

Акт этот имел своим последствием три восстания — в 1804, 1812 и 1832 гг., подавленных с большой жестокостью. Эти восстания настолько истощили силы грузинского народа, что он погрузился в глубокую политическую апатию, пока в шестидесятых годах прошлого столетия живые силы Грузии вновь не зашевелились. Движение, начатое на почве культурной и общественной жизни, выросло к концу XIX века в мощный революционный поток, во главе которого с самого начала стала Грузинская социал-демократическая партия меньшевиков. На почве этой революционной работы произошло такое сближение с русской социал-демократией, что обе партии вместе создали общую социал-демократическую партию с общей программой, девятый пункт которой

провозглашал принцип «самоопределения народов» в смысле признания прав народов самим решать свою судьбу.

При таких настроениях грузин началась Великая российская революция 1917 года.

Мировая война, внутреннее государственное неустройство и прирост надвигающегося голода совершенно неожиданно похоронили режим, который существовал больше 300 лет. Веками созданный монархический режим сразу пал и открыл дорогу широкому демократическому правлению.

Ни одна партия, ни одна серьезная общественная организация не была готова к такому грандиозному перевороту. Правда все чувствовали и все говорили, что дни режима сочтены, что то или иное изменение должно наступить, но в то, что события могут развернуться так быстро и с таким темпом, никто не верил.

Размах движения был так силен, что его волна через несколько дней докатилась и до Кавказа. На Кавказе монархический режим представлял наместник Кавказа, великий князь Николай Николаевич. Как только петербургские события дошли до него, он через тифлисского городского голову А. Хатисова пригласил к себе во дворец лидера Грузинской социал-демократической партии покойного Н. Н. Жордания, который в это время проживал нелегально в Тифлисе и заявил ему, что он отказывается от власти, оставляет Тифлис и уезжает в Петербург, уверенный, что Социал-демократическая партия, как самая влиятельная партия, не допустит никаких эксцессов и сумеет установить необходимый порядок. С отъездом наместника местная власть совершенно исчезла, и на место ее пришлось срочно создать новую местную власть. Надо было соблюсти огромную сдержанность, выказать максимальную энергию, чтобы все Закавказье, и в частности Кавказский военный фронт, удержать в должных рамках. Эту историческую миссию взяли на себя Советы рабочих и солдатских депутатов, где с начала революции и до последних дней от 80 до 85% всех голосов имела грузинская социал-демократия.

Первым был создан Тифлисский совет рабочих депутатов, во главе которого стал лидер грузинских социал-демократов (меньшевиков) Н. Жордания. Вслед за этим создались советы в городах по всему Закавказью. Наряду с рабочими советами были созданы в городах и в деревнях исполнительные комитеты, в которых, кроме рабочих, принимали участие и другие слои общества. Образцово были организованы эти комитеты в западной Грузии, где они были выбраны всеобщим, тайным, равным и прямым голосованием, тогда как в восточном Закавказье они создавались по соглашению между партиями. Из делегатов этих исполнительных комитетов состояли созданные затем уездные съезды, на которых были выбраны уездные исполнительные комитеты, а конгресс делегатов уездных комитетов выбирал губернские исполнительные комитеты. Очень скоро эти комитеты стали ведать не только местными делами, но ход событий возложил на них и некоторые государственные функции.

Если губернские исполнительные комитеты объединяли всю деятельность сельских и уездных комитетов, то события настоятельно требовали объединения деятельности рабочих советов всего Закавказья. С этой целью, по инициативе Тифлисского совета рабочих депутатов, 18 марта был созван в Тифлисе Съезд рабочих советов всего Закавказья.

На этом съезде с большим докладом выступил председатель Тифлисского совета Н. Жордания. По вопросу о современном моменте и о той тактике, которой должен держаться рабочий класс Н. Жордания говорил:

«Для выработки правильной тактики необходимо вникнуть в сущность нынешней революции, во главе которой стоят три главные силы: 1) пролетариат, 2) прогрессивная буржуазия и 3) армия, которая состоит из сынов народа...»

Если сравнить нынешнюю революцию с 1905 годом, ясно что разница между тогдашней и теперешней ситуацией большая. В 1905 году во время движения мы не видели буржуазии, но замечали пеструю массу, возглавляемую рабочим классом. Потому наша тогдашняя тактика была забастовка рабочих, которая всюду происходила. Сегодня это явление не имеет места, и невозможно сегодняшнюю тактику подчинить интересам одного класса. Мы все должны идти вместе и со всеми теми силами, которые принимают участие в ходе революции, чтобы совместными силами насадить республику...»

Вопросы — рабочий, крестьянский и национальный — должны окончательно решиться в Учредительном собрании. Мы не должны забывать, что нынешняя революция основана на координации разных сил, а потому и наш путь должен соответствовать этому положению^{2а}).

Съезд единогласно принял резолюцию, согласованную с основными положениями доклада, и постановил создать Закавказский центр рабочих советов под названием «Краевой центр». Председателем этого Центра единогласно был избран Н. Жордания. Было также единогласно постановлено, что этому же Центру поручается общее руководство революционным движением в пределах всего Закавказья. Через несколько недель после начала революции все Закавказье было покрыто революционными организациями, во главе которых стал «Краевой центр рабочих советов» с общепризнанным вождем Н. Жордания.

Краевой центр сейчас же взял в свои руки и руководство по созданию советов среди солдат в тылу, где стихийное стремление к созданию своих советов местами приняло уродливые формы. Вы-

^{2а}) Газ. «Эртоба» («Единство»), на грузинском языке, 21 марта 1917 г., Тифлис.

боры как в тылу, так и на фронте скоро закончились, и Краевой центр советов рабочих депутатов созвал съезд солдатских советов в Тифлисе. Съезд состоялся 22 апреля, и открыл его председатель Краевого центра Н. Жордания, который сказал:

«От имени Центра совета рабочих депутатов я приветствую воинов славной Кавказской армии. Ввиду заслуг наших рабочих, я позволяю себе остановить ваше внимание на мыслях и чувствах, которые одушевляют наш рабочий класс в данное время. Вы знаете, что революция произведена двумя реальными силами — это рабочий класс и армия. Правда, тут принимают участие и буржуазные силы, но реальная сила остается за вами и за нами, и вот, нам, непривычным иметь такую огромную власть, вдруг попала она в руки. Отсюда возникает наша трудная задача, как эту власть использовать и удержать так, чтобы чрезмерными требованиями не усилить реакции и чрезмерной уступчивостью не ослабить революции. На эти два основных вопроса вы должны дать категорический ответ на вашем съезде... Мы присутствуем только при начале революции, нельзя думать, что она скоро кончится. Нет. Мы сделали одно: сняли внешний политический покров, сняли царя, но тот уклад жизни, ее основы, на которые опирался царизм, остался еще не тронутым; у нас революция политическая, но надо сделать революцию общественную. Вы знаете, что в скором будущем предстоит решить земельный вопрос, и это решение произведет огромную пертурбацию в обществе... Вы знаете, что теперь реакционеры притихли, но ждут случая, удобного момента, чтобы показать свои когти. И этот момент наступит тогда, когда общество устанет от наших ошибок... История нас призывает к совместной творческой работе. Вы знаете, что перестройка государства — сложное дело. Царизм веками засорял государственный механизм, и мы в течение месяцев не сможем его перестроить, обновить. Такое огромное дело от нас требует строгой дисциплины и энергии. Дисциплина нужна и нам, и вам. Всякая анархия как среди войск, так и среди рабочих — это в интересах реакционеров. Я призываю вас всех к стройной революционной дисциплине... Вам, солдаты, надо говорить с вражескими пушками языком пушек, а с народом языком революции. Ваш победный клич на Восток: «Мир и свобода народам, война тиранам»³⁾.

Съезд постановил создать Краевой совет, и председателем этого Совета был выбран социалист-революционер Е. И. Донской, главный комиссар Кавказского фронта. Съезд постановил также создать Общий Краевой центр наряду с Рабочим краевым центром. И в тот же день, т. е. 22 апреля, состоялось Объединенное заседание краевых центров рабочих и армии под председательством Н. Жордания, который произнес следующую речь:

³⁾ Газ. «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов», № 26, Тифлис, 1917.

«В качестве председателя Совета рабочих депутатов, открываю настоящее собрание и приветствую членов Краевого съезда армии и членов Совета солдатских депутатов, явившихся впервые на собрание Совета рабочих депутатов.

Тот братский союз, который был заключен на поле брани в Петрограде, распространился по всей России, и здесь мы видим первое его реальное воплощение. Это — собрание двух революционных сил — рабочего класса и армии. Вы знаете, что во всех революциях участвовали войска. Ни одна революция не была победоносной без участия войск. И у нас войска приняли участие в революционном движении, и победа осталась за народом. Но есть большая разница в роли, которую сыграла армия в русской и западных революциях.

В революциях Запада войска примкнули к буржуазии, у нас же они примкнули к рабочему классу. Чем это объясняется? Нужно вспомнить, что в Европе одна буржуазия была развита политически, а рабочий класс шел под ее руководством. У нас наоборот или почти наоборот. В нашей Февральской революции вышли на борьбу рабочие и к ним примкнули солдаты.

Наша армия теперь стала не та, что была раньше. Война потребовала мобилизации всего населения. Наша армия — это вооруженный народ, он связан со своей семьей, со своими станками и сохами. И это войско не могло употребить против своего брата оружие, как это раньше делали войска, запертые в казармах и отрезанные от всего мира.

Кроме того, в психологии и в миросозерцании армии произошла большая перемена. Раньше крестьянин не занимался политикой. Но теперь он понял, что жить дальше так нельзя, и на этой почве образовался союз рабочих и крестьян, из среды которых и вышло большинство наших войск. Только этот союз может довести революцию до победоносного конца.

У армии великая задача — охранять свободу русского народа. А призвание рабочего — проводить в жизнь новый строй. Призываю вас сплотиться вокруг этого союза, ибо только один он может довести революцию до демократической республики⁴⁾.

На этом объединенном собрании, согласно постановлению съезда, был создан Объединенный краевой центр краевого совета армии и Краевого совета рабочих депутатов. Председателем этого Объединенного центра был избран бывший член Государственной думы Е. П. Гегечкори.

По инициативе того же Рабочего центра был создан Съезд крестьянских делегатов в Тифлисе, который в свою очередь постановил создать Крестьянский краевой центр. В тот же день состоялось Объединенное собрание всех трех центров: рабочих, солдатских и крестьян-

⁴⁾ Там же, № 22, Тифлис, 1917.

ских, которое единогласно избрало своим председателем Н. Жордания. Таким образом руководство всего революционного движения во всем Закавказье подчинилось этим краевым центрам, главным образом Рабочему краевому центру.

Во время всей этой организационной работы на Кавказе в самом Российском центре, Петрограде, установилось Временное правительство, согласно постановлению которого, «в целях устройства Закавказского края», 9 марта был образован «Особый закавказский комитет» (ОЗАКОМ) в следующем составе:

Председатель — член Государственной думы Б. А. Харламов (кадет, русский).

Члены: М. И. Пападжанов, член 4 Государственной думы (кадет, армянин), М. Ю. Джафаров, член 4 Государственной думы (представитель азербайджанской партии Муссават (Равенство), А. И. Чхенкели, член 4 Государственной думы (социал-демократ, грузин) и К. Абашидзе (социал-федералист, грузин).

А. И. Чхенкели был в то же время назначен комиссаром Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов на Кавказе и на турецком фронте, и таким образом он представлял в ОЗАКОМе и революционные организации, что очень способствовало гармонической работе этих организаций в самом ОЗАКОМе. Внутреннее управление было сосредоточено в руках А. Чхенкели.

ОЗАКОМ представлял на Кавказе Всероссийское временное правительство, имел все полномочия этой власти, и ни одна партия, ни одна революционная организация ни словом, ни делом не протестовала против его назначения и против его полномочий. Но, несмотря на это, вся фактическая власть находилась в руках революционной организации, исполнительные органы которой проводили в жизнь и постановления ОЗАКОМа.

Таким образом государственная и революционная власть с самого начала стали на работу совместно, не оспаривая прерогативы друг у друга. Ответственность революционных организаций была тем большей, чем ближе они стояли к фронту, с которым они были связаны через солдатские советы. И можно без преувеличения утверждать, что этим организациям удавалось удержать движение в должных пределах, пока не произошел большевистский переворот в Петрограде.

До этого переворота все революционные организации занимались обсуждением и решением общеполитических вопросов. Несмотря на близость фронта и чрезмерную национальную пестроту, им легко удавалось управлять краем и сохранить порядок. Они сумели создать такие условия, при которых с ликвидацией старого создавалось новое, и в строительстве этого нового принимали участие все слои населения, за исключением незначительных групп, не сочувствовавших новым порядкам. В процессе этой работы в тех местах, где нельзя было создавать советы и исполнительные комитеты, образовывались национальные советы, которые безоговорочно включались в общую работу.

Деятельность революционных организаций сильно сузила поле деятельности ОЗАКОМа. В распоряжении ОЗАКОМа не было никакой реальной силы ни в центре, ни на периферии. ОЗАКОМ прекрасно понимал как свое, так и общее положение и потому свою деятельность сознательно ограничивал такими распоряжениями, которые не могли вызвать противодействие со стороны революционных органов. Одним из таких распоряжений было учреждение «Закавказского центрального комитета» для руководства выборами во Всероссийское учредительное собрание. Этот комитет был создан в Закавказье еще до того, когда об этом позаботилось само Временное правительство. В комитет вошли представители всех существующих партий и главные представители рабочих, солдатских и крестьянских центральных органов. На этот комитет возлагалось общее руководство выборами во всем крае через губернские и уездные комиссии.

ОЗАКОМ издал также декрет о введении в крае земских учреждений. По отношению к земству Закавказье представляло исключение. В центральных губерниях земства были введены давно, но для Кавказа царское правительство считало их преждевременными, несмотря на многократные ходатайства и петиции местных общественных учреждений и представителей. Эта несправедливость по отношению к кавказским народам была исправлена декретом ОЗАКОМа о введении земств. Представители армянского народа заявили, что лучше ввести земства после административного размежевания. Но, так как вопрос о размежевании при существующих тогда условиях был слишком сложным и трудным, ОЗАКОМ решил ввести земские учреждения в тех местах, которые не нуждались в таких размежеваниях, и вместе с тем постановлено было учредить из представителей национальностей специальную комиссию для размежевания.

Совсем иное положение создалось в это время в центре. В июне месяце там уже наметился кризис революции. Ушло в отставку временное коалиционное правительство. На место его было создано другое, в которое вошли социалисты. Но с первого же дня между ними и представителями несоциалистических партий и кругов начались недоразумения и трения, вскоре перешедшие в серьезную борьбу. Борьба эта находила широкий отклик в обществе, что еще больше ослабляло и без того слабую власть. Закончилась она уходом из правительства кадетов, что и повлекло падение правительства. Начались бесконечные переговоры, чтобы они вернулись. И в первых числах июля удалось уговорить их вернуться. Было составлено новое коалиционное правительство. Но оно оказалось еще слабее, чем первое. Иначе и не могло быть, так как в процессе революции возможна только сильная власть или как революционная, или как контрреволюционная.

Закавказские революционные организации хорошо понимали это и потому настойчиво требовали от Центра составления однородного правительства только из числа демократов. Но петроградские руководящие органы упорно держались своей концепции, т.е. коалиционной

власти. Чтобы найти выход из создавшегося положения, решили созвать демократическое совещание из представителей всех существующих революционных организаций. Целью этого совещания было создание сильной власти, которая была бы способна в спешном порядке осуществить целый ряд неотложных реформ и в то же время позаботиться об ускорении заключения мира. В работах этого совещания делегаты закавказских революционных организаций принимали самое деятельное участие, энергично защищая свою точку зрения — создание однородного правительства, но безуспешно. И это совещание не сумело создать ничего другого, как опять-таки коалиционную власть с добавлением так называемого предпарламента, перед которым эта коалиционная власть должна была быть ответственна.

Таким образом не удалось создать власть, требуемую моментом, и это породило целый ряд недоразумений между Центром и периферией. В Закавказье власть находилась всецело в руках демократов, а в Центре — в руках коалиции социалистов с буржуазией. Следующие этапы революции подтвердили, насколько права была периферия, когда настаивала на создании однородной власти из числа демократов.

Несмотря на такое положение в Центре во всем Закавказьи революция развивалась в должных рамках. Упразднив во всех сферах народной жизни всякие стеснения, она открыла широкую дорогу проявлению прогрессивных стремлений общественных органов, которые всецело ушли в дело обновления народной жизни, рука об руку с революционными организациями. И фронт стоял на своем месте. Солдатская масса беспрекословно подчинялась своим советам, исполняя все их приказы. Во избежание межнациональных трений была создана авторитетная межнациональная комиссия, а для избежания столкновений между партиями — Интерпартийный комитет. Таким образом вся народная жизнь во всех ее проявлениях была организована на началах соглашений и стовора на почве широкой свободы как общественной, так и личной, благодаря чему легко удавалось пресекать всякие эксцессы при их возникновении как на национальной почве, так и на частной или классовой. Все это имело решающее значение для нормального шествия революции по восходящей линии.

Так шло все до 25 октября, т. е. до большевистского переворота. Переворот этот озадачил все закавказские революционные и общественные организации, так как руководители закавказских революционных организаций прекрасно знали большевиков, знали что переход власти в руки их означал безусловную гибель демократической России. Мрачное будущее уже вырисовывалось на революционном горизонте, и обеспокоенные призраком гражданской войны кавказские организации стали прилагать все усилия, чтобы переворот был ликвидирован мирным путем.

Как только в Тифлисе были получены сведения о перевороте, в тот же день был создан Комитет общественной безопасности, в который вошли представители всех партий, кроме большевиков.

26 октября был созван экстренный съезд Краевого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Среди членов съезда переворот вызвал большое возмущение. После горячих прений была принята следующая резолюция Н. Жордания:

«Выступление большевиков в Петрограде... неизбежно приведет к торжеству контрреволюции и гибели завоеванных свобод. Интересы революции диктуют необходимость мирной ликвидации восстания на основе соглашения всей революционной демократии в духе демократизации власти при условии созыва Учредительного собрания в назначенный срок. Заявляя об этом, съезд Краевого центра призывает всех к спокойствию и сохранению революционного порядка и единства революционной демократии»⁵⁾).

Съезд постановил также ни в коем случае не допускать комиссара, назначенного ленинской властью; управление краем должно было находиться в руках коллективного органа. Ввиду создавшегося положения в ОЗАКОМ, наряду с представителями партии, должны были быть включены и представители закавказских национальностей.

В свою очередь Краевой совет солдатских депутатов за подписью своего председателя Донского обратился к армии: «Краевой совет, решительно и резко осуждая выступление большевиков, призывает армию к спокойствию»⁶⁾).

Армейский же комитет Кавказской армии вынес следующее постановление:

«1. Покушение большевиков идет вразрез с державной волей народа.

2. Всякое правительство, самовольно став у власти, роковым образом может привести к полному крушению все завоевания революции, повергнуть страну во все ужасы гражданской войны и отдать ее в конце концов во власть бронированного германского империализма.

3. Всякое правительство, ставшее у власти самовольно, признать враждебным делу революции и всячески противодействовать его разрушительной работе.

4. Призвать все войсковые организации охранять порядок и боеспособность армии, памятуя, что все надежды революционного народа связаны с армией и что она — последний оплот молодой свободы.

5. Все работы, связанные с предстоящими выборами в Учредительное собрание, должны протекать без всякой заминки»⁷⁾

⁵⁾ Документы и материалы, Тифлис, 1919, стр. 2.

⁶⁾ Там же, № 1.

⁷⁾ Там же, № 2.

Приблизительно такого же содержания резолюцию вынес и ОЗАКОМ.

Все содержания этих постановлений были переданы в Петроград по прямому проводу. Только в одном Баку не смогли вынести общую резолюцию, и в совете произошел раскол на почве признания ленинской власти. Меньшевики, социалисты-революционеры и «дашнаки» (чл. армянской революционной партии) ушли из Бакинского совета и отозвали своих представителей из всех революционных организаций. Оставшиеся в совете большевики выбрали новый исполнительный комитет из одних только большевиков и декларировали советскую власть, признав в то же время власть Ленина.

Несмотря на переворот и вызванную им гражданскую войну в центре, подготовка к выборам в Учредительное собрание во всем крае протекала еще интенсивнее.

4 ноября все партии опубликовали список своих кандидатов и избирательную платформу.

14 ноября уже начались выборы в городах и селях, а на фронте еще раньше, т. е. 1 ноября.

Так как Временное правительство уже пало, должно было упраздниться и его представительство на Кавказе, то есть ОЗАКОМ. На второй же день после выборов в Учредительное собрание, то есть 15 ноября, члены ОЗАКОМА подали в отставку и он был упразднен. С упразднением ОЗАКОМА упразднилась и та связь с Петроградом, которая имела, если не фактическое, то все-таки символическое значение. После этого Закавказье фактически отделилось от России.

Самым опасным, самым трагическим вопросом для всего Закавказья был вопрос продовольственный. Закавказье никогда не имело своего хлеба в достаточном количестве, и недостаток всегда пополнялся ввозом из России. Тем более опасным было положение теперь, когда Россия сама нуждалась в хлебе. И если в самой России недостаток хлеба и вызванный им голод ускорил революционную развязку, то в Закавказье недостаток хлеба мог вызвать настоящую катастрофу, так как на фронте стояло больше $\frac{1}{2}$ миллиона войск. Ввиду этого продовольственный вопрос всегда стоял в порядке дня революционных организаций.

Еще 13 октября президиум Краевого центра советов, рассмотрев этот вопрос, решил создать в Тифлисе совещание Закавказского продовольственного комитета. Во главе этого комитета стоял известный общественный деятель, будущий председатель Кубанского правительства Быч. Совещание состоялось 15 октября в присутствии командующего Кавказским фронтом генерала Пржевальского.

По докладу Быча для Кавказского фронта необходимо было 24 млн. пудов муки и 36 млн. пудов зерна, а для мирного населения 51 млн. пудов, всего 111 млн. пудов. Такого запаса не было и не было никакой надежды, что его можно от кого-либо получить.

27 ноября состоялось заседание Тифлисской городской думы, на котором городской голова доложил, что, ввиду создавшегося продовольственного кризиса, город вынужден уменьшить рацион хлеба для населения.

1 декабря состоялось совещание представителей всех городов Закавказья, на котором в спешном порядке обсуждался один единственный вопрос — вопрос продовольственный.

2 декабря в городском самоуправлении было созвано экстренное заседание гласных, на котором городской голова Елиава доложил, что на железных дорогах Северного Кавказа, по которым главным образом доставлялся хлеб в Закавказье, создано такое положение, что всякая надежда на получение хлеба исключена, что недавно прибыл в Новороссийск один пароход муки для Закавказья, но вооруженные солдаты не дали возможности выгрузить муку и захватили пароход с мукой, что Краевой центр совета рабочих и солдатских депутатов учредил комиссию по демобилизации Черноморского торгового флота и, может быть, в скором будущем станет возможным пользоваться морским путем для доставки муки а до этого необходимо обратиться к крестьянам, но они требуют в обмен разные товары, которых нет⁸⁾.

⁸⁾ Газ. «Эртоба», № 81, Тифлис, 1917.

ГЛАВА II

ОБРАЗОВАНИЕ ЗАКАВКАЗСКОГО КОМИССАРИАТА

Создавшееся критическое положение требовало, до образования всероссийской власти, создания какой-нибудь местной власти. С этой целью по инициативе Комитета общественной безопасности в помещении Народного дома 24 ноября состоялось совещание об организации закавказской власти.

В совещании приняли участие представители краевых центров советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Тифлисского исполнительного комитета совета рабочих депутатов, Городской думы, Комитета общественной безопасности, Особого закавказского комитета, политических партий, мусульманских организаций, ЦК почтово-телеграфных служащих, Краевой продовольственной управы и Совета профессиональных организаций гор. Тифлиса.

Присутствовали также главнокомандующий Кавказской армии генерал Пржевальский, начальник штаба армии генерал Лебединский, генерал квартирмейстер штаба фронта генерал Левандовский, английский и французский военные атташе при штабе армии, консул Соединенных Штатов Америки Стивенс, начальник кавалерии военного округа генерал Мдивани, начальник тифлисского гарнизона и др., всего свыше 400 человек. Председателем был избран Е. П. Гегечкори, который ознакомил собравшихся с задачей совещания. Отметив далее зависимость Закавказья от центральной России, он предложил собранию заслушать доклад председателя Армейского краевого совета и Комиссариата Кавказского фронта Донского⁹⁾, который заявил:

«Последнее выступление большевиков и захват ими центральной власти, поставили в исключительно трудные условия демократию Закавказья, которая по конструкции своих организаций и политическому воспитанию не может стать на тот путь, по которому пошли большевики. При невозможности договориться с большевиками или коренного изменения состава демократии нашего края, возникает очевидная опасность и у нас

⁹⁾ Документы и материалы, Тифлис, 1919, стр. 3.

гражданской войны, которая здесь, при исключительных местных условиях, может превратиться в настоящий пожар, могущий охватить фронт и привести к полной гибели не только Закавказье, но и всю страну. Изолированность Закавказья от столицы, отсутствие денежных знаков и хлеба создают также перспективы ужасного будущего. Сколько продлится такое неопределенное положение и когда будет окончательно организована настоящая народная власть, неизвестно. Отсутствие общепризнанной власти в Закавказье создает еще более неопределенное положение. Особый Закавказский комитет давно уже осознал свое положение и подал в отставку, но, в силу необходимости, продолжает выполнять чисто канцелярскую текущую работу. Местные революционные организации, опираясь на доверие всей демократии, могут очутиться в положении ОЗАКОМа. Ввиду всего этого необходимо позаботиться о создании временной власти, пользующейся доверием населения края. Новая власть примет меры к урегулированию финансового вопроса для поддержания хозяйственной жизни фронта и края, а также установит экономический контакт с Северным Кавказом»¹⁰).

После докладчика взял слово председатель объединенных краевых центров Н. Жордания, который сказал:

«100 лет уже Закавказье работает рука об руку с Россией, считая себя неразрывно связанным с ней. Теперь связь с Россией оборвалась... Мы должны стать на собственные ноги и сами себе помочь или погибнуть в анархии. И финансы, и хлеб Закавказье всегда получало из России. В настоящий момент на центральную власть надеяться не приходится, ее нет. Государство идет к финансовому краху, золотой запас захвачен большевиками. В Закавказье иссякают денежные знаки. Положение еще осложняется присутствием огромной армии, которую нечем кормить. Все это создает необходимость организации местной власти, которая должна вывести Закавказье из катастрофического положения. Организация центральной власти, несмотря на наши старания, затягивается. Приходится на местах создавать краевую власть, которая доведет край до Учредительного собрания или создания авторитетной центральной власти. Власть краевая, ввиду важности поставленных перед ней задач, должна быть авторитетной в глазах населения, пользоваться его безусловным доверием, а для создания такой власти единственный способ использовать депутатов в Учредительное собрание. К сожалению, выборы в восточном Закавказье затягиваются и сконструировать новый орган удастся не раньше 15 декабря. До тех пор должен быть создан суррогат власти в виде органа, состоящего из представителей наций, организаций, местных само-

¹⁰) Там же, № 5.

управлений и партий. Быть может целесообразно будет создать также небольшой временный парламент»¹¹).

После прений докладчик предложил следующую резолюцию:

«Ввиду отсутствия общепризнанной центральной власти и нарастающей в стране анархии, могущей распространиться и на Закавказье, а также ввиду целого ряда неотложных общественных, экономических и финансовых вопросов, от решения которых зависят ближайшие судьбы нашего края, совещание постановляет:

1) впредь до окончания выбора депутатов от Закавказья и Кавказского фронта в Учредительное собрание, передать управление краем Комитету общественной безопасности;

2) по окончании выборов в Учредительное собрание в крае и на фронте — поручить организацию временной власти, ее состав, характер и полномочия избранным всего гражданского и военного населения на следующих условиях:

а) ведение местной областной политики, в связи с общероссийской демократией в направлении разрешения общегосударственных задач;

б) автономное решение лишь местных текущих вопросов;

в) доведение края до момента образования центральной общепризнанной демократической власти или открытия Общероссийского полноправного Учредительного собрания;

г) опираться в своей деятельности на краевые и местные советы рабочих советов и крестьянских депутатов и на органы самоуправления»¹²).

Никаких поправок к этой резолюции не было, и она была принята единогласно, но большевики ушли до голосования.

28 ноября состоялось заседание Комитета общественной безопасности, который принял проект своего председателя Н. Жордания о создании местной власти в следующем составе: 3 социал-демократа, 3 социалиста-революционера, 2 дашнака, 4 представителя мусульманских организаций»¹³).

В тот же день, 28 ноября окончательно сконструировалась местная временная власть без большевиков, названная Закавказским комиссариатом, в следующем составе:

Председатель Комиссариата — Е. П. Гегечкори (грузин, социал-демократ); комиссар по делам Министерства внутренних дел — А. Чхенкели (грузин, социал-демократ); комиссар по делам Военного и Морского министерства — Д. Донской (русский, социалист-революционер).

¹¹ За два года (Речи и доклады Н. Жордания), Тифлис, 1917, стр. 51—52.

¹² Газ. «Голос Краевого совета», № 126, Тифлис, 1917.

¹³ Документы и материалы, Тифлис, 1919, стр. 8.

ционер); комиссар по делам Министерства финансов — Х. Карчикян (армянин, партия Дашнакцутюн); комиссар по делам Министерства народного просвещения — Фатали-хан-Хойский (Муссават); по делам Юстиции — Ш. Месхишвили (грузин, социал-федералист); комиссар по делам Министерства торговли и промышленности — М. Джафаров (партия Муссават); комиссар по делам Министерства путей сообщения — Х. Мелик-Асланов (социалист); комиссар по делам Министерства земледелия — А. Неручев (русский, социалист-революционер); комиссар по делам Министерства продовольствия — Г. Тер-Газарян (армянская фракция «Ичак»); комиссар по делам Министерства общественного призрения — А. Оганджаниян (армянин, дашнак); комиссар по делам государственного контроля — Х. Б. Хас-Мамедов (партия Муссават).

Все портфели были распределены единогласно, кроме Министерства земледелия. Портфель этого министерства требовали для себя социал-демократы-революционеры, с одной стороны, и социал-демократы, — с другой.

Свою претензию на министерство социал-демократы мотивировали тем, что это ведомство должно было находиться в руках человека, знакомого с местными условиями. При этом надо было иметь в виду и то обстоятельство, что во главе крестьянского движения в крае с самого начала стояли социал-демократы, и громадное большинство крестьян шло за этой партией, очевидно, сочувствуя больше ее программе по аграрному вопросу, чем программе других партий. Поэтому, — утверждали они, — передача этого министерства человеку, которого не знает местное крестьянство, тем более представителю той партии, которая решает земельный вопрос по одному рецепту по всей громадной России, может вызвать целый ряд нежелательных недоразумений с местными крестьянами, а потому целесообразнее будет передать этот портфель социал-демократам. Социалисты-революционеры, напротив, утверждали, что именно они являются настоящими представителями всего крестьянства, и настаивали, чтобы это министерство осталось за ними.

Переговоры об урегулировании этого вопроса не увенчались успехом, и спор закончился тем, что вопрос был поставлен на голосование. Социал-демократы отказались от участия в голосовании. Остальные члены Комиссариата передали «спорный портфель» представителю социалистов-революционеров А. Неручеву.

Лично против Неручева никто, не возражал. Напротив, те же социал-демократы готовы были предоставить ему любое министерство, но только не министерство земледелия.

Задачей Закавказского комиссариата было обратиться за подписью всех своих членов к народам Закавказья с особой декларацией, где говорилось:

«В продолжение свыше 100 лет народы Закавказья, шедшие рука об руку с Россией и связавшие свою судьбу с ней, впервые,

в переживаемый исторический момент, оказались предоставленными самим себе и им приходится своими собственными силами принимать меры к предотвращению надвигающейся экономической и общественной катастрофы.

Для напряжения жизни края по этому пути, в результате соглашения всех социалистических партий и демократических революционных организаций, создана краевая власть. Власть эта сконструирована временно лишь до созыва Всероссийского учредительного собрания. Если же, по обстоятельствам русской действительности, своевременный созыв последнего окажется невозможным, то она сохраняет свои полномочия до съезда членов Учредительного собрания от Закавказья и Кавказского фронта. Стоя на точке зрения полного самоопределения народов, провозглашенного российской революцией, Закавказский комиссариат предпримет шаги к скорому и справедливому решению национального вопроса Закавказья. Признавая сохранение единства общероссийского фронта, Закавказский комиссариат примет самые энергичные меры к немедленному заключению мира, сообразуя в этом направлении шаги с общим положением на западном фронте... Все распоряжения Закавказского комиссариата без колебания должны выполняться на местах. Всякое противодействие этой власти будет рассматриваться как явное покушение на жизненные интересы народов Закавказья как стремление вовлечь их в сферу самой мрачной гражданской и международной войны, и будет пресекаться всеми силами... Бремя на себя тяжелое бремя, Закавказский комиссариат обращается ко всем тем, коим дороги интересы революции и свободы, сомкнуть свои ряды вокруг краевой власти и идти с ней плечом к плечу по пути творческой революционной работы. Станем на высоту этих исторических задач и явим всему миру живой пример преданности заветам Великой революции и воплощения их в жизнь»¹⁴).

В декларации перечислены все вопросы, разрешение которых ставил своей целью Закавказский комиссариат.

Хотя эта власть должна была заняться разрешением только местных вопросов, но с первого же дня был возложен на нее целый ряд вопросов общегосударственного значения, на которые она вынуждена была дать ответы немедленно. Одним из таких вопросов было предложение Турции заключить перемирие.

В это время уже для всех стало ясно, что фронт перестает быть фронтом, что солдаты уже не хотят воевать, часть уже покинула самовольно фронт и спешила домой, а многие начали брататься с турками. О продолжении войны нечего было и думать. Принимая все это во внимание, Закавказский комиссариат ухватился за предложение Турции. В тот же день было созвано экстренное заседание

¹⁴) Там же, № 7.

Краевого центра совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под председательством Н. Жордания, на котором председатель Закавказского комиссариата Е. Гегечкори доложил следующее:

«Главкомандующий Кавказской армии передал нам письмо от Командующего Турецкой армией. В письме предлагается приступить к переговорам о перемирии. Закавказский комиссариат обсудил это предложение и нашел возможным пойти на перемирие. Мы желали бы знать ваше мнение. Наше решение принято единогласно. Если совет одобрит наше постановление, Главкомандующий должен ответить согласием, предложить остановить военные действия и приступить к переговорам об условиях перемирия. Нами будет сообщено об этом Английской армии в Месопотамии. Мы созовем представителей национальностей для активного участия в переговорах о перемирии»¹⁵).

Совет единогласно одобрил действия Закавказского комиссариата и принял следующее постановление:

«1. Принимая во внимание отсутствие в России единого центрального, всеми признанного правительства, и имея в виду, что Ставка Верховного Главкомандующего уже разрушена гражданской войной, а также считаясь с общей политической обстановкой в России, Комиссариат признал своевременным пойти навстречу Турецкому Командованию и предложил ему немедленно прекратить военные действия на всем Кавказском фронте с неременным условием не производить никаких стратегических перегруппировок, могущих послужить во вред Английской месопотамской армии.

2. Предложить Главкомандующему генералу Пржевальскому послать Командующему Турецкой армии соответствующий ответ и довести до сведения о сем Командующего Месопотамской армией англичан.

3. Обратиться к армии и населению Кавказа с воззванием, разъясняющим смысл происходящих событий и призывающим к спокойному и сознательному отношению к ним.

4. Уведомить о принятом решении находящихся в Тифлисе консулов союзных и дружественных нейтральных держав»¹⁶).

После этого Главкомандующий ген. Пржевальский через парламентаря передал Командующему Турецкой армией Ферик-Векиб-Махмед-паше ответ на его письмо:

«Господин Генерал! Письмо Ваше с предложением о перемирии я получил и спешу известить Вас, что я готов пойти на

¹⁵) Там же, № 9.

¹⁶) Там же, № 8.

встречу Вашему гуманному предложению. В этих целях я предлагаю нашим обеим армиям, сражающимся друг против друга на всем Кавказском фронте, прекратить военные действия и, не производя никаких стратегических перегруппировок, оставаться на ныне занимаемых позициях, в ожидании заключения перемирия. В случае Вашего согласия, я предлагаю создать из представителей турецкой и Русской армий специальную комиссию, коей поручить детально выработать приемлемые для обеих сторон условия перемирия»¹⁷⁾.

После получения согласия Турецкого Командования была создана комиссия по выработке условий перемирия под председательством генерал-майора Вышинского.

14 января 1918 года на имя Командующего Кавказской армией генерал-лейтенанта Одишелидзе получено было от Командующего Турецкой армией Вехиба-паши следующее письмо:

«Ваше Превосходительство! Во время заключения договора о перемирии членом комиссии генералом Вышинским было высказано, что Кавказская армия вступает в переговоры от имени независимого Кавказского правительства. Его Превосходительству Энвер-паше желательно было бы узнать, каким путем будет возможно восстановить отношения с независимым Кавказским правительством, какие предложения имеет Кавказское независимое правительство в целях восстановления мирных отношений между обеими сторонами. Поэтому Его Высокопревосходительство предлагает мне отправить в столицу независимого Кавказского правительства комиссию (делегатов) для скорейшего восстановления взаимно желаемого справедливого мира. Прошу Ваше Превосходительство представить это наше предложение Кавказскому независимому правительству. Жду благоприятного ответа Вашего Превосходительства»¹⁸⁾.

По получении этого предложения под председательством Н. Жордания состоялось заседание Краевого центра совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов, которому председатель Закавказского комиссариата Е. П. Гегечкори, доложив о письме Вехиба-паши о мире, добавил:

«Закавказский комиссариат не имеет пока своего суждения и предлагает Вам обсудить это предложение. Ваше решение ляжет в основу для нашей дальнейшей работы»¹⁹⁾.

Доклад Гегечкори вызвал очень оживленный обмен мнений, после чего было принято единогласно следующее постановление:

ф { «Желая заключить мир на основе приемлемой для российской демократии, считаем нужным довести до Вашего сведения,

¹⁷⁾ Там же.

¹⁸⁾ Там же, № 15.

¹⁹⁾ Там же.

что мы, являясь составной частью Российской республики, можем приступить к переговорам о мире лишь по получении соответствующего полномочия от только что собранного Учредительного собрания. Наши депутаты, отъезжающие на Учредительное собрание, уполномочиваются нами поставить Ваше предложение о мире в первую очередь, и ответ Вам будет сообщен незамедлительно»²⁰).

Итак, несмотря на создание Закавказского комиссариата, закавказская демократия во всех больших вопросах не хотела действовать separatно, а ждала директив от легальной центральной власти.

Но надежды закавказской демократии на Учредительное собрание не оправдались.

Как только стало известно о разгоне Учредительного собрания, (6.1.1918), экстренное заседание Краевого центра совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вынесло следующее постановление:

«Разгон Учредительного собрания оборвал ту последнюю нить, которая могла бы объединить всю Россию и всероссийскую революционную демократию. Борьба за Учредительное собрание есть борьба за единство России и за торжество революции. Разгон Учредительного собрания снова предоставил Закавказью своим собственным силам, где анархия все более расширяется и углубляется. Жизненные интересы края требуют в ближайшие дни созыва собрания депутатов, выбранных в Учредительное собрание от Закавказья и Кавказского фронта, которые и должны в первую очередь создать сильную, авторитетную власть, способную поддержать в стране революционный порядок и провести в жизнь назревшие реформы»²¹).

Когда надежды на Учредительное собрание с его разгоном совершенно отпали, Закавказский комиссариат все же, «желая согласовать свои выступления, направленные на ликвидацию войны, с мнениями и взглядами других автономных правительств Российской республики, одинаково с Закавказским правительством заинтересованных в заключении мира», испросил у Турецкого правительства трехдневный срок для ответа и в то же время постановил пригласить в Тифлис делегатов от Юго-восточного союза и Украины на 29 января, а 28 января состоялось заседание Комиссариата при участии президиума Краевого центра и представителей национальных советов: от Русского национального совета — С. Завалишин, от Армянского — М. Пападжанов и А. Бекзаян, от Краевого центра — Н. Жордания.

Долгие дебаты вызвал вопрос, кого из соседних правительств пригласить для участия в составлении ответа на турецкое предложение о мире. Решено было пригласить только Украинскую раду и Юго-восточный союз.

²⁰) Там же, № 16.

²¹) Там же.

На другой день, 29 января, согласно этому постановлению Е. Гегечкори телеграммой уведомил обо всем Центральную украинскую раду и правительство Юго-восточного союза и просил их на 14 февраля делегировать своих представителей в Тифлис на конференцию с соответствующими полномочиями. В то же время он письменно уведомил обо всем этом Старейшину Консульского представительства иностранных держав на Кавказе.

31 января была получена телеграмма от товарища председателя Юго-восточного союза Макаренко на имя Гегечкори, извещающая, что его телеграмма передана Донскому, Кубанскому, Терско-Дагестанскому, Астраханскому, Уральскому и Оренбургскому правительствам²²).

За это время агенты большевиков уже проникли в солдатские массы и успели серьезно развалить фронт. Часть армии еще до перемирия оставила фронт и направилась домой, при этом решительно отказываясь сдавать оружие.

«В армии, — сообщал Командующий Кавказской армией генерал Одишелидзе Главнокомандующему фронтом генералу Пржевальскому, — появился новый психоз — повальное требование оружия всеми нестроевыми частями и командами. Мотив: Закавказское правительство отделилось от России, оружие же русское, а потому его нужно вывезти в Россию»²³).

По железным дорогам двигались десятки и сотни эшелонов вооруженных солдат, направлявшихся с Турецкого фронта.

По данным Краевого Совета Кавказской армии, летом 1917 г. насчитывалось 128 000 солдат, самовольно оставивших фронт.

Тифлис и без этих эшелонов был переполнен войсками. Здесь находился двадцатитысячный гарнизон и все органы управления Кавказским фронтом.

18 декабря 1917 года ленинская власть по рекомендации Сталина назначила чрезвычайным комиссаром Кавказа большевика Степана Шаумяна.

22 января 1918 года Шаумян появился в Тифлисе и обратился «ко всем Советам» со следующей речью:

«Совет народных комиссаров назначил меня временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа впредь до создания на Кавказе советской власти. Советская власть на Кавказе должна быть создана безотлагательно. Дело революции нигде в России в настоящее время не находится в такой опасно-

²²) Там же, № 25.

²³) ЦГИА Груз. ССР, 283 (Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР). Цитируется по Г. Хачапуридзе «Большевики Грузии в боях за победу советской власти», Москва, 1951, стр. 145—146.

сти, как у нас на Кавказе. Рабоче-крестьянская республика со-
ветов — вот, что может спасти нас от гибели. Кавказ стоит на
краю пропасти. Спасайте его. Создавайте здесь рабоче-кресть-
янское правительство, которое положит конец контрреволю-
ции на Кавказе»²⁴).

Как только появилось это «обращение», Закавказский комиссариат
предложил Шаумяну в 24 часа оставить Закавказье. Опасаясь ареста,
Шаумян сейчас же скрылся со своим секретарем Кузнецовым.
Агенты большевиков, имея в своем распоряжении большие средства,
легко находили, однако, своих сторонников среди солдат. Пропаганди-
руя оставление фронта, они отнюдь не думали отправлять солдат до
мой. Напротив, все делали, чтобы задержать на местах и с их помощью
установить в Закавказье советскую власть. Проходящие эшелоны
приглашались «разрушить до основания гнездо контрреволюции в
Тифлисе». И, чтобы подольше задержать их, стали пугать всевозмож-
ными ужасами, якобы ожидающих их на дорогах Закавказья. Вы-
пускали, например, прокламации такого содержания:

«Преупреждение проходящим эшелонам! Товарищи солда-
ты! Те, кто вас заверяют в безопасности пути Тифлис — Ва-
ладжары, продают вас. Одиннадцать эшелонов, доверившихся
закавказским властям, подверглись обстрелу. Поезд из Тифлиса
на Баку обстрелян и ограблен. Мы считали бы себя преступни-
ками, если бы не предупредили вас о грозящей опасности на
пути к Северному Кавказу»²⁵).

Турецкое командование знало все это и не упустило случая вос-
пользоваться таким для него выгодным положением. Продолжая ве-
сти разговоры о мире, оно безостановочно передвигало свои войска
вперед, не считаясь с условиями перемирия и совершенно без боя
заняло целый ряд областей, получив огромные богатства в качестве
военного трофея. При таких условиях, конечно, нельзя было думать
о заключении почетного мира.

14 февраля, в день открытия конференции о мире, Закавказский
комиссариат получил через Командующего Кавказской армией гене-
рала Одишелидзе телеграмму от Командующего турецкой армией:

«По имеющемуся полномочию, имею честь просить довести
до сведения Закавказского правительства, что делегаты сере-
динных держав, собравшихся в Брест-Литовске, готовы прило-
жить все свои старания к признанию независимости Закавказ-
ского правительства, которое в уверенности на полнейший ус-
пех может отправить своих уполномоченных делегатов в Брест-
Литовск»²⁶).

²⁴ «Кавказский вестник Совета народных комиссаров», 13 февраля 1918 г.,
Тифлис.

²⁵ Газ. «Кавказский рабочий» (Краевой орган большевиков), № 21,
Тифлис, 1917.

²⁶ Документы и материалы, № 34, Тифлис, 1919.

6.9.1918. 1111 1918. 156 35
1918. 1494
1918.

Заседание Закавказского комиссариата в присутствии представителей национальных советов и президиума Краевого центра открылось 14 февраля, как было решено 28 января. Хотя на конференцию не прибыли делегаты Украины и Юго-восточного союза, было решено приступить к работе.

Собрание познакомилось прежде всего с текстом приглашения Закавказского правительства на Брест-Литовскую конференцию, выслушало доклад генерала Левандовского о положении на фронте и постановило:

«Приступить к мирным переговорам, но основные директивы и условия мира будут выработаны Закавказским сеймом, а Закавказскому комиссариату надлежит избрать комиссию для собрания материалов для подготовки доклада Сейму. Комиссариату поручается также ведение предварительных переговоров с Турцией об установлении состава делегации, места и времени их созыва»²⁷⁾.

Согласно этому постановлению, председатель Комиссариата Гегечкори послал Вехиб-паше следующую телеграмму:

«Закавказское правительство готово приступить к переговорам о мире, причем основные директивы и условия будут выработаны Закавказским сеймом, как представительным органом всего Закавказья, имеющим собраться в Тифлисе 23 февраля. Спеша известить Вас об этом, Господин Генерал, прошу срочно сообщить состав делегации Оттоманского правительства, равно предложения Вашего Превосходительства о месте и времени встречи делегации. О составе своих делегаций сообщим на днях»²⁸⁾.

Ответ Вехиб-паши был получен в тот же день по радио. Сообщалось, что «состав делегатов для разработки предварительных условий готов к выезду из Константинополя в Тифлис».

Наряду с работой по заключению мира, Комиссариат энергично взялся за проведение внутренних реформ. Был издан декрет о введении земств в тех местах, где не требовалось размежевания, а в тех местах, где это требовалось, предписывалось закончить его в месячный срок. Были также опубликованы декреты об учреждении земельных комитетов на местах, о конфискации земель удельного ведомства и больших помещичьих угодий, об урегулировании пользования лесами, упразднении сословий, остатков крепостного права, института церковных и государственных крестьян и т.д.

²⁷⁾ Там же, № 37.

²⁸⁾ Там же.

ГЛАВА III

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУЗИНСКОГО НАРОДА

(Создание Красной гвардии)

Наряду с общекавказской властью и революционными организациями в процессе широкого общественного движения назревала потребность для отдельных наций, в том числе и для грузинского народа, иметь свой общенациональный орган, признанный всеми его слоями, и могущий представлять нацию как целое. Первым шагом к этой цели было образование Интерпартийного комитета, в который входили представители всех партий Грузии, кроме большевиков. Обстоятельства дали этому Комитету возможность создать общенациональный съезд и организовать общенациональный центр, получивший название Грузинского национального совета.

Дело в том, что вопрос об упразднении сословий давно стоял в порядке дня революции. С этим был связан и вопрос о ликвидации больших земельных угодий. Такая судьба ожидала и грузинское дворянство. Но само грузинское дворянство, не дожидаясь соответствующего декрета, по своей доброй воле, постановило все свое состояние, принадлежащее ему как сословию, передать грузинскому народу. Акт был настолько важен и значителен, что грузинский народ встретил его с огромным интересом и с большим сочувствием. Для приема этого богатства грузинский Интерпартийный комитет созвал на 20 ноября 1917 г. в Тифлисе совещание грузинских представителей от городов, сельских исполнительных комитетов, политических партий, культурных и экономических организаций. На совещание явилось 324 делегата с решающим голосом и 19 с совещательным; из них 67 делегатов — от партий, 15 — от советов рабочих и солдатских депутатов, 33 — от городских самоуправлений, 89 — от сельских исполнительных комитетов, 20 — от грузинских войск, 8 — от кооперативов, 9 — от учительского союза, 35 — от различных культурных учреждений, 26 — от торговопромышленного союза и банков, 20 — от грузинского дворянства, 6 — от различных учреждений в других странах, 1 — от Совета Католикоса, 7 — от грузин-мусульман и грузин-католиков, 3 — от грузин-евреев, 2 — от абхазцев и 8 — от других учреждений. На совещании присутствовали также представители соседних народов, иностранных государств и Закавказский комиссариат в полном составе.

Совещание от имени Интерпартийного комитета открыл А. Чхенкели, который, после приветствия гостей, сказал:

«Сегодня народы, населяющие Россию, стоят перед очень ответственным моментом. Они должны согласовать свои действия с судьбой России. Октябрьская волна угрожает всему миру разрушением. Наш долг укрепить периферии и через это укрепить завоевания революции. Этот процесс уже начался. Все народы политически организовались и стараются защитить свои интересы. В России уже существуют государственные образования различных народов. Теперь очередь за нами. Настало время и для организации здешних народов»²⁹⁾.

Затем от имени Интерпартийного комитета председателем совещания объявляется Н. Жордания, а секретарем — автор этих строк. Н. Жордания, заняв председательское место, произносит следующую речь:

«У нас в Грузии давно существуют и работают различные партии, но до сего дня они не созывали национального собрания и, если сегодня они решились на это, то, очевидно, для того существуют глубокие причины.

Мы — маленькая нация и живем в такой стране, около которой растянут огромный военный фронт. Поэтому мы должны действовать очень осторожно. С одной стороны, этот фронт, а с другой, прекращение связи с Россией, вынуждают нас позаботиться о себе. На этой почве объединились у нас все существующие политические партии и сказали: пред нами стоят два вопроса и вокруг этих вопросов необходимо объединить как национальные, так и интернациональные силы. Первый вопрос — обеспечение физического существования грузинского народа. Второй вопрос — создание таких условий, на которых наш народ мог бы построить свое свободное культурное здание. Призываю вас к объединению и к единодушной работе»³⁰⁾.

После речи председателя, Собрание приветствовало представителей государств. Командующий Кавказским фронтом, русские культурные учреждения, Армянский и Азербайджанский национальные советы, Польская партия социалистов (ППС), литовцы, мусульмане западной Грузии и др. И в этой общей сочувственной атмосфере закрылось первое заседание.

На втором заседании с обширным докладом выступил сам председатель Н. Жордания. Он сказал:

«Интерпартийный совет поручил мне сделать настоящий доклад. В Интерпартийный совет входят представители всех грузинских политических партий и, если они нашли возможным поручить настоящий доклад одному лицу,

²⁹⁾ Газ. «Эртоба», № 11, Тифлис, 1917.

³⁰⁾ Там же, 22 ноября 1918 г., Тифлис.

то ясно, что у них оказалась общая почва, и мой доклад будет построен именно на этой, общей для всех партий почве.

Тема моего доклада — текущий момент и Грузинский народ. А текущим моментом мы называем то политическое положение, в котором находится ныне Россия. Наши интересы связаны с Россией и, выясняя положение нашего народа, мы исходим из положения целой России. Ясно, что мы и ныне остаемся на той же почве, на которой стояли и раньше, именно на почве единения с Россией...

И вот теперь перед нами та же дилемма, которая сто лет тому назад стояла перед нашими предками: снова обратиться к Западу и, следовательно, к России, или повернуться к Востоку? Как попали мы в этот тупик?»³¹⁾

Отвечая на этот вопрос обширным анализом создавшегося положения, он продолжал:

«Вам известно, что в центральной России крупные беспорядки, что там нет признанного всеми правительства. Периферии, вследствие теперешнего положения вещей, оказались оторванными от центра и принуждены устраиваться собственными силами. Уже устроилась Украинская республика, Донская, Кубанская, Северокавказская республика и др. Перед такой неизбежностью стоим ныне и мы, жители Закавказья и, в частности, Грузинский народ. Но мы глубоко заинтересованы и желаем, чтобы в России была восстановлена центральная власть, которая возьмет в свои руки дело войны и мира. Восстановления центральной власти желают и армяне, и азербайджанцы... Но для того, чтобы Россия окрепла внутри, необходимо укрепить и перифериям. Отсюда необходимость образования Закавказского комиссариата. Кроме того, для создания в нашей стране политической власти необходимо создания местного органа — Сейма, что уже предполагается. Таким образом у нас будет на месте вроде политического центра. Но необходимо, помимо политического центра, иметь соединение национальных сил. У армян и у азербайджанцев уже были национальные съезды — грузины же организовали такой съезд только сегодня. Такое соединение сил гарантирует правильное разрешение местных вопросов.

Высшим носителем государственной верховной власти в России является Учредительное собрание. Если анархия не будет прекращена и в России и окажется невозможным созвать в ближайшее время Учредительное собрание, то мы окажемся вынужденными созвать местное Учредительное собрание и создать для себя конституцию...»³²⁾

³¹⁾ Там же, № 104, Тифлис, 1917.

³²⁾ За два года, Тифлис, 1917, стр. 52—54.

Все резолюции собрание приняло единогласно и выбрало свой Исполнительный комитет из 15 членов под председательством Н. Жордания. В состав Исполнительного комитета вошли 8 социал-демократов, 2 социал-федералиста, 2 социалиста-революционера, 2 национал-демократа и 1 от мусульман-грузин. Большевики и здесь отказались от всякого участия. Напротив, они повели яростную атаку и стали доносить фронту, что Грузия, а с ней все Закавказье, отделились от России и действуют против нее. На фронте в это время было много бывших полицейских и жандармов, отправленных на фронт по декрету Временного правительства, которые не упускали случая мстить революции и создавать ей всевозможные затруднения. Большинство из них примкнуло к большевикам, а некоторые из них оказались даже делегатами на краевом Армейском съезде, но были там же разоблачены и удалены.

Такая провокационная работа на фронте создала настолько угрожающее положение, что революционные организации вынуждены были обратиться к фронту со следующим воззванием:

«Местные большевики хотят вызвать здесь гражданскую войну. Полные злонамеренных замыслов, они призывают вас восстать против здешней народной власти, против всего Закавказья. Они говорят вам, что Закавказье будто уже отделилось от России. Не верьте, товарищи, этим провокаторам! Вас призывают бороться против Кавказской демократии. Не верьте этим безумцам! Они хотят пролить вашу кровь! Сомкнитесь вокруг советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов, вокруг кавказской демократии и вместе с ней завоюете мир, землю и свободу!»³²⁾

Особенно осложнилось положение, когда в Тифлис прибыл с фронта Карсский полк. Полк отправлялся на Северный Кавказ и в Тифлисе был проездом. Большевики воспользовались этим и начали агитировать солдат против Закавказского комиссариата. В полку устраивались митинги по ночам; раздавались призывы выйти на улицу и принудить Закавказский комиссариат признать советскую власть. Агитация имела успех. Полк отказался ехать на Северный Кавказ и рассылал своих представителей в другие части с предложением поддержать его выступление против Закавказского комиссариата. Ввиду этого Бюро рабочего исполнительного комитета приняло против них энергичные меры и предложило им, чтобы полк немедленно выехал на Северный Кавказ. Полк, видя что в городе принимаются серьезные меры против, не стал рисковать и уехал.

С уходом Карсского полка тревога улеглась, но не было никакой уверенности, что подобное не повторится. А это требовало усиления вооруженной силы для поддержания порядка. С этой целью Исполнительный комитет Тифлисского совета рабочих депутатов получил

³²⁾ Г. И. Уратадзе. Общественное движение в Грузии, Париж, 1939, стр. 94—95.

разрешение на выдачу ему из арсенала 2000 ружей. С этим решением он обратился в Солдатский комитет артиллерийских складов, но получил отказ. Тогда Исполнительный комитет решил отобрать силой арсенал и поставить там своих людей. Привести в исполнение это постановление было поручено Красной гвардии, которая, ночью 12 декабря и завладела им. Переход арсенала в руки Исполнительного комитета имел большое значение. Если до этого за неимением оружия тормозилось усиление вооруженной силы, то с переходом арсенала в руки Исполнительного комитета возможно стало вооружить новые надежные отряды. Среди этих отрядов первое место занимала Красная гвардия.

Когда в городе усилилась анархия, Исполнительный комитет Тифлисского совета рабочих депутатов обратился с призывом к тифлиским рабочим принять участие в установлении порядка. Призыв Комитета был встречен очень сочувственно среди рабочих, и они спешно приступили к составлению отрядов из самых передовых рабочих. Отряды находились в распоряжении Исполнительного комитета. Город Тифлис был разбит на районы, и в каждом районе был учрежден Особый штаб для руководства этими отрядами. По мере усиления беспорядков усиливалось и число членов этих отрядов. Члены отряда не получали никакого вознаграждения и продолжали попрежнему работать на заводах и фабриках и в случае нужды являлись немедленно в штаб своего района.

Так создалась та Красная гвардия, которая так много услуг оказала своей родине как на фронтах, так и в тылу. Гвардия, как добровольная организация, имела временный характер. Предполагалось, что как только установится порядок и жизнь войдет более или менее в нормальные рамки — все они вернуться в свои фабрики и заводы.

Вначале гвардия была плохо вооружена, но после завладения арсеналом стало возможным вооружить ее как следует.

В арсенале оказалось 13 000 годных ружей, которые, согласно постановлению Исполнительного комитета, были разделены поровну между тремя народами: армянами, азербайджанцами и грузинами для составления национальных полков.

Еще Временное Правительство особым декретом предоставило отдельным нациям право составить свои национальные полки. Согласно этому декрету, Командующий Кавказским фронтом разрешил составление таких полков и на Кавказском фронте. Были составлены грузинские и армянские полки — полки скорее по названию, чем по числу бойцов. Для ускорения создания этих полков от имени Грузинского Национального Совета Н. Жордания обратился к грузинским офицерам и солдатам со следующим воззванием:

«Невыносимо положение Закавказья. Ввиду агитации большевиков фронт оголяется, русские солдаты спешат домой. Наша родина стоит перед двойкой опасностью: оголения фронта и разгрома внутри. Первое грозит вторжением турок, а второе — благополучию нации и ее культуре. Для избежания этой

опасности защита физического существования нашего народа властно требует создания регулярных частей. Все кавказские народы уже приступили к организации такого войска. Теперь очередь за нами. Национальный совет и его военная комиссия призывает всех военных-солдат и офицеров, немедленно прибыть в Грузию как с русского, так и кавказского фронтов для составления грузинских полков. Спешите записаться в грузинские полки»³⁴).

В то же время Н. Жордания обратился к грузинскому народу:

«Цельность государства разрушена, экономическая жизнь развалилась. В России свирепствует гражданская война. Родина и свобода в опасности. Необходимо немедленно создать сильное регулярное войско, чтобы вместе с нашими соседями рука об руку избежать всеобщий разгром. Во имя свободы и благоденствия страны каждый грузин-воин немедленно должен явиться в свою военную часть»³⁵).

Воззвание имело успех. Находящиеся на фронте солдаты и офицеры, укомплектованные в отдельных частях, прибыли в Грузию. Здесь к ним прибавились другие и, таким образом, было составлено 5 полков, хотя не в полном составе. Но скоро оказалось, что и эти полки были сильно отравлены большевистским ядом. Они привезли с собой все отрицательные стороны фронта и воцарили в казармах. Отравленные таким ядом солдаты и не думали о защите родины или о борьбе с анархией. Напротив, сами стали грабить села и города, и Исполнительный комитет вынужден был всех их разоружить и демобилизовать.

Разрушительная работа большевиков выявилась не только в национальных полках. Если до сих пор Закавказье было свободно от их губительных экспериментов, то это происходило прежде всего вследствие их слабости. Отвергнутые и неприемлемые демократией, они не в состоянии были причинить какой-нибудь вред солидарности этой самой демократии. Но после октябрьского переворота, на второй съезд Кавказской армии фронт провел много таких делегатов, которые по тем или иным причинам стали поддерживать большевиков; те не замедлили воспользоваться таким их настроением и потребовали, чтобы съезд признал советскую власть и чтобы армейский центр подчинялся распоряжениям этой власти как законной российской власти. Этого, конечно, не могла допустить кавказская демократия. На этой почве произошло на съезде острое столкновение, закончившееся расколом. Большевики и им сочувствующие ушли со съезда и создали свой собственный армейский центр. Меньшевики, социалисты-революционеры, дашнаки, украинцы и трудовая группа казаков остались в общем демократическом армейском центре и продолжали общую работу. На этот раз усилие большевиков вызвать гражданскую войну кончилось их изоляцией.

³⁴) Там же, стр. 98.

³⁵) Там же, стр. 99.

22 декабря состоялся съезд делегатов кавказских рабочих советов, на последнем заседании которого бакинские и некоторые северокавказские делегаты заявили, что они открывают свой собственный съезд и поэтому требуют своих мандатов. Все это произошло как раз в тот момент, когда именно и нужно было сплочение всех сил для предотвращения анархии, пламя которой уже появилось в Ганджинской губернии.

Особое положение Закавказья было вызвано и тем, что оно населено многими народами. Это обстоятельство требовало от политических руководителей сугубой осторожности, особенно в тот трагический момент, когда в Гандже с первого же дня установились враждебные отношения между армянами и азербайджанцами, перешедшие в открытое столкновение. Какую грозную опасность представляли ганджинские события, видно из того, что в первый же день столкновения было убито больше 300 человек. Закавказский комиссариат принял самые энергичные меры, но беспорядки еще долго продолжались. Город и окрестности сильно пострадали и было много жертв. В конце концов удалось ликвидировать волнение: была создана специальная милиция из азербайджан, армян и представителей рабочих организаций для защиты железнодорожной линии и станции. А это имело очень большое значение, так как по этой линии отправлялись в Россию многие эшелоны, на которые нападали банды с целью их обезоружения, для чего часто пускали воинские поезда под откос, что вызывало гибель многих солдат. На этой почве происходило часто настоящее сражение. Все это вызывало как на фронте, так и в тылу волнение и раздражение, чем так безудержно пользовались большевики для своей провокационной агитации. Чтобы положить конец всему этому, Закавказский комиссариат и армейский центр выработали целый ряд мер для обеспечения эшелонам спокойного путешествия. Проведение в жизнь этих мер было возложено на начальника броневых поездов В. Гогоадзе, который сопровождал каждый эшелон до Баку. Таким образом было отправлено без всяких инцидентов несколько сот тысяч солдат, хотя броневики сами понесли большие жертвы. Путешествие по железной дороге было очень опасно потому, что во многих местах рельсы были сняты, станции сожжены, водокачки испорчены, мосты разрушены, служащие редко где оставались. Броневикам приходилось самим все это чинить, приводить в порядок, одновременно охраняя эшелон от нападения многочисленных банд.

Закавказский комиссариат и революционные организации всецело были заняты то отправкой эшелонов, то борьбой с большевиками, о чем было хорошо осведомлено Турецкое командование, которое, конечно, широко воспользовалось этим, для него очень выгодным положением. Продолжая переговоры о заключении мира, оно следовало шаг за шагом за уходящими с фронта солдатами и совершенно без боя вернуло себе все завоеванные Россией области, да еще, как военный трофей, огромное количество военного снаряжения и всякого другого имущества.

ГЛАВА IV

СОЗДАНИЕ ЗАКАВКАЗСКОГО СЕЙМА

Одиннадцать месяцев терпеливо ждал Кавказ открытия Всероссийского учредительного собрания, через которое он думал удовлетворить свои национальные чаяния. Но теперь, когда большевики разогнали его, наш край совершенно оторвался от Центра, и всякие сношения с ним прекратились.

Как только было получено известие о разгоне Всероссийского учредительного собрания, было созвано экстренное совещание Закавказского комиссариата и представителей всех революционных организаций, которое единогласно постановило пригласить членов Всероссийского учредительного собрания от Кавказа и предложить им создать местную власть, которая разрешила бы все местные вопросы, среди которых самыми важными были вопросы мира и земли.

23 января открылось собрание депутатов от Закавказья, числом 26 человек. Собрание открыл от имени Комиссариата Е. П. Гегечкори. После его краткого вступительного слова, собрание единогласно выбрало председателем Н. С. Чхеидзе, приняв следующее постановление:

«Обсудив политическое положение в связи с разгоном Учредительного собрания, совещание членов Учредительного собрания от Закавказья считает необходимым до созыва вновь Всероссийского учредительного собрания учредить Закавказский сейм с законодательными функциями для разрешения местных вопросов. Для определения числа членов Сейма уменьшить нормы избирательного закона для отдельных партий в три раза. Созыв Сейма назначить на 23 февраля»³⁶⁾.

Пред закрытием совещания председатель Чхеидзе огласил письменное заявление большевиков, где они говорили, что «так как Сейм созывается, чтобы обмануть народ — они отказываются от участия в работах Сейма»³⁷⁾.

³⁶⁾ Документы и материалы, Тифлис, 1919, стр. 200.

³⁷⁾ Там же.

На этом совещании с программной речью выступил и член собрания Н. Жордания. Он сказал:

«Члены Всероссийского учредительного собрания от Закавказья силой создавшегося положения вынуждены были собраться, чтобы разрешить наиболее местные вопросы. Не прекращая борьбы за Всероссийское учредительное собрание, члены Учредительного собрания от Закавказья вынуждены принять на себя разрешение местных вопросов, не ожидая полномочий от Центра. Чтобы придать большую авторитетность решениям собрания, необходимо уменьшить нормы избирательного закона с 60 тысяч до 20 тысяч. Тогда состав собрания увеличится до 100 человек. Это собрание должно быть названо Закавказским сеймом, и он должен взять на себя верховную власть до созыва Всероссийского учредительного собрания. Даже после созыва Всероссийского учредительного собрания Сейм, вероятно, останется, так как Всероссийское учредительное собрание провозгласило Россию федеративной республикой... Создание Сейма не означает упразднения революционных краевых центров. У краевых революционных центров функции иные. Сейм не противопоставляется краевым центрам. Революционные органы уйдут только тогда, когда будет установлен прочный нормальный правопорядок. Исходя из общегосударственных перспектив и из местных нужд, необходимо создать объединяющий все нации Центр. Таковым должен быть Сейм»³⁹).

23 февраля открылся Закавказский сейм. Все фракции единогласно предложили пост председателя Н. С. Чхеидзе. О деятельности Закавказского комиссариата с подробным отчетом выступил Е. Гегечкори, который закончил свой доклад заявлением, что, так как теперь существует Сейм, Закавказский комиссариат, как временное правительство, уходит и передает председателю письменное заявление об отставке всего Комиссариата. Заявление было принято Сеймом, но Сейм просил Комиссариат остаться у власти до создания нового правительства.

На втором заседании Сейма, 1 марта, председатель Закавказского комиссариата Г. П. Гегечкори сделал доклад о ходе переговоров о заключении мира с Турцией.

«Сейчас перед нами стоит вопрос, как спасти, если не всю Россию, то, по крайней мере, ее часть, ибо мы только часть России. Если нам на территории нашего края удастся отвести и парализовать направленный удар, то Закавказский сейм выполнит свой долг. Позвольте мне остановить ваше внимание на том, что было сделано в этом отношении нами. 17 ноября мы получили от Командующего Турецкой армией письмо с предложением перемирия. Исходя из общей политической обста-

³⁹) За два года, Тифлис, 1917, стр. 217—218.

новки в России, мы предложение приняли. Комиссариат предполагал, что во время перемирия соберется Всероссийское учредительное собрание, которое и выработает условия мира. Соглашение по всем пунктам было достигнуто, и договор о перемирии был подписан 5 декабря, причем установлены демаркационные линии. 15 января было получено новое предложение о заключении мира. Наш Комиссариат, по обмену мнениями с представителями Краевого центра, национальных центров и Главнокомандующим, постановил начать предварительные переговоры о мире. Определение же условий мира принадлежит Закавказскому сейму. Закавказский комиссариат местом встречи наметил Трапезунд, куда скоро выедет наша делегация. Поэтому выработка условий мира — вопрос срочный, медлить нельзя»³⁹).

Сейм признал вопрос срочным и выбрал специальную комиссию, которой поручил выработать «основные положения» по вопросу о мире. От имени этой комиссии, в тот же день, председатель комиссии Н. Рамишвили представил Сейму обширный доклад, который заканчивался так:

«Если, идя на почетный мир с Турцией, мы встретим непреодолимое препятствие с ее стороны, если Турция не пойдет нам навстречу, то все закавказские народности без различия партий и положений найдут в себе достаточно силы, чтобы общими усилиями отстаивать интересы Закавказья и общие цели. Во всяком случае закавказские народности, идя на почетный мир с Турцией, сумеют защитить свои собственные интересы»⁴⁰).

«Основные положения» для переговоров были приняты единогласно; они состояли из трех пунктов.

«1. Закавказский сейм при создавшихся условиях считает себя правомочным заключить мир с Турцией.

2. В основание заключенного мирного договора должно лечь восстановление государственных границ России с Турцией, существовавших к моменту объявления войны в 1914 году.

3. Делегация добивается права на самоопределение для Восточной Анатолии, в частности, автономии Турецкой Армении в рамках Турецкой государственности»^{40а}).

2 марта, согласно постановлению Сейма, председатель Сейма Чхеидзе и председатель Закавказского комиссариата довели до сведения всех свой протест против Брест-Литовского договора, заявив, что Сейм

«Считает всякий договор, касающийся Закавказья и его границ, заключенный без его ведома, лишенным международного

³⁹) Там же.

⁴⁰) Документы и материалы, № 45, Тифлис, 1919.

^{40а}) Там же, № 46.

февраля от того же Вехиба-паши было сказано что турецкая делегация выезжает для разработки предварительных условий для мирного договора и для признания Закавказского правительства. При таком отношении со стороны Турецкого правительства, которое как бы авансировало нам эту независимость, предложение эвакуировать Карс, Батум и Ардаган, нам представляется недостаточно логически сконструированным.

Закавказский комиссариат ставит вопрос перед Сеймом, о том, считать ли предложение об эвакуации названных областей фактически перерывом мирных переговоров или это объясняется просто недоразумением. Со своей стороны я думаю, что нами должны быть приняты все меры к тому, чтобы... прекратить ту ужасную бойню, которая в течение четырех лет поглощает массу человеческих жертв и огромные материальные силы. В этом отношении все средства должны быть исчерпаемы. Но вместе с тем... мы должны поставить население в известность относительно того положения, которое мы сейчас переживаем. Наш долг сказать населению, перед какой опасностью оно стоит»⁴³).

Генерал Лебединский (Главнокомандующий):

«Могу сказать, что отношение турок к нам за последние два-три дня изменилось. Наши войска оставили огромные запасы вооружения и продовольствия. По предложению турок была образована комиссия, которая должна была приставить охрану, чтобы постепенно увозить все имеющиеся там запасы. По полученным теперь сведениям, выходит, что турки не пускают наших представителей. Кроме того, нам сообщают, что появляются из Европейской России части 42 дивизии. Появилось много фелюг с боевым запасами»⁴⁴).

Н. Жордания:

«Вы все знаете, как мы стремились и стремимся к миру, что вообще демократия не заинтересована в ведении этой братоубийственной войны, и она с самого начала задалась целью эту войну более или менее безболезненно ликвидировать. Но нужно вам сказать, что для демократии не всякий мир приемлем. Мы не большевики, чтобы на словах осчастливить народ, а на деле его предать. Мы не толстовцы, чтобы не противиться злу. Нет, когда есть опасность для демократии, будет ли она внутренняя или внешняя, все равно, мы должны бороться за эту демократию. !Отрезать от Закавказья те области, которые хотят взять, это значит нанести смертельную рану всему Закавказью в культурном, экономическом и политическом отношениях. !

⁴³) Стенографический отчет заседания Сейма, Тифлис, стр. 89.

⁴⁴) Там же, стр. 93.

Батум для нас — это то же, что Петроград для России и Смирна для Турции. Это единственный выход в Черное море и благодаря этому Закавказье получило возможность развиваться в экономическом и культурном отношениях и вообще уподобиться европейским странам. Если возьмете Батум, то Баку останется изолированным, и его промышленность зачахнет. Если выотрежете Батум, то весь край останется без порта, особенно западная Грузия... С другой стороны, у нас есть и политические соображения: мы совершили великую революцию не затем, чтобы из одного рабства попасть в другое.

Мы думаем, что ту свободу, которую мы завоевали, и те реформы, которые мы должны провести в жизнь, должны провести самостоятельно, без чьего-либо давления извне. Если мы подчинимся внешнему влиянию, если нам будет диктовать турецкие властелины, то мы должны будем проститься с революцией и свободой.

Закавказская демократия которая заинтересована прежде всего в решении аграрного вопроса, не сможет его решить, благодаря турецкому нашествию, а вы знаете, что в Турции аграрный вопрос стоит в иной плоскости, чем у нас. У нас оборона границы есть оборона революции. Когда народ в этом убедится и увидит опасность, он возьмет в свои руки оружие. Мы желаем сохранить старые границы и в пределах этих границ стоим, безусловно, за то, чтобы каждый народ свою судьбу сам определял и свой будущий строй каждый сам себе изготовил. Если же Турция потребует от нас аннексии, то по тому же праву и мы можем потребовать от нее аннексии. Если она может сказать нам, чтобы по религиозным соображениям Аджарская и Карская области соединились с Турцией, то мы можем сказать, что по тем же соображениям Армения должна присоединиться к нам. Но мы этого не говорим, мы говорим, что народы Турции и Закавказья в своих старых границах должны сами себя определить, и мы думаем, что когда будут у нас восстановлены старые границы без влияния извне, при той свободе, которая у нас существует, каждая народность, каждая область получит у нас полнейшую возможность выявить свою политическую и экономическую волю и стать кузнецом своей судьбы... Значит оборона границы у нас обозначает оборону не только экономическую и политическую, но и оборону национальных свобод. Но мы, конечно, помогаем, чтобы Турция заключила с нами почетный мир. Но, если мы умеем мириться, то нужно сказать, что сумеем отстоять свое право на существование и не унизимся до того, чтобы подписать позорный мир и нанести нашей стране смертельный удар.»

Шахатуни (Армянская партия) указал:

«Недавно Закавказский Сейм принял платформу демократического мира. Все пункты этой платформы были без огово-

рок приняты нашей партией. Стремясь к заключению демократического мира и к созданию нормальных отношений между двумя народами, все народности Кавказа, а в том числе и армянский народ, дает свое полное согласие на ведение мирных переговоров. Мы стоим на точке зрения условий, выставленных Закавказским сеймом для ведения мирных переговоров, и готовы понести новые лишения, новые потери, если это потребуется для осуществления платформы демократического мира».

Фатали-хан-Хойский (Азербайджанская партия Муссават) сказал:

«От имени группы беспартийных и партии Муссават имею честь заявить следующее: об условиях мира Сейм уже имеет свое постановление. Мы имеем также точные сведения о том, что турецкие делегаты уже выехали из Константинополя, даже прибыли в Трапезунд. При таких условиях занять какое-либо угрожающее положение на наш взгляд является до некоторой степени международной нетактичностью и может поставить наших делегатов в неловкое положение. Поэтому мы считаем, что сейчас об этом нам говорить не приходится. Что же касается поведения Турецкого правительства, то в нем мы усматриваем некоторую логическую последовательность. Турецкое правительство неоднократно рассматривало нас как самостоятельную единицу и оно настойчиво нам навязывало, если можно так выразиться эту идею. Турецкое правительство предлагало Закавказскому правительству послать своих делегатов на мирную конференцию в Брест-Литовск для ведения самостоятельных переговоров. Закавказское правительство тогда не сочло возможным это сделать. Турецкое правительство неоднократно обращалось к Закавказскому правительству, подчеркивая его независимость. На это мы определенного ответа не давали. Поэтому, когда сейчас Турецкое правительство, рассматривая нас как часть Российской республики, и обращаясь к нам как к части Российской республики, предлагает нам выполнить те условия мира, которые заключены Российской республикой, то в этом нельзя не усмотреть известной логической последовательности. Сейчас переговоры с Турцией переходят в такую фазу, когда этот вопрос будет поставлен в более категорической форме. Поэтому нам казалось бы более целесообразным на ближайшем заседании Сейма еще раз поставить этот вопрос на обсуждение, а нашей мирной делегации предоставить возможность узнать их условия и сообщить нам, и тогда мы обсудим дальнейший наш образ действий».

И. Лорткипанидзе (социалист-революционер):

«По поручению своей фракции я заявляю, что все наши силы, все наши средства, способности и жизни в распоряжении

демократии. Сейм должен в первую очередь расклеить речь Н. Н. Жордания. Сейм должен довести до сведения народов, что на первой очереди стоит вопрос о земельной реформе. Мы имеем право требовать, чтобы вы (обращаясь к фракции Муссават) сказали нашему правительству: организуйте силы и пусть все знают, что, если будет борьба, то мы будем все вместе».

О. Семенов (член партии К. Д.):

«Турки... предлагают нам известные условия мира, но в то же самое время они пополняют свои войска в Трапезунде... Должны ли мы говорить, что согласны на всякие условия? Нет, мы должны сказать, как говорил Жордания, что мы не согласимся на всякие условия... и окажем упорное противодействие, которого не встретили они со стороны большевиков».

Е. П. Гегечкори:

«Хан-Хойский называет постановку вопроса, в то время, когда над народами нависает опасность, международной бестактностью. Но было бы величайшим преступлением перед Закавказским краем и народом, если бы я этот вопрос не поставил бы так, как я его понимаю. Член Сейма Хан-Хойский говорил, что Закавказский комиссариат своевременно не согласился на предложение Турции объявить себя самостоятельным Правительством, но член Правительства Фатали-хан Хойский забыл, что Комиссариат еще не упразднен, забыл, что при той политической конъюнктуре, которая была готова разнести все и вся, он был согласен, что другого выхода быть и не могло. Прежде всего он должен был возвысить свой голос против желания навязать нам Брест-Литовский договор который был выработан без нас. Мы никому не угрожаем и не такой теперь момент. Мы говорим, что никто не смеет отрицать за нами право, т.е. право умереть с честью, когда это надо, когда над нами заносится меч.

Итак, мирная делегация наша должна работать по тем директивам, которые были ей даны. Мы же, со своей стороны, будем принимать все меры к тому, чтобы обезопасить честь и достоинство всего Закавказского края. Это наша обязанность, и мы должны ее выполнить. Мы говорим, что, если Сейм находит нужным одобрить то, что мы делаем, то этот путь мы должны и будем продолжать. Если же Правительство не удовлетворяет желания Сейма, то такое Правительство не имеет права существовать ни одной минуты».

Фатали-хан Хойский:

«Те страстные реплики, которые здесь изволил сейчас подать Гегечкори, едва ли имели основания. Я говорил лишь, что пока не время обсуждать тот случай, когда Турция не

согласится принять наших условий. Сейчас политическая конъюнктура такова, что перед нами стала дилемма — дать на вопрос о независимости категорический ответ»⁴⁵).

12 марта, после взаимных визитов, начались мирные переговоры в Трапезунде. Закавказская делегация запросила письменно турецкую делегацию, означает ли требование Вехиба-паши об эвакуации Карса, Батума и Ардагана отказ от ведения дальнейших переговоров. Председатель турецкой делегации устно ответил, что о требовании Вехиба-паши ему ничего неизвестно.

14 марта открылась конференция официально. На III заседании председатель турецкой делегации Рауф-бей заявил:

«Закавказский Комиссариат в телеграмме от 23 января сообщал о необходимости согласовать свои действия с поведением и актами других, составляющих территориальное единство Российской республики автономных правительств; он воздержался от посылки своих представителей на Брестскую конференцию и считает себя не независимым государством, а членом Российской Федеративной Республики. На основании этих соображений Оттоманская делегация заявление Закавказской делегации о недействительности Брестского договора в части, касающейся Кавказа, считает для себя неприемлемым»⁴⁶).

Закавказская делегация, повторив свой протест против Брестского договора, предложила турецкой делегации условия Закавказского сейма. Оттоманская делегация протестовала самым энергичным образом против 4 пункта условия (о «самоопределении») и заявила, что для продолжения переговоров необходим отказ от каких бы то ни было прав на Батумский, Ардаганский и Карсский санджаки. После этой декларации был объявлен перерыв до получения дальнейших директив от соответствующих правительств. В тот же день часть Закавказской делегации выехала в Тифлис для доклада Сейму. По прибытии членов делегации было созвано заседание президиума Закавказского сейма, Закавказского правительства и представителей фракций. Заседание выслушало доклады членов мирной делегации, командированных делегацией из Трапезунда для сообщения Сейму и правительству о ходе мирных переговоров и для получения дополнительных директив. Первое слово было предоставлено Р. Качазуни.

Р. И. Качазуни (член мирной делегации):

«При обсуждении положения Закавказья турки настоятельно добивались разъяснения, что из себя представляет Закав-

⁴⁵ Там же, стр. 93—106.

⁴⁶ Документы и материалы, № 54, 1919, стр. 138.

казье, какая форма правления установлена и какие границы признает Закавказское правительство. Турки считают, что в момент заключения Брест-Литовского договора Закавказье еще не было самостоятельным суверенным государством, что не были выполнены до сего времени условия, которые требуются международным правом, поэтому данная конференция не есть мирная конференция. Так как Османское правительство выразило лишь желание познакомиться с новым положением Закавказья и заключить добрососедские торговые и иные договоры, нисколько не желая вести мирные переговоры, которые уже закончены по отношению к Закавказью в Брест-Литовске, так как тезисы, преподанные Сеймом мирной делегации, не были приняты турецкой делегацией, а требования наши об автономии турецкой Армении турки считают недопустимыми, и так как Турция, считаясь с образованием на ее границе нового государства предполагает данную конференцию считать предварительными переговорами, мирная делегация и решила командировать нескольких своих членов в Тифлис для доклада Правительству и Сейму о ходе переговоров и для получения дополнительных инструкций.»

И. Гайдар (член делегации):

«Прибывшие члены делегации не имеют общей директивы для своих докладов. Прошу для полного освещения положений огласить протокол официальных заседаний конференции.»

Предложение было принято, и секретарь прочитал протокол 5-го заседания мирной конференции.

Г. Ласхишвили (член делегации):

«Все попытки Закавказской делегации сдвинуть турок с позиции Брест-Литовского договора были тщетны, но думаю, все же есть возможность продолжать переговоры... Сейму необходимо установить максимум и минимум, в пределах которых мирная делегация свободна действовать, так как дальнейшие переговоры могут продолжаться только при наличии более гибких директив.»

Тигранов:

«Какие были разговоры по вопросу о создании и укреплении Закавказского государства? В чем содействие Турции могло бы быть выражено в этом направлении?..»

Р. И. Качазнуни (Армения), говорит, что по вопросу об автономии Армении А. И. Чхенкели поднимал несколько раз вопрос, но каждый раз получал чисто формальный ответ, что это дело Турции. Батуми и Карс они хотят иметь, чтобы при изменившихся обстоятельствах можно было бы легче защищать свои права.

И. Гайдар заявляет, что, опираясь на Брест-Литовский договор, Турция и не думает об отказе от Батуми, Карса и Ардагана, тем более, что возвращение отторгнутых в прошлые времена областей вызвало энтузиазм народа и армии.

И. Г. Церетели (социал-демократ):

«Позиция Сейма — сохранение целостности и независимости Закавказья. Изменить эту позицию нельзя, так же, как нельзя обрывать мирные переговоры. Нужно только придать эластичность директивам мирной делегации. Нужно изменить положение председателя и предоставить ему более широкие полномочия, чтобы он чувствовал себя полномочным в решении важных вопросов, а остальные члены делегации являлись бы советниками. Лицо, которое ведет переговоры, должно иметь право делать те или иные шаги на свой страх и под свою ответственность».

И. Гайдар соглашается с Церетели и указывает, что иногда необходимо председателю иметь особые права; отсутствие их при истекших переговорах ослабляли наши позиции.

Н. С. Чхеидзе (председатель):

«Из изложенных сообщений видно, что турки хотят перенести вопрос в сторону объявления независимости в границах Брест-Литовского договора и после этого вести дальнейшие переговоры.»

Х. Карчикян:

«При объявлении независимости Закавказья надо указать территорию. Если таковая будет указана в старых границах, то тогда Закавказская республика сразу же вступает в спор с Турцией за спорные области — Батумскую, Карсскую и Ардаганскую. Если объявление независимости последует в границах Брест-Литовского договора, то тогда независимости фактически не будет. Поэтому вопрос о независимости нужно решать во время самих переговоров, путем соглашения с турками и только мирным договором должны быть решены все вопросы о территории и независимости. Закавказье не требует аннексии Армении, но может, заботясь о положении родственного народа, указывать на права самсопределения народов».

О. Семенов (член партии К. Д.):

«Если Турция признает нашу декларацию независимости, а противные державы нет, то на общей мирной конференции

Закавказье не будет признано независимым государством и вот почему нужны гарантии Турции и ее союзников, которые и должны дать на настоящих мирных переговорах исчерпывающие ответы.»

А. Кантемир:

«Не имея ни снарядов, ни вооружения, мы войны вести не можем. Предлагаю согласиться с основами Брест-Литовского договора и отдать Турции Батум, Карс и Ардаган. Объявление же независимости должно произойти тогда, когда это укажут внутренние побуждения страны.»

Мехтиев от имени мусульманской фракции заявляет, что, если не будет объявлена независимости, то его фракция отказывается от поддержки мирных переговоров. Вообще же переговоры должны вести не члены Сейма, а суверенное правительство, через своего министра иностранных дел с чрезвычайными полномочиями.

Наконец, Н. Жордания предлагает следующую резолюцию:

«Выслушав доклад делегатов, ^{соединенное} объединенное заседание президиума Сейма, Закавказского правительства и представителей фракций Сейма, стоя на почве решения Сейма по вопросу об условиях мира с Турцией, и желая достичь почетного мира, приемлемого для Закавказского правительства и Турции, решает облечь председателя мирной делегации чрезвычайными полномочиями самостоятельно делать в этом направлении необходимые шаги»⁴⁷⁾

Резолюция была принята единогласно.

Закавказская делегация, основываясь на новых полномочиях, данных ей Сеймом нашла возможным изменение некоторых пунктов условий мира, даже в территориальном пункте, но турецкая делегация этим не удовлетворилась и настаивала, чтобы отправным пунктом для ведения мирных переговоров был принят Брест-Литовский договор.

Требование турок принять отправным пунктом для ведения мирных переговоров Брест-Литовский договор вызвал долгие споры в делегации Сейма.

Вот некоторые выписки из этих споров.

Р. И. Качазнуни:

«Я все больше и больше убеждаюсь, что при настоящих условиях наиболее целесообразным явились бы наши дей-

⁴⁷⁾ Там же, стр. 139—146.

ствия в направлении Брест-Литовского договора. Если же Турция фактически и займет Батумскую и Карсскую области, то у нас остается еще резерв на будущее время в виде права на самоопределение этих областей.»

А. И. Хетисов:

«Я думаю, что настал момент, когда надо нам признать Брест-Литовский договор. Две такие значительные партии как Дашнакцутюн и Муссават высказываются за него».

Вопрос был перенесен на второе заседание, на котором А. Чхенкели заявил:

«У нас на прошлом заседании все высказались за признание Брест-Литовского договора. Я тоже прихожу к этой мысли, что стать на точку зрения договора необходимо.»

Р. И. Качазнуни:

«Предлагаю ответить турецкой делегации сегодня же, что мы готовы продолжать наши переговоры, приняв за базу Брест-Литовский договор»⁴⁸).

Таким образом Закавказская делегация была вынуждена согласиться на это и уведомила турецкую делегацию. нотой 10 апреля 1918 г., что она «принимает Брест-Литовский договор и готова вести дальнейшие переговоры, основываясь на нем»⁴⁹).

8 апреля председатель Закавказского комиссариата послал А. Чхенкели следующую телеграмму:

«Турецкие войска вторглись в пределы Закавказья. Ведение переговоров при подобных действиях, создавая двойственное положение, является совершенно недопустимым и парализующим в полной мере значение мирных переговоров. Прошу сделать заявление Турецкому правительству, что дальнейшее передвижение турецких войск должно быть немедленно приостановлено, в противном случае настанет момент, когда мы вынуждены будем считать, что мирные переговоры не удались и довести об этом до сведений населения Закавказья»⁵⁰).

На эту телеграмму последовал следующий ответ А. Чхенкели:

«Турки наступают с целью вооруженной силой заполучить спорные области, чего они не скрывают. Мои беседы с Рауфбеєм в этом меня убеждают. Мое мнение следующее: отступле-

⁴⁸) Там же, стр. 105—106.

⁴⁹) Там же, № 77.

⁵⁰) Там же, № 158.

ние от нашего отрицательного отношения к Брест-Литовскому договору невозможно и бесполезно. Сейм должен ребром поставить себе вопрос: может ли он силой оружия отстоять Батум, Ардаган и Карс. Если не может, то какова его максимальная уступка? Время не терпит. Жду ответа с нетерпением. Обсуждение этой телеграммы не должно подлежать преждевременной огласке»⁵¹).

На декларацию Закавказской делегации о признании Брестского договора за основу для продолжения переговоров председатель Сттоманской делегации дал 13 апреля следующий ответ:

«Оттоманское правительство осведомилось о декларации Закавказской делегации от 10 апреля. Однако для возможности привлечения его союзников к переговорам о договоре дружбы, который оно готово обсудить, необходимо прежде всего, чтобы Закавказье декларировало свою независимость»⁵²).

За день раньше этого ответа, 12 апреля, Батумский комендант получил от начальника турецких войск следующий ультиматум:

«Имею честь довести до Вашего сведения нижеследующие предложения:

1. Батумский санджак с городом Батуми, а также форты, окружающие Батуми со всеми военными приписами должны быть возможно скорее заняты нами.

2. На основании этого предлагаю Вашим войскам до четырех часов после полудня, 13 апреля, покинуть укрепления. Если Вы примете это предложение, то войска мои до полного выхода Ваших войск из города не войдут в него и останутся на фронтах. Командующий турецкими войсками Кавказского фронта позволяет Вашим войскам сохранить оружие.

3. Ожидаю ответа на мое дружеское предложение. В случае же непринятия его предупреждаю, что будут сделаны все необходимые приготовления для штурма, результатом которого будут разрушение, пролитие крови и плен защитников.

4. Завтра, 13 апреля, до полудня жду Вашего ответа. Начиная с 4 часов пополудня позволяю себе свободу действия»⁵³).

По получении этого ультиматума было созвано экстренное заседание Закавказского сейма. Первое слово было предоставлено председателю правительства Е. Гегечкори, который ознакомил подробно членов Сейма в хронологическом порядке, что происходило с мир-

⁵¹) Там же, № 73.

⁵²) Там же, стр. 6.

⁵³) Там же.

ными переговорами за последнее время. Прочитав ультиматум турецкого командования о сдаче Батума, добавил, что

«Правительство обсуждало создавшееся положение и имеет честь доложить Сейму следующее: по вопросу о войне и мире оно заявило вам, что позорного мира оно не предложит вашему вниманию, и от этой точки зрения правительство, находясь в полном убеждении, что оно соответствует чести и достоинству Закавказья и его интересам, не хочет и не может отступить.

Мы прекрасно понимаем, что наше положение весьма и весьма тяжелое. Правительство думает, что не погас дух свободы закавказской демократии и, если мы слабы, то не так слабы, чтобы можно было сделать нас рабами. Поэтому мы думаем, что признание Брест-Литовского договора означало бы, что Закавказье как независимая республика перестает существовать и становится провинцией Турецкой империи. Я полагаю, что правительство, которое является правомочным представителем закавказской демократии — это правительство на такой позор пойти не может. Я должен сказать что правительство приложит все усилия, для того, чтобы дать должный отпор этому насильственному домогательству.

Это та основа, та база, на которой стоит и будет стоять правительство до тех пор, пока оно будет пользоваться вашим доверием. . . К этому нас обязывает наш долг перед революцией, наш долг перед краем и этот долг мы исполним».

И. Г. Церетели:

«По поручению социал-демократической фракции, именем народных масс, облекших нас доверием, имею честь сделать следующее заявление: турецкий империализм предъявил закавказской демократии ультиматум признать Брест-Литовский договор. Такого договора мы не знаем. Мы знаем, что в Брест-Литовске был продиктован смертный приговор революционной России и этого смертного приговора для нашей Родины мы не подпишем. Мы сделали все, что было возможно для мирного разрешения этого спора. Неслыханные жертвы были предложены нами во имя мирного решения этого вопроса, но Турция своим ультиматумом поставила перед нами вопрос жизни и смерти. Она домогается того, чтобы закрыть все пути к развитию, все пути к свету. Она домогается того, чтобы задуть закавказскую демократию. И вот наступает момент, когда оружием мы должны отстоять право свободного развития и существования народов Закавказья. Бывают войны, когда перед народом ставится вопрос о его существовании, о его свободном развитии, о его достоинстве. Тогда народ не может взвешивать сил, а должен бросить все силы, чтобы отстаивать свое существование, свою жизнь, свое достоинство. . . И вот перед нами стоит вопрос, сумеем ли мы защитить в настоящих условиях

страну. Мы знаем, что самая сознательная часть закавказской демократии уже стоит там на фронте и что туда тянутся все новые и новые сил. Но враг единственную свою надежду возлагает на наше внутреннее разложение, анархию и дезорганизацию. Если мы сумеем противопоставить ему единый фронт, если демократия сумеет во-время организовать те силы, которыми мы располагаем и бросить их на фронт, то мы сможем отстоять страну. В этой борьбе мы должны помнить одно: все внутренние разногласия в среде демократии и народов, населяющих Закавказье должны отойти на второй план.

От имени социал-демократической фракции я заявляю, что мы поддержим правительство в его борьбе с внешней опасностью всеми силами, которыми располагаем. Партии совершили бы величайшее преступление, если бы обнаружили колебания перед лицом неприятеля, посягающего на существование народов и на их свободу. Мы будем бороться до последней капли крови, и мы сможем одержать верх в том случае, если не будет предательских ударов в тылу. Но как бы ни повернулось дело, мы принимаем эту войну, не нами начатую, а навязанную нам Турцией, и будем бороться до тех пор, пока не отстоим свободу и демократию».

Арутюнян:

«Мы уверены, что Турция не остановится на тех условиях, которые она предъявляет на основании Брест-Литовского договора. Она пойдет и дальше. Она уверена в поддержке известных элементов, населяющих Кавказ. Опираясь на эти элементы, имея впереди себя дезорганизованные части, она думает достичь Баку и разрешить раз и навсегда вопрос, как она его понимает. Нет никаких гарантий к тому, что Турция после принятия нами Брест-Литовского договора остановится и не будет разрушать нашу страну. Сейчас армяне поставлены в такое положение что для них не может быть никакого сомнения, как они должны относиться к требованиям Турции. Я уполномочен фракцией Дашнакцутюн заявить, что мы и все те массы, которые подали свой голос за нас, даже больше, весь армянский народ, убежден, что для него нет другого выхода, как взять оружие и идти на фронт защищать свою землю. Я заверяю, что мы все будем поддерживать те мероприятия, которые будут приниматься Закавказским правительством для обороны страны. Если придется нам быть побежденными и если придется умереть, то мы, армяне, умрем с оружием в руках».

И. Лорткипанидзе:

«От имени фракции социалистов-революционеров заявляю, что наша фракция всеми своими силами поддержит правительство в его борьбе против неприятеля.

«Для закавказской демократии наступает тот критический час, когда, может быть, решится ее политическое существование. В этот момент важнее всего единодушие и единство всех народов. По вопросу о войне и мире все предложения Закавказского сейма и правительства принимались единодушно всеми фракциями. Последняя уступка, которая была сделана, также была принята единодушно. Надо надеяться, что и в дальнейшем мы будем единодушны. Наступил момент, когда мирные переговоры не привели к ликвидации этой войны и мы поставлены в необходимость решать этот вопрос силой оружия. Руководящие партии высказались определенно за необходимость вести эту войну. В этом вопросе положение мусульманской демократии является исключительным: во-первых, ввиду неотбывания ею до сих пор воинской повинности и, во-вторых, вследствие той религиозной связи ее с Турцией, которая не позволяет ей принять активного участия в боевых действиях против Турции. Представителем меньшевиков г. Церетели было указано, что в этой войне мы можем победить только при полном единстве и солидарности. Мы сомневаемся, что можно будет достигнуть этого единства, если наступят боевые действия. Если мы его достигнем, то это будет большое счастье. Кроме того, наличие анархии служит по нашему мнению, большим тормозом к успешному ведению войны. Как я заявил раньше, принять активное участие в этой войне мы не можем и потому активная ответственность не падает на нас. Партия Муссават и группа беспартийных считает своим долгом сделать следующее заявление: «Не беря на себя ответственности за продолжение войны с Турцией и считая ее чреватой тяжкими последствиями для всей закавказской демократии при создавшихся условиях внутренней жизни края, фракция Муссават, группа беспартийных и партия мусульманства в России «Ихтихат» (Единение), имея ввиду, что вопрос о продолжении войны разрешен руководящими партиями в положительном смысле, заявляют, что со своей стороны всеми доступными средствами окажут возможное содействие другим народам Закавказья в этой тяжелой задаче и примут все меры к благоприятной ликвидации войны». Мы надеемся, что наша демократия будет солидарна с нами в этой резолюции. Мы верим, что государственный инстинкт подскажет ей, на чьей стороне быть и где ее интересы будут более прочно защищаться».

Джугели (начальник Грузинской народной гвардии):

«Бывают в жизни больших и малых народов такие тяжелые моменты, от исхода которых зависит вся дальнейшая судьба этих народов. Именно такой тягчайший, такой ответственный момент наступил в жизни закавказской демократии. И,

когда некоторые ораторы в этом вопросе исключают отдельные народности Закавказья, то этих ораторов я совсем не понимаю. Если какие-нибудь народы резко и сильно должны противодействовать вторжению турецких войск в пределы Закавказья, то наиболее сильным, энергичным и активным должен являться этот протест со стороны азербайджанского народа, населяющего земли свободного Закавказья. Когда здесь осмеливаются говорить от имени азербайджанской демократии, когда здесь заявляют о своем нейтралитете, о своем невмешательстве, то мы смело должны сказать, что эти ораторы являются не истинными представителями азербайджанской демократии. И когда эти круги теперь умывают свои руки, хотя знают, что умывают их нашей кровью, то хорошо знают, что этим оказывают активную поддержку турецкому вторжению. Наше положение таково, что о невмешательстве и о нейтралитете не может быть и речи, так как нейтралитет означает поддержку Турции. Нам не следует поддаваться пессимизму. Я знаю, что в конце концов революционный народ выйдет победителем».

Н. Жордания:

«Необходимо приступить к делу, т. е. организовать ту победу, во имя которой мы сегодня здесь сидим и будем завтра работать. Поэтому я предлагаю принять ряд практических решений. Самый основной — это вопрос о делегации. Надо сказать, что мирные переговоры не удались, значит, мы отзываем делегацию. По этому вопросу я предлагаю следующее:

«Ввиду того, что мирное соглашение о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто, Закавказской делегации предлагается немедленно выехать обратно в Тифлис».

Это значит, что мы вступаем официально на военную арену, т. е. Закавказье ведет войну с Турцией. Поэтому я думаю, что Сейм должен объявить страну на военном положении.

Необходимо создать боеспособную коллегию, которая будет вести войну и будет облечена чрезвычайными полномочиями по ведению войны. Я думаю, что такими лицами должны быть: председатель правительства, он же военный министр, министр внутренних дел и министр финансов. Из этих лиц создать одну коллегию и ей предоставить чрезвычайные полномочия. Я полагаю, что этой коллегии надо дать право ввести в коллегию тех лиц, которых она признает желательным⁵⁴).

Предложение было принято всеми делегатами.

⁵⁴) Там же, стр. 106—184.

После этого Сейм принимает «Обращение ко всем народам Закавказья»:

«Граждане Закавказья! Пробил час, когда решается судьба нашей общей родины. Вы знаете, какие требования предъявило нам Турецкое правительство.

От нас требовали признания Брест-Литовского договора, заключенного без ведома народов Закавказья, договора, которого в настоящее время в России не признает никто, кому дорога свобода и честь родной страны. От нас требовали отдачи нашей лучшей крепости Карса и нашего лучшего порта — Батуми. От нас требовали очищения трех областей — Карсской, Ардаганской и Батумской.

Мы сделали все, чтобы мирным путем, путем переговоров, побудить Турецкое правительство отказаться от этих притязаний. Стремясь к сохранению мира, мы согласились на великие жертвы и уступки. Но все наши усилия добиться мирного разрешения спора разбились об упорство Турции.

Турция настаивает на своих первоначальных требованиях и во имя этой цели наступают турецкие войска. Остановить их мы можем лишь силою оружия.

Перед нами стал вопрос: продолжать ли переговоры с Турцией в то время, как ее войска идут вглубь нашей страны или прервать переговоры и оружием доверить защиту свободы Закавказья?

С начала наших мирных переговоров с Турцией мы говорили: народы Кавказа жаждут мира, но не согласятся купить мир ценой рабства и позора. Теперь нам надо выбирать: позорный мир и рабство или война?

В сознании великой нашей ответственности перед родиной и перед грядущими поколениями, мы сделали выбор без колебания: позорного мира мы не подписали. Мирные переговоры с Турцией прерваны, отныне спор решается силою оружия на полях сражения. И в этот час мы обращаемся к вам, так как от вас, от вашего мужества, от вашей готовности к лишениям и жертвам, зависит будущее ваше и ваших детей.

Граждане! Для того ли вы, вместе со всей Россией свергли царизм, чтобы стать порабощенной провинцией Турции?

Крестьяне! Для того ли революция дала вам землю, чтобы завоеватель посадил на эту землю новых помещиков?

Рабочие! Для того ли вы подняли знамя революции, чтобы его втоптала в грязь нога победителя?

Позор и рабство или война — другого выбора нет перед нами. Пусть же перед лицом грозной опасности, надвинувшейся-

ся на все народы нашей страны, смолкнут все споры, стихнет вражда и рознь, раздирающая до сих пор наши ряды!

Петля вечного рабства накинута на шею всех народов нашего края. Пусть же наступление врага разобьет о твердую нашу решимость до конца защищать нашу землю обгавленную кровью стольких поколений!

Все к оружию! Все на фронт! Все на защиту свободы и родины!⁵⁵⁾

В то же время Закавказский Центральный Комитет социал-демократической партии обратился к демократии России с следующим воззванием:

«Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты России! От лица демократии Закавказья, в час смертельной опасности, надвинувшейся на наш край, мы обращаемся к вам.

Турция, основываясь на Брест-Литовском договоре, предъявила нам требование, сводившееся к порабощению Закавказья. Мы не могли согласиться на эти требования, так как согласие на них привело бы к отторжению всего Кавказа от России и было бы предательством революции. Турция решила добиться исполнения своих требований силой оружия и двинула против нас свои полки. Великая опасность грозит Закавказью, и в этот час вы должны прийти к нам на помощь.

Мы дрались вместе с вами на баррикадах. Мы с вами боролись с царизмом, вместе томились в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Общая радость была у нас в дни торжества революции, общая скорбь в дни ее поражений, общие надежды светили нам впереди. И теперь наши отряды, преграждающие путь войскам турецким, защищая свободу Закавказья, защищают вместе с тем знамя Российской революции. Наше поражение будет ударом для всей России.

Мы исполним свой долг до конца. Но силы наши могут иссякнуть. Вы богаче нас людьми, оружием, хлебом. Мы ждем поддержки и помощи от вас.

Откликнитесь на наш призыв, рабочие, крестьяне и солдаты России, и сообщая мы защитим от врагов наше красное знамя Великой российской революции и свободы!

Социал-демократическая фракция Сейма. Областной Комитет социал-демократической рабочей партии⁵⁶⁾.

На это обращение российская демократия уже не смогла отозваться, а оставшиеся в Тифлисе распропагандированные части Русской

⁵⁵⁾ П. Гелейшвили. Красная книга, Тифлис, 1919, стр. 148—150.

⁵⁶⁾ Документы и материалы, Тифлис, 1919, стр. 151—152.

армии вместо помощи устраивали митинги, на которых выносили резолюции с требованием:

«Предоставить возможность всем тем, которые не желают добровольно нести службу в войсках Закавказья, свободно выехать на родину, обеспечив их средствами передвижения и продуктами питания»⁵⁷).

К несчастью, наши военные силы не оказались достаточными, чтобы сдерживать натиск турецких войск, и 2 апреля турецкое командование могло сообщить своему правительству:

«Батум перешел в наши руки. Неприятель упорно защищал свои крайние форты. 2 апреля вечером мы с большой настойчивостью атаковали южные форты крепости. Некоторые форты оказывали упорное сопротивление. Самый город был занят без сопротивления»⁵⁸).

Наступил момент, когда надо было найти какой-нибудь выход из заколдованного огненного круга, который все больше и больше суживался.

Еще раньше, для продолжения переговоров, Турция потребовала выяснения юридического положения Закавказья. Она уже не хотела говорить с составной частью России. В связи с этим и возник вопрос о независимости Закавказья. Закавказская демократия ухватилась за эту единственную на своем пути возможность. Для обсуждения этого вопроса 22 апреля был созван Закавказский сейм, который постановил провозгласить Закавказье независимой демократической федеративной республикой.

«Выслушав доклад мирной делегации, Сейм предлагает правительству возобновить мирные переговоры и принять меры к скорейшему заключению мира. Одновременно Сейм предлагает правительству принять энергичные меры для организации обороны страны»⁵⁹).

Сейм заслушал и заявление председателя Комиссариата Е. Гечкори:

«Ввиду того, что вопрос о мире вызвал среди членов правительства большие разногласия, правительство находит нужным подать в отставку».

Заявление было принято, и составление правительства было поручено А. И. Чхенкели.

⁵⁷) Там же, № 95.

⁵⁸) Там же.

⁵⁹) Там же, № 100.

На второй день новый председатель правительства известил все державы о провозглашении независимости Закавказья и предложил турецкому командованию приостановить военные действия, на что оно согласилось.

Постановление Сейма о независимости Закавказья было рассмотрено на заседании Краевого центра советов рабочих и крестьянских депутатов, который единогласно принял следующую резолюцию:

«Краевой центр, обсудив вопрос о независимости Закавказья и приняв во внимание обстоятельства, сопровождающие ход войны и мирных переговоров с Турцией, постановил: «Объявление независимости Закавказья, совершенное правомочным правительством всего Закавказского населения — Сеймом, признать как исторически необходимый акт и единственный выход из создавшегося военного и политического положения всей страны, поставленной в необходимость отстаивать самостоятельное существование как от надвигающегося империализма с юга, так и все разрушающего анархизма с севера. При этом Краевой центр призывает всю закавказскую демократию путем создания боеспособной армии стать на страже действительной независимости Закавказья и торжества революции»⁶⁰⁾.

26 апреля правительство, в которое вошли представители всех народов и всех партий, предстало перед Сеймом, на котором председатель кабинета А. Чхенкели прочел подробную декларацию, по поводу которой первым высказался представитель партии Муссават М. Ресул-заде.

«Мы всецело заявляем свою готовность оказать содействие правительству в исполнении всех пунктов, изложенных в декларации. Если в декларации не говорится о Северном Кавказе, то нам думается, что здесь руководствуются чисто формальными соображениями, так как до сих пор мы не имеем официально выраженной воли этих народов. Надеемся, что правительство примет в этом направлении надлежащие шаги. Всецело поддерживая декларацию, мы заявляем еще раз с этой трибуны свою готовность поддержать его (правительство)...».

И. Г. Церетели (социал-демократ):

«От имени социал-демократической фракции я заявляю, что политика, намеченная в декларации, найдет полную поддержку в рядах этой фракции. В тяжелых условиях пришлось народам Закавказья провозгласить свою независимость и решающую роль в этом сыграла одна внешняя сила, толкающая закавказскую демократию на путь объявления независимости. Эта внешняя сила — большевизм, на наших глазах в течение

⁶⁰⁾ Там же.

многих месяцев терзающий тело революционной России. Много преступлений совершено этой властью на глазах у всех и всей закавказской демократии. Мы знаем о тех ударах, которые непосредственно закавказской демократии пришлось испытать от большевиков. Но я не об этих отдельных преступлениях (которые начались с октябрьских событий и повторяются на каждом шагу по сей день) хотел говорить. Есть одно преступление большевиков, которое навсегда оттолкнуло от него закавказскую демократию. Оно заключается в том, что там, в революционной России, большевистской властью нанесен смертельный удар государственному организму нации. В этот трагический момент, когда совершилось это великое преступление, нам, закавказской демократии, пришлось отгородиться от большевистской власти. . . Мы представители социал-демократической фракции, избранные грузинским, армянским, мусульманским и русским закавказским населением, шли на общую работу с революционной Россией. . . Но ни на один момент не допустили мы такого положения, чтобы для служения России мы должны были перешагнуть через труп народов, избравших нас и из рядов которых мы вышли. . . В рядах социал-демократической фракции были разногласия о времени и об условиях, при которых следует объявить независимость, но в одном наша фракция была и осталась единой — при той альтернативе, которую поставила нам судьба — убить жизнь своего народа, или избрать самостоятельное существование для Закавказья — в этом вопросе не было, нет и не будет разногласия в рядах социал-демократической фракции. . .

Когда там, в Трапезунде, велись переговоры о заключении мира с Турцией, когда там другая внешняя сила диктовала нам свои условия, и когда нам приходилось, взвешивая свои силы, искать союзников для того, чтобы отвоевать себе достойное и свободное существование, когда мы пытались в борьбе с одной внешней силой опереться на другую силу и когда мы поставили вопрос о помощи народам Закавказья в деле отстаивания своего существования, то эта внешняя сила — большевизм — продиктовала нам свои условия, при которых она могла бы оказать помощь нам в борьбе с Турцией. Эти условия сводились к тому, чтобы мы здесь, в Закавказье, повторили то, что они сделали там, в России, чтобы мы здесь, в Закавказье, сначала разрушили внутреннюю жизнь и внутренние силы демократии, зажгли ту братоубийственную гражданскую войну, которая истребила бы лучшие силы народов Закавказья и превратила их в беззащитную массу, которая сделалась бы впоследствии добычей и жертвой того внешнего завоевателя, который первый пришел бы к этим развалинам. То, что сделали они там, в революционной России, эти шаги диктовались нам здесь, в революционном Закавказье. Когда так стал вопрос перед нами, мы знали, что выбора нет. С таким союзником, который может помочь нам лишь в том случае, если мы занесем руку убийцы

над народами, вверившими нам свою судьбу, с таким союзником нам не по пути; мы должны, для того чтобы спасти себя, отмежеваться от этого союзника. Когда возникал большевизм в России, когда там поднималась смертельная рука над жизнью государства, мы всеми силами, какими располагали, боролись с большевизмом, ибо мы знали, что удар, нанесенный русской нации и русскому государству есть удар для всей демократии.

Мы боролись там с убийцами государства и убийцами нации, и с тем же самоотвержением будем здесь бороться с убийцами нации. Вот наша позиция, и мы думаем, что правительство должно чрезвычайно серьезно отнестись к этому оружию, направленному против нас людьми, потерявшими голову, погубившими демократию в одном месте и пытающихся погубить и здесь. Правительство должно с сугубой осторожностью в этот, в последний решающий час, с особой осторожностью обращать внимание на это страшное оружие, грозящее существованию народов Закавказья, и вместе с тем, граждане, мы не должны забывать, что, с другой стороны, на независимость Закавказья будет вестись атака со стороны наступающего турецкого империализма. Если правительство, сосредоточив все свое внимание в одну сторону, забудет опасность с другой стороны, то фронт независимого Закавказья будет прорван. Первое страшное поражение демократия понесла в тот момент, когда в Брест-Литовске был подписан мир, отдающий всю российскую демократию под пяту империализма. Это было общее поражение революционной России, и позор, обрушенный большевизмом на Россию, был обращен на все ее части. Мы пытались, независимо от большевистской России, своими силами отстоять то, что составляло достоинство народов Закавказья. Мы пытались с оружием в руках отстоять пределы старого Закавказья, те границы, которые были у нас до войны, и мы должны открыто признать, что при этом столкновении закавказская демократия понесла поражение. Ультиматум о признании Брест-Литовского договора диктовался нам с двух сторон: со стороны большевистской России и со стороны наступающей Турции. И в этот момент, когда мы должны были после поражения признать параграфы Брест-Литовского договора, для нас вопросом жизни и смерти стало отделение от большевистской России, чтобы в оставшихся пределах как самостоятельная государственная единица, мы противостояли лицом к лицу с теми, с кем ведутся переговоры. Мы знаем, что, если исчезнут внутри те силы, на которые до настоящего момента опиралась демократия, если будет разрушено единство народов Закавказья, то мы будем растоптаны.

Поддерживая наше правительство, мы должны напомнить ему, что самым лучшим аргументом нашей независимости явится существование единого фронта демократии, мощных политических организаций, существование военной силы,

на которую может опереться демократическое правительство Закавказья и с помощью которой оно должно отстаивать нашу свободу».

Карчикян (Дашнакцутюн):

«От имени фракции Дашнакцутюн заявляю, что наша фракция будет поддерживать ту политическую программу, которая была здесь изложена в декларации правительства. По главному вопросу об укреплении независимости единой Закавказской республики нам думается, что перед правительством предстоит задача чрезвычайной трудности. Есть ли в данный момент опасность в объявлении независимости? Нет той уверенности, которую следовало бы проявить в этот торжественный момент. Этот факт отрицать не следует. И вот, перед новым правительством стоит вопрос — внушить эту уверенность, дать понять закавказской демократии, что это благо само по себе есть и путь к спасению Закавказья, т. к., если не будет этой уверенности, если будут колебания, то я скажу от имени нашей фракции, что ни одно правительство и никакие силы не могут упрочить эту независимость. Другой чрезвычайно тяжелой задачей, стоящей перед правительством, является заключение мира. В этом отношении задача, стоящая перед правительством, очень тяжела и очень трудна, и ему придется преодолеть ее. По этим главным вопросам наша фракция окажет правительству всякое содействие»⁶¹⁾.

23 апреля председатель нового правительства послал Вехиб-паше следующую телеграмму:

«Имею честь довести до Вашего сведения, что Закавказское правительство принимает Брест-Литовский договор и готово немедленно командировать свою делегацию для возобновления переговоров. Местом переговоров желательно выбрать город Батум»⁶²⁾.

28 апреля Вехиб-паша ответил председателю правительства А. Чхенкели, что

«Правительство Оттоманской империи признало независимость Закавказья и довело об этом до сведения своих союзников. Оттоманская мирная делегация выедет на днях из Константинополя. Правительство не возражает местом для мирных переговоров назначить город Батум».

5 мая в Батуме открылось заседание мирной конференции. Но эта вторая встреча с турецкой делегацией проходила в более тяжелых

⁶¹⁾ Там же, стр. 108.

⁶²⁾ Там же, № 224.

условиях для Закавказья, чем первая. При первых переговорах Батум и Карсская крепость были в руках Закавказского комиссариата, в его распоряжении было много военного снаряжения, достаточно провианта и воля всех народов Закавказья единодушно держалась на почве единения и солидарности. Если Закавказская делегация при первой встрече, на первом же заседании заявила, что не признает Брест-Литовского договора, то теперь, при второй встрече, переговоры начались на почве признания этого же самого договора. Но очень скоро в процессе переговоров обнаружилось очень существенное расхождение между сторонами. Закавказская делегация считала Брест-Литовский договор единственной базой для ведения переговоров, а Оттоманская делегация заявила, что она Брест-Литовского договора не считает единственной базой и оставляет за собой право предъявить новые требования.

Во время переговоров совершенно неожиданно прибыла в Батум германская миссия во главе с генералом фон Лоссовым. Ознакомившись с ходом переговоров, фон Лоссов прислал председателю Закавказской делегации А. Чхенкели следующее письмо:

«Батумские переговоры не подвигаются вперед. Так как, в наших интересах достигнуть как можно скорее результата, то я имею честь предложить Вам, г. министр, мои добрые услуги в качестве посредника. Я прошу Вас не отказать мне в любезности сообщить об этом официально»⁶³).

В тот же день Закавказская делегация в полном составе обсудила предложение фон Лоссова и сообщила ему, что она с «удовлетворением принимает предложение».

Создалось очень тяжелое положение. С одной стороны, турецкие войска, с другой стороны, угроза советских комиссаров и вдобавок — Германская миссия со своими интересами — война против Англии. Между интересами этих трех сил лежала малая беззащитная страна, которой приходилось искать выхода из положения путем привлечения одного из них на свою сторону. При создавшемся положении, из этих трех сил, более доступной было правительство Германии. Германия могла быть заинтересована Закавказьем экономически, но политически она могла быть менее опасной, тем более, что это была тогда не гитлеровская Германия, а императорская, которая считалась с международными статутами. Поэтому ответственные руководители закавказской политики решили с помощью Германии попытаться избежать оккупации всего Закавказья турецкими войсками. Конечно, не было безусловной уверенности в том, что эта надежда оправдается, но люди, ответственные за судьбу своего народа, обязаны были сделать все возможное для его спасения.

⁶³) Там же, № 147.

Однако практически вмешательство Германской миссии еще больше усилило трудности переговоров. Видя безрезультатность своего посредничества, фон Лоссов отказался от своей миссии, о чем уведомил письменно Закавказскую делегацию.

25 мая Германская миссия уехала из Батума в Потти, а Турция предъявила Закавказской делегации ультиматум сообщить ей в течение 72-х часов, принимает ли правительство оттоманские предложения или нет.

Ультиматум сейчас же был передан в Тифлис правительству. Турецкий ультиматум создал очень тяжелое положение. Основная задача правительства была покончить с войной и заключить мир. Для этого вновь понадобилась война. В этой последней войне мусульмане не приняли участия. Нелояльные акты имели место и во время мирных переговоров в Батуме, где рядом с официальной делегацией появились и другие «делегации», которые противопоставляли себя официальной делегации и открыто звали турецкие войска оккупировать все Закавказье. Все это создавало невозможные условия для отстаивания независимости Закавказья. Если раньше грузинская демократия с таким рвением защищала и отстаивала единство Закавказья, то теперь она стала вынужденной сообщить Сейму, что ему больше ничего не остается как разойтись.

Для рассмотрения ультиматума 26 мая было созвано экстренное заседание Сейма. Заседание носило прямо траурный характер. После сообщения правительства первое слово было предоставлено И. Г. Церетели. Церетели, который месяц тому назад с таким воодушевлением призывал закавказскую демократию к сохранению единого фронта, оказался вынужденным с той же трибуны заявить, что тако-го фронта нет и при данных условиях уже быть не может.

Он сказал:

«Сообщение правительства нарисовало перед нами картину нынешнего положения Закавказья. Оно показало нам, что переговоры в Батуме вступили в такую стадию, когда требуется со стороны народов Закавказья решительный политический шаг.

Это сообщение показало нам, что там, в Батуме, нашло свое отражение истинное положение вещей в среде народов Закавказья.

Социал-демократическая фракция, от лица которой имею честь выступать, всегда являлась носителем единства народов Закавказья. Это было идеалом, во имя которого велась вся работа социал-демократической фракции... Мы заявляем теперь, что в этот решающий момент, когда внешний враг... уже вторгся на территорию Закавказья... среди закавказских народов нет единства воли и действия...

Когда мы стали перед таким фактом, социал-демократическая партия решила официально заявить перед лицом народов

Закавказья о настоящем положении и сделать соответствующий вывод. Мы постарались найти ту почву, которая дала бы возможность различным народам Закавказья сплотиться и объединить свои усилия и ограждать совместно общие интересы народов Закавказья. Была попытка на почве независимости Закавказья создать государственное целое, способное объединить все народы Закавказья в борьбе с внешним врагом и с внутренними затруднениями.

События, развившиеся после провозглашения независимости Закавказья, показали нам, однако, что эти надежды, эти ожидания демократии Закавказья не оправдались...

Мы всегда говорили грузинскому народу, что его спасение в единении с другими народами, что единое Закавказье лучшее спасение и грузинского народа так же, как армянского и мусульманского. Мы... прилагали все усилия к этому, но в данный момент, когда остальные части населения от него оторвались, мы обязаны здесь перед лицом всех народов Закавказья сказать грузинскому народу: ты в данный момент один, ты предоставлен своим силам, у тебя нет государственной организации и как ни тяжелы условия твоего существования, как ни тяжела потеря этих союзников, знай, что ты предоставлен своим силам и твое положение ухудшается еще тем, что ты живешь иллюзиями, будто есть единое Закавказье, будто есть единый государственный организм. Но знай, если хочешь отстаивать свои интересы, спасти себя, что ты должен создать свой государственный организм и свое официальное представительство».

Рустамбеков (Муссават):

«Не могу не приветствовать решение грузинского народа жить своей самостоятельной жизнью. Теперь не время критиковать друг друга. Но не должно быть неправильных обвинений, особенно в такой решительный момент».

О. Семенов (член партии К.-Д.):

«Провозглашение независимости Грузии — это логическое последствие отделения Закавказья от России. Нельзя осуждать грузинский народ, что он констатирует создавшееся положение. Меня, как представителя кадетской партии, интересует дальнейшая ориентация грузинского народа, так как, очевидно, что своими собственными усилиями он не сможет обеспечить независимость новой республики, и, с другой стороны, вопрос о размежевании интересов республики с другими народами Закавказья».

Хачатурян (Дашнакцутюн):

«После стремления сочетать интересы всех народов Закавказья, мы стоим перед действительностью, показывающей не-

возможность этого. Моя партия не может возражать против борьбы кого бы то ни было за спасение своего существования».

Рустамбеков (Муссават), выступая вторично, заявляет, что приведенные факты не свидетельствуют о желании всей мусульманской массы присоединиться к Турции. Он выражает пожелание, чтобы между грузинским народом и азербайджанцами сохранились прежние отношения дружбы.

Мелик-Асланов (независимый социалист) утверждает, что ни о каком заговоре со стороны партии Муссават против Закавказской республики речи нет, и выражает надежду на восстановление единства народов Закавказья.

Березов (социалист-революционер):

«В объявлении независимости Закавказья мы видели обман или самообман. Если борьба за независимость Грузии должна быть делом всей демократии, то какими методами вы думаете обеспечить ее успех? Провозглашение независимости Грузии есть движение по наклонной плоскости и отказ от дальнейшей борьбы. Между тем борьба не прекращается. Единственное спасение завоеваний революции в Закавказье не в провозглашении независимости, а в создании общереволюционного фронта, тем более, что в России назрел или назревает перелом настроения и во главе военных сил стал генерал Брусилов».

Г. Ласхишвили (социал-федералист) заявляет, что его партия всегда смотрела на Сейм как на временное учреждение, и вера в возможность заключить мир через Сейм разрушена. Приветствует решение грузинского народа и выражает надежду, что Грузия найдет ближайшие пути к объединению всех народов Закавказья.

Гобечия (социал-революционер):

«Надежды на воссоздание общероссийского революционного фронта не оправдались. В результате ударов изнутри и извне разрушен и ближайший к нам центр, фронт закавказской демократии. Государственный союз Закавказья фактически распался. По мере приближения к границам Закавказья турецких войск тяга мусульманства в сторону Турции увеличилась. Мы уверены, что рано или поздно, мусульманская демократия поймет всю гибельность для своих же интересов подобной ориентации».

Указав на то, что от генерала Брусилова спасения ждать не приходится, заканчивает свою речь уверенностью, что с течением времени все народы России придут к объединению в одном свободном союзе.

Магарамов (социалист. блок) в теплых словах приветствует образование грузинской республики после того, как не удалось образовать единое Закавказье. Надеется, что в будущем грузины и мусульмане будут жить в согласии.

Гвазава (национал-демократ) указывает на ряд ошибок, допущенных социал-демократами, которые всегда были централистами, и удовлетворен, что сейчас стали на правильный путь государственного строительства на национальной основе.

И. Г. Церетели:

«Социал-демократическая фракция взяла на себя инициативу поставить этот вопрос здесь, в Сейме. Неся ответственность за эту инициативу, она должна полнее осветить свою точку зрения, чтобы рассеять те недоразумения, которые с этой трибуны посеяли представители других фракций или национальных партий...»

Разрушение единства Закавказья рассматривается нами не только как удар грузинскому народу, а всему делу демократии. Но было бы еще хуже, если бы кого-нибудь держали в заблуждении. Нельзя говорить об единстве Закавказья, когда его нет на самом деле. Раз его нет, то об этом надо сказать, и против этого не должен никто спорить.

Член Сейма Березов обратился с рядом запросов к социал-демократической фракции и, в частности, ко мне. Он спрашивает, какой будет дальнейший шаг Грузии? Тот же вопрос по существу поставил и Семенов. Он сказал: «вот независимая Грузия. С этим мы согласны. Но куда она будет склоняться?» Постановка этого вопроса вполне уместна, и я должен ответить Березову прежде всего, что в Грузии дело национальной независимости, дело демократии, — во всяком случае не должно делаться большевистскими способами. Мы, деятели российской революции, должны помогать этому, вновь образуемому государству, где у власти стоит демократия, где демократия защищает общее дело, давать советы и передать наш политический опыт.

Мы должны указать еще, что для России, для такого огромного государства, быть может, смертельным не будет этот исход. Но страшный удар нанесен делу русской нации, делу русского государства и делу социализма в России тем, что этим путем пошел мощный государственный колосс, а если этим путем пойдет неокрепшая государственно-маленькая Грузия, то от нее останется лишь одно воспоминание. В создавшихся условиях демократия не должна забывать, что в данную минуту на ней лежит долг сохранения нации, и мы совершили бы величайшее преступление, если бы откинули эти обязательства.

Гражданин Гвазава обвинял нас в страшном преступлении, то есть в вечном тяготении к централизму. Была Россия, мы были сторонниками российского центра, разрушилась Россия, — осталось Закавказье, мы стояли за этот центр, разрушился этот центр, и мы теперь хватаемся за грузинскую национальность. Да, социал-демократия хваталась за те якоря, которые могли спасти народ. Великое дело грузинского народа,

величайшее национальное дело сделала именно грузинская социал-демократия. И это она сделала тем, что возвращала чувство солидарности грузинского народа с другими народами. Это лучшая наша опора, граждане. Дело грузинского народа мы защищали и будем защищать не так, как нечто противоположное делу других народов, особенно соседних народов, а как общее дело всех народов. Так понимали мы национальное дело и такое понимание сделает, может быть, этот маленький народ могущественнее многих колоссов».

После окончания прений Сейм большинством голосов против двух принял следующее постановление:

«Ввиду того, что по вопросу о войне и мире обнаружилось коренные расхождения между народами, создавшими Закавказскую независимую республику, и поэтому невозможно выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья, Сейм констатирует факт распада Закавказья»⁶⁴).

В тот же день председатель Сейма Чхеидзе довел об этом до сведения иностранных держав.

⁶⁴) Там же.

ГЛАВА V

ОБЪЯВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ

Прежде чем приступить к изложению дальнейших событий, нам необходимо напомнить, что в одной из предыдущих глав мы говорили об образовании Грузинского национального совета, являвшегося довольно верным отражением всех слоев грузинского народа и получившего большое значение в вопросе об объявлении независимости Грузии. Но мы ничего не говорили о политических партиях и их политической позиции, особенно в национальном вопросе, а это имеет весьма важное значение для понимания дальнейшей судьбы грузинского народа, поставленного перед историческими решениями.

Конечно, Грузия, добровольно присоединившаяся, не была довольна превращением и уничтожением ее национального лица и превращением ее в губернию на подобие центрально-русских. Однако к моменту революции 1917 года ни одна партия не выставляла в своих программных требованиях отделения от России и образования самостоятельного государства. Все национальные партии, социал-федералисты, национал-демократы, социалисты-революционеры довольствовались требованием восстановления государственного национального существования в форме автономии или федерации. Конечно, их задушевным желанием было возродить прерванную невзгодами самостоятельность, но осуществление ее казалось в общем несбыточной мечтой. Все главные свои усилия эти партии направляли на разработку национальных форм бытия грузинского народа. Грузинская социал-демократическая партия, хотя и занималась в первую очередь общедемократическими задачами и социальным освобождением крестьян от дворянско-царистского строя, сковывавшего его экономическую жизнь, но в то же время она твердо охраняла право народа на самоопределение, т. е. право самому решать свою судьбу, вплоть до образования независимого государства⁶⁵).

Не только теоретическая идея независимости, но и практическая возможность или необходимость ее объявления не была чужда грузинской социал-демократии, которая чувствовала себя ответственной за судьбу нации, так как огромное большинство народа ясно и определенно шло за ней.

⁶⁵) Н. Жордания. Грузинские националисты, Женева, 1904, стр. 14.

Еще до Февральской революции, во время первой мировой войны, в 1915 году, на нелегальной партийной конференции было вынесено постановление, предусматривающее возможность и даже необходимость в ходе военных событий — объявления независимости Грузии и даны были соответствующие полномочия центральным органам партии. Официальное объявление этого постановления было признано нецелесообразным по политическим соображениям.

Но обстоятельства революционного времени развивались с поразительной быстротой, не давая времени для основательной подготовки.

Поэтому никого не должно удивить, что после неудачного опыта совместной работы со всеми народами Закавказья, когда стал перед народом вопрос об объявлении независимости Грузии, социал-демократия как наверху, так и в массе своей единодушно высказалась в его пользу. Таким образом 26 мая 1918 г. была объявлена независимость, и грузинский народ встретил этот торжественный акт с одобрением.

Сейм закрылся в три часа 26 мая, а через час, в том же зале, было открыто заседание Грузинского национального совета. Открывая заседание, председатель Н. Жордания произнес следующую речь:

«Сегодня, здесь, вы были свидетелями редкого исторического и вместе с тем трагического акта. В этом зале умерло одно государство, и вот в этом же зале закладывается фундамент другого государства. Между этими двумя государствами, из которых одно умерло, а другое зарождается, не могло существовать противоречия интересов. И если первое воскреснет когда-нибудь из мертвых, то мы должны быть уверены, что между ними всегда будет существовать согласованность интересов. Новое государство Грузии, которое основывается сегодня, не пойдет против интересов какой бы то ни было нации, народа или государства. Его цель — уберечь себя в современной исторической буре. И когда эта цель будет достигнута, то оно придет на помощь и тем, кого вместе с нашей страной постигло великое испытание.

Вам хорошо известно, что Грузия привыкла бороться за существование, она боролась веками во имя сохранения своего духовного лица, национального организма и территории, но она боролась всегда за свое существование и не покушалась на существование других.

Вместе с тем она боролась не только за грузин, но и за те народы, которые жили в ее государственных пределах. Скажу больше, и за своими пределами она боролась также для защиты других. Грузинский народ и поныне сохранил свое основное историческое стремление — согласовывать свои интересы с интересами других народов. Поэтому ни один народ, живущий в нашей стране или за пределами ее, не должен испытывать

никакой тревоги, душевных страданий или обиды. Не приходится сомневаться также, что новое государство, новое правительство, оправдает эти надежды полностью. Мы обратим особое внимание на глубокую трагедию того народа, одна часть которого живет на нашей территории, а другая часть — вне наших пределов. Это армянский народ.

Современные грузины вспомнят древний завет, а армянский народ найдет у нас ту же защиту, которую он находил у грузинских царей. Мы желаем быть в добрососедских отношениях с народом, составляющим значительное большинство населения Закавказья — с мусульманами. Мы желали бы, чтобы они последовали нашему примеру — основали свое государство и протянули нам руку для объединения.

В границах нашего государства живут национальные меньшинства. Мы заявляем, что они будут столь же полноправны, как и национальное большинство нашего народа, — грузинский народ. Эти народы, объединенные под общим знаменем, заключат союз с народами, живущими вне пределов нашего государства, и этим путем возродится государственная связь, которая восстановит разрушившееся здесь, перед нами, государство. Это государство будет конфедеративный союз Кавказа.

И вот, тогда может совершиться то, чего не смог создать Сейм. Тогда осуществится единство Закавказья, окрепнут силы живущих в нем народов.

Теперь разрешите перейти к тому, для чего мы здесь собрались. Мы уже имеем разработанный акт о независимости Грузии, который сейчас будет прочитан.

АКТ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ

В течение многих веков Грузия существовала как свободное и независимое государство.

В конце XVIII века, теснимая со всех сторон врагами, Грузия добровольно присоединилась к России с условием, что Россия обязывается защищать ее от внешних врагов.

В годы великой революции в России установился порядок, который привел к развалу весь боевой фронт и заставил русские войска оставить Закавказье.

Предоставленная своим собственным силам Грузия, и вместе с нею все Закавказье, сама взяла в свои собственные руки дело устроения своих судеб и создала соответствующие органы, но давление внешних сил привело к нарушению союза, объединявшего народы Закавказья и к распадению политической его целостности.

Нынешнее положение грузинского народа повелительно диктует Грузии необходимость создания своей собственной государственной организации, чтобы спасти себя от порабощения со стороны враждебных сил и заложить прочные основы для свободного развития.

Согласно этому, Национальный совет Грузии, избранный Национальным собранием Грузии 22 ноября 1917 года, ныне всенародно объявляет:

- 1) Отныне грузинский народ является носителем суверенных прав Грузии — полноправным независимым государством.
- 2) Формой политического устройства независимой Грузии устанавливается Демократическая республика.
- 3) В случаях международных столкновений Грузия постоянно нейтральна.
- 4) Грузинская демократическая республика стремится установить добрососедские отношения со всеми членами международного общения, в особенности же с определенными народами и государствами.
- 5) Грузинская демократическая республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола.
- 6) Грузинская демократическая республика всем народностям, населяющим ее территорию, предоставляет широкий простор для свободного развития.
- 7) До созыва Учредительного собрания во главе управления всей Грузией стоит Национальный совет, пополненный представителями национальных меньшинств, и временное Правительство, ответственное перед Национальным Советом⁶⁶⁾.

Национальный совет единогласно утверждает акт без всяких изменений, и его подписывают члены Совета собственноручно.

После этого оглашается список членов временного Правительства, который был составлен по соглашению с представителями фракции Исполнительного комитета.

В правительство вошли представители всех фракций во главе с Н. Рамишвили (социал-демократ).

Этот список членов правительства приветствуется Национальным советом стоя и утверждается единогласно.

⁶⁶⁾ П. Гелейшвили, Указ. соч., стр. 170—181; Документы и материалы, №№ 164—165, Тифлис, 1919.

В заключение председатель заявляет, что, пока мы не приступим к законодательной работе, необходимо оставить в силе все постановления Сейма». Собрание единогласно принимает и это предложение.

Собравшаяся вокруг дворца стотысячная толпа восторженно приветствовала этот знаменательный акт, который был громогласно прочитан народу с балкона дворца секретарем заседания г. Зарубишвили. Загудели колокола древнего Сионского Собора. Но более поразил всех звон колоколов Церкви Св. Давида на горе того же имени, где похоронены главные грузинские деятели XIX века — поэты А. Церетели и И. Чавчавадзе. Один из депутатов, В. Мгеладзе, оказалось, поднялся на гору, чтобы поздравить их на могиле с возрождением грузинского государства, мечта о котором не покидала их всю жизнь.

Так родилась Грузинская Демократическая республика.

В тот же день Председатель Временного правительства Н. Рамишвили довел до сведения иностранных держав об объявлении независимости Грузии и учреждении Грузинской Демократической республики.

ГЛАВА VI

ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОГО ГОСУДАРСТВА

31 мая новое правительство просило в Батуме председателя мирной делегации Халил-бея известить Грузинское правительство, касается ли ультиматум Турецкого правительства, предъявленный 26 мая Закавказскому сейму, — Грузинской республики? В тот же день вечером в Тифлисе был получен от Халил-бея следующий ответ:

«Имею честь уведомить Вас, что, так как провозглашение каждого государства из конфедерации Закавказской Республики ничего не меняет в условиях, обусловивших предъявление ультиматума — Императорская делегация считает, что она относится естественно и к Грузинской республике. Вследствие истечения срока прошу прислать мне ответ самое позднее к 12 часам ночи сего вечера»⁶⁷⁾.

Правительство, обсудив ответ Халил-бея, постановило ответить, что принимает ультиматум и отправляет делегацию для переговоров о заключении мира. На другой день делегация в составе представителей всех партий под председательством Н. М. Рамишвили отправилась в Батуми, и 4 июня был подписан «Договор мира и дружбы» между Османским правительством и правительством Грузинской республики.

Бывший председатель мирной комиссии А. Чхенкели вместе с председателем правительства Н. Рамишвили из Батума выехали в Поти, где подписали особый договор с Германской миссией, выработанный совместно с миссией еще в Батуме. Из Поти А. Чхенкели с Германской миссией выехал в Германию для дальнейших переговоров. Договор, подписанный в Поти, состоял из пяти пунктов. Благодаря этому договору Грузия освободилась от турецкой угрозы оккупировать всю Грузию. И, как гарантия в этом отношении, германские войска должны были занять некоторые позиции. Германские войска в это время уже находились на Украине и на Кубани. Оттуда скоро прибыл один отряд и по прибытии сейчас же выехал вместе с грузин-

⁶⁷⁾ Там же, № 169.

скими войсками в Борчалинский уезд, где бесчинствовали вооруженные мусульманские отряды.

Как договор с Турцией, так и договор с Германией должны были быть ратифицированы Национальным советом в продолжении двух месяцев, но последующие события сделали ратификацию ненужной, так что формально они никогда не входили в силу.

Приход немцев вызвал много толков: для чего они пришли и кто их звал? Опасались, что Грузию может постигнуть участь Украины. Но между приходом немцев на Украину и приходом их в Грузию была огромная разница. Приход немцев в Грузию имел совсем иной характер, чем на Украине. Когда, благодаря перевороту большевиков, Россия покинула Грузию, пришла Турция. Маленькая страна, убежденная, что без помощи она не может избавиться от турецкого владычества, обратилась за помощью к тем, кто оказался ближе всех. Это были немцы. Выбора не оказалось. Немцев пригласила не Грузия, а они сами пришли в Грузию вместе с турками как завоеватели. Разъединить этих двух союзников и склонить Германию в сторону вмешательства в пользу Грузии против своего союзника, было трудным делом. Конечно, все знали, что «за добрые услуги, как посредник», немцы потребуют дорогую плату, но, когда вопрос шел о спасении Грузии, да и Армении, думать долго о плате не приходилось. И надо признать, что Германия на этот раз спасла эти страны. Забывать об этом было бы неблагородно. Грузинская демократия, верная себе, не побоялась заявить об этом во всеулышание в самый опасный для нее момент, когда победители-союзники готовы были сурово карать эту самую демократию «за германскую ориентацию». Грузия мужественно отблагодарила вчерашних своих спасителей, и, когда германский империализм пал на поле брани, союзники одержали победу и их войска заняли место германцев в Грузии, Грузинская социал-демократия, стоящая во главе грузинского народа, обратилась с письмом в Международное социалистическое бюро, следующего содержания:

«В сложившейся исторической обстановке единственной силой, которая могла нам помочь, оказалась Германия. Турки, войска которых с четырех сторон наступали на нашу столицу, заставили нас согласиться на передачу им наших железных дорог. Германия только могла избавить нас от мертвой петли этого соглашения при условии передачи ей контроля над нашей железнодорожной сетью. Мы знаем, насколько тяжело это условие. Но у нас не было другого способа избавиться от турецкой оккупации. Мы подписали договор с Германией, разрешили ей распоряжаться нашими железными дорогами, предоставили ей экономические права, которых она добивалась, приняли к себе их полки и выговорили себе лишь защиту от Турции и невмешательства в наши внутренние дела. Оба условия были выполнены Германией.

В самые черные дни, когда помощь Германии была более чем когда-либо необходима для нас, мы не отказывались от беспощадной критики германского империализма.

Но теперь, когда над этим империализмом произнес свой приговор сам германский народ, мы считаем делом своей чести засвидетельствовать перед Интернационалом, что в Грузии Германия не запятнала себя ни вероломством, ни насилием, не употребила во зло наше доверие и свое могущество»⁶⁹).

Приход немцев принес некоторое успокоение в Грузии, что дало возможность Правительству приступить к внутреннему благоустройству страны. Тифлис был центром всего Закавказья. Здесь был сосредоточен целый ряд учреждений, имеющих краевое значение. Для маленькой Грузии эти учреждения были совершенно излишни, и для ликвидации их была создана специальная комиссия из 9 лиц по три от каждой нации (армян, грузин и азербайджанцев).

Вместе с тем стало необходимым приступить к национализации учреждений, для чего была выработана соответствующая система, которая должна была быть проведена постепенно, не разрушая сразу всего аппарата. Этот сложный вопрос требовал много труда и большого такта. К сожалению, национализация — эта совершенно необходимая государственная мера — была встречена известной частью русских проживающих на территории Грузии, совершенно незаслуженной враждебностью. Окрестили ее шовинизмом и стали выступать открыто, требуя ее отмены. Но, что эта мера не была вызвана враждебным отношением против какой бы то ни было нации, видно хотя бы из того, что грузинское правительство всем чиновникам, не знавшим грузинского языка, предоставило возможность изучать грузинский язык.

Правда, проведение национализации влекло за собой и сокращение штатов, но это не было вызвано враждебностью к другим национальностям.

7 июня Правительство постановило поручить ученым и историкам установить форму государственного герба. Постановлено было также создать проект грузинского денежного знака, для чего было установлено соревнование. В состав жюри вошли известные художники, ученые, поэты и представители Правительства.

8 июня состоялось объединенное заседание Областного комитета социал-демократической партии, Тифлисского совета рабочих депутатов и Штаба народной гвардии, на котором, после доклада И. Церетели, была принята резолюция, внесенная Н. Жордания:

«Обсудив договор с Турцией, собрание заявляет, что положение, созданное этим договором, настоятельно требует прежде всего создания сильной власти, которая сумеет сплотить всю демократию и дать отпор всякой агрессии, откуда бы она ни появилась — изнутри или извне. Ни революционные органы, которые располагают реальной силой и исполняют некоторые функции управления, ни Правительство, которое обладает всеми государственными функциями, не имеют в своем

⁶⁹) П. Гелейшвили. Указ. соч., стр. 226—227.

распоряжении никакой реальной силы и не могут в отдельности создать демократического государства. Соединение этих двух элементов, то есть сохранение революционных организаций, как руководящих органов рабочего класса, и вместе с тем подчинение всех вооруженных сил демократическому правительству, представляет единственную возможность для создания сильной государственной власти. Форма такого объединения будет выработана по соглашению Правительства и Бюро исполнительного комитета совета рабочих депутатов»⁶⁹).

Согласно этому постановлению, все вооруженные силы, до сих пор находившиеся в распоряжении Исполнительного комитета совета рабочих депутатов, перешли и подчинились Правительству, а Советы оставили за собой ведение пропаганды и агитации.

Правда, революционные организации раньше постановили, что они все свои силы подчиняют государственной власти, но фактически им все же приходилось действовать и помимо Правительства. Одной из главных причин поражения революции в Центре было то, что там никак не удалось объединить фактически действия революционных органов с действиями государственных органов. Там революционные организации и правительство действовали отдельно. Последствия такого раздвоения хорошо понимали грузинские революционные организации и потому без колебания признали приоритет государственной власти и без ропота подчинились ей.

Местные же революционные организации — лозунгу — «вся власть советам» всегда противопоставляли лозунг — «вся власть Учредительному собранию».

Здесь с первых же дней революции строго разграничивали роль советов и Правительства и считали вредными и опасными для дела революции присвоение советам публично-правовых функций.

Советы рабочих и солдатских депутатов возникли с первых дней революции. Они вынесли на своих плечах всю тяжесть революции, они же были верным стражем от угрожающих ей со всех сторон опасностей, они мобилизовали и организовали вокруг себя все лучшие силы страны, но никогда свою роль не понимали так, как понимали ее большевики. Никогда они не вкладывали в него того содержания, как это делали большевики. Руководители здешних советов всегда были против присвоения советам не свойственных им функций.

Но, чтобы достичь более тесных отношений между правительством и революционными организациями, необходимо было, чтобы во главе правительства стал человек, который признан был всеми как вождь революции. Таким был Н. Н. Жордания, и он должен был стать во главе грузинского правительства. Это стало настолько очевидным, что Центральный комитет социал-демократической партии обратился к нему со специальным предложением возглавить правительство.

⁶⁹) Стенографический отчет Грузинского национального совета, заседание 38, Тифлис, 1919, стр. 3—4.

ГЛАВА VII

ПРАВИТЕЛЬСТВО Н. ЖОРДАНИЯ

24 июня правительство Н. Рамишвили подало в отставку, в тот же день Национальный совет поручил составление кабинета Н. Жордания и облек его специальными полномочиями. Было также постановлено, что с этого дня все исполнительные функции сосредоточиваются в руках правительства и никакие другие органы этих функций не исполняют.

На вечернем заседании Национального совета новый глава правительства заявил, что, так как смена правительства не имела ни политического, ни программного характера, он не делает никакой декларации. Перечислив вопросы, стоящие в порядке дня, добавил:

«Недавно мы приняли закон о народной гвардии, но этого недостаточно. К народной гвардии мы должны обратиться в исключительных случаях. Если гвардия постоянно будет на ногах, то от этого пострадает промышленность, так как гвардия, как вы знаете, состоит из рабочих. Мы должны создать регулярное войско, а гвардию вернуть на заводы».

При этом был внесен законопроект о создании регулярных частей, который и был принят Советом 2 августа.

Новое правительство энергично взялось за устройство внутренней жизни страны. Был выработан целый ряд законов, согласно которым были ликвидированы многие общекавказские учреждения и созданы новые, усилилась работа по проведению аграрной реформы, школьного дела и органов самоуправления, был учрежден государственный контроль, национальные суды и т. д. Развернулась огромная законодательная работа во всех сферах государственной жизни. Законодательным органом еще был Национальный Совет, который 18 октября 1918 г. был переименован в «Грузинский парламент».

Парламент в первую очередь выработал «положение» о выборах в Учредительное собрание Грузии. В Грузии находится целый ряд национальных меньшинств, и их национальные нужды пришлось регулировать центральным законодательством. Был введен в судах в

законодательном порядке, наравне с грузинским языком, и язык меньшинств. То же самое было сделано в администрации и городских самоуправлениях. Были открыты школы, где преподавание велось и на языках меньшинств, а грузинский язык оставался обязательным предметом. Самым трудным оказалось принятие общего языка для парламента. После долгих дебатов по этому вопросу парламент на своем заседании 15 октября 1918 года принял следующий закон:

«Предоставить 26 мест тем национальным меньшинствам, которые проживают на территории Грузии и считают себя гражданами Грузинской республики. А именно: 10 армянам, 4 азербайджанцам, 3 абхазцам, 2 русским, 2 осетинам, 2 грузинским евреям, 1 грузинским мусульманам, 1 грекам, 1 немцам. Этим депутатов выбирают их национальные советы, а где таковых нет — право выбора предоставляется тем представителям, которые работают в разных демократических учреждениях на территории Грузии. Представители национальных меньшинств, не говорящие на грузинском языке, могут произносить речи, кроме своего родного языка, и на языке другого меньшинства, участвующего в парламенте. Содержание речи, произнесенной на языке депутата от меньшинства, должно быть переведено, если этого потребуют не меньше 15 депутатов. Президиуму парламента предоставляется право в спешном порядке предложения, внесенные на языке представителя меньшинства, сообщить парламенту на языке одного из меньшинств»^{69а)}.

Согласно этому закону, на заседание парламента 1 ноября явились представители национальных меньшинств, которых приветствовал председатель парламента Чхеидзе, выразив надежду, что

«эта новая сила присоединится к нашим усилиям для утверждения независимости нашей страны и вместе с ней приложит свои старания для защиты народных интересов и укрепления солидарности народов».

От имени армянских депутатов ответную речь произнес на грузинском языке депутат Давидханян. Он сказал:

«Правда, мы являемся здесь в качестве представителей Армянского национального совета, но мы пришли сюда не только для защиты нашей национальной культуры, но и вместе с вами принять участие в деятельности на пользу нашей свободной родины. Уверен, что мои избиратели, которые пользуются всеми политическими правами, исполнят свой долг как на поле внешних военных действий, так и внутри страны, на арене организационной работы»⁷⁰⁾.

^{69а)} Там же.

⁷⁰⁾ Там же.

В октябре 1918 года уже стало выясняться, что победа склоняется в сторону Антанты. В первых числах ноября прекратились военные действия, а представители Германии подписали условия временного перемирия.

Турки покинули все области, которые они занимали в качестве оккупантов и вместе с немцами оставили Грузию. Ушли турки и немцы, но пришли англичане. Турецкую оккупацию сменила английская оккупация. Как только англичане вступили на территорию Грузии, по распоряжению генерала Томсона в Батуми была расклеена прокламация, где говорилось:

«Приход союзных войск на Кавказ имеет целью обеспечить общественную безопасность и порядок на всем пространстве между Черным и Каспийским морями...».

Англичане желали расклеить эту прокламацию и в Тифлисе, но без успеха. Председатель правительства заявил им, что для поддержания порядка в Грузии нет никакой надобности в услугах английских войск, так как этим занято само грузинское правительство. Когда англичане на это заявление председателя правительства не обратили внимания и стали расклеивать эти прокламации, то по приказу правительства вся группа расклейщиков была арестована, и освободили их только тогда, когда генерал заверил, что английское командование не вмешивается во внутренние дела Грузии и удовлетворится предоставлением им казарм для расквартирования своих солдат. Так было в Грузии везде, кроме как в Батуми.

После турок Батум был занят англичанами, был учрежден так называемый «Совет управления» под председательством некоего Маслова, которого за целый ряд неблагоприятных проступков скоро удалили, но «Совет» и его аппарат все же остались и во главе стал другой денкинец. Чувствуя себя полным хозяином всего округа, «Совет» стал притеснять и преследовать все грузинское, открывали везде и всюду русские школы, арестовывали массы за грузинскую ориентацию. Английское командование настолько сочувствовало и покровительствовало ему, что, когда в Батуми, по инициативе родителей, открылась грузинская гимназия, в которой обучалось более 600 учеников, то учащиеся вынуждены были ютиться в 4-х комнатах, т. к. все большие здания были переданы управлению русскими школами. Русской гимназии, в которой обучалось около 200 учеников, передано было здание, в котором свободно могли поместиться 2 гимназии. Кроме того, все русские школы содержались за счет дохода города и области, тогда как расходы на содержание грузинских школ покрывались исключительно родителями.

На армянской территории было создано так называемое «Карсское правительство». «Правительство» это не представляло интересов народа. Оно ничего общего не имело и с национальным принципом

самоопределения. Против создания этого «правительства» не раз протестовало Грузинское правительство, усматривая в его создании еще одно препятствие для успокоения всего Закавказья. Назначили депутатами мусульман и составили из них «парламент». На первом заседании этого «парламента» присутствовал представитель английского командования, который сказал:

«Приветствую вас, избранников народа! Победа союзников — это победа маленьких наций. Я не буду вмешиваться в ваши внутренние дела, а буду защищать и помогать»⁷¹⁾.

С этого дня началась агитация за создание «Южно-западной республики», которая должна была подчиняться «Карсскому правительству» и которая должна была объединить те области, которые раньше находились под оккупацией турков. Агитировали, с одной стороны, мусульманские беки, боясь конфискации своих земель а с другой, турецкие агенты, имевшие политическое задание. Эти агенты стали устраивать настоящие восстания и создавать местные комиссариаты. Все это происходило в феврале месяце 1919 года, а в конце апреля тот же самый английский генерал, который так сочувственно приветствовал «Карсский парламент», говорил им:

«По желанию английского правительства я вручил вам власть для управления областью. Вы же, вместо того, чтобы провести в жизнь английскую идею, восприняли иную ориентацию. Это абсолютно недопустимо. Поэтому ваш парламент я объявляю распущенным, и с этого дня власть будет сосредоточена в руках англичан, которые передадут эту власть тому, кто будет защищать английские интересы»^{71а)}.

Как только генерал закончил свою речь, здание «парламента» было окружено английскими войсками. Власти арестовали членов правительства и отправили их на остров Мальту, а управление Карсской областью было передано армянам.

Провокационные действия стали проявляться и в других местах. В Нахичевани армяно-азербайджанские отношения приняли настолько серьезный характер, что происходили открытые столкновения. Благодаря всему этому английское командование убеждало английское общественное мнение, что между Кавказскими республиками свирепствует острая национальная борьба и что их совместная жизнь очень сомнительна.

Но «армяно-грузинская война» была делом сознательной провокации. Она понадобилась кому-то, чтобы доказать, что на Кавказе невысказано существование независимых государств. Война между этими близкими соседями безусловно была очень важным козырем в руках противников независимости этих республик. Обе стороны скоро поня-

⁷¹⁾ Г. И. Уратадзе. Указ. соч., стр. 141.

^{71а)} Там же.

ли, насколько пагубна эта война во всех отношениях, и постарались закончить ее быстро. 31 декабря в 12 часов ночи, военные действия прекратились, а 28 февраля состоялась армяно-грузинская конференция, которая 3 марта вынесла единогласно постановление — «считать войну законченной, подтвердить взаимно независимость и восстановить дипломатические миссии».

Как только закончилась армяно-грузинская война, создался Ахалцихский фронт. Скоро к этому прибавился Деникинский фронт. Несмотря на все это, устройство внутренней жизни не приостановилось. На основе выработанного парламентом положения о выборах в Учредительное собрание приступила к работе специальная комиссия, куда входили представители всех политических партий. Выборы происходили в феврале месяце с большим энтузиазмом и успехом.

В выборах приняло участие около 80% избирателей. Голоса эти распределились между 15 партиями так: Грузинская социал-демократическая партия — 409,766 голосов, социал-федералисты — 33,721 голос, Национал-демократическая партия — 30,154 голосов, Дашнакцутюн (армянская революционная партия) — 2353 голосов, Мусульманская национальная партия — 60 голосов, левые социалисты-революционеры — 1616 голосов, партия Шота Руставели — 51 голос, беспартийный союз — 795 голосов, Русская социал-демократическая партия — 779 голосов, группа борчалинских жителей — 77 голосов, эстетическая лига (группа грузинских поэтов-декадентов и писателей-символистов) — 53 голоса, группа эллинов (остатки греков в Грузии) — 14 голосов.

Согласно установленному избирательному закону социал-демократы провели 109 депутатов, национал-демократы — 8, социал-федералисты — 8, социалисты-революционеры — 5. Остальные группы не получили ни одного места, так как полученные ими голоса оказались ниже установленной избирательной нормы. Всего в Учредительном собрании было 130 депутатов. Выборы происходили на основе 4-членной формулы по пропорциональной системе представительства, и, так как вся Грузия представляла один избирательный округ, то все меньшинства имели своих депутатов в Учредительное собрание. Через некоторое время были произведены дополнительные выборы в освобожденных от оккупации областях, как, например, в Ахалкалакском и Ахалцихском уездах.

В Ахалцихском уезде в выборах приняло участие 30 000 избирателей. Социал-демократическая партия получила 13 000 голосов; Армянская партия Дашнакцутюн — 8 000 голосов, а остальные — 687 голосов.

В Ахалцихском уезде в выборах приняли участие 30 000 избирателей. Из этих 30 000 голосов Грузинская социал-демократическая партия получила 24 135 голосов; Грузинская национальная партия — 2 500, Армянская партия Дашнакцутюн — 3 000 человек, Азербайджанская партия — 310 голосов.

ГЛАВА VIII

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ГРУЗИИ

12 марта 1919 года открылось первое заседание Учредительного Собрания. Открыл его старейший член собрания, известный социал-демократ С. Джибладзе, который произнес следующую речь:

«Мы видим как колеблется и рушится кругом все от необузданного движения. Гибнут государства, сходят со сцены исторически обреченные, но пока еще сильные сословия. Как щепки, летят веками существующие троны «богопомазанных». Что потеряли и что приобрели мы в этом международном политическом водовороте? Потеряли то, потеря чего всегда составляла мечту нашей демократии. С проклятием спустили в бездну самодержавие. Но этого недостаточно. На развалинах самодержавия надо воздвигнуть самодержавие народа, для чего и призвано наше полноправное Учредительное собрание. С великой благодарностью вспомнит будущее поколение тех, кто спас нашу маленькую лодку среди бушующих волн и вывел ее в спокойную гавань со своим ценнейшим грузом — Учредительным собранием. Теперь, господа, в ваших руках судьба этого великого учреждения, и я от души желаю вам плодотворной и свободной работы»⁷²).

Вслед за этим был избран председателем Учредительного собрания Н. С. Чхеидзе и прочитан был акт независимости со следующим добавлением:

«Учредительное собрание, выбранное на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного закона, с участием обоого пола, на своем первом же заседании 12 марта 1919 года перед страной и историей подтверждает и принимает акт независимости, провозглашенный Грузинским национальным советом 26 мая 1918 года в 5 часов 10 минут пополудни»⁷³).

⁷²) Документы и материалы, Стенографический отчет заседания Учредительного собрания Грузии, Тифлис, 1919, стр. 1—5.

⁷³) Там же, стр. 8.

На втором заседании с подробным докладом выступил председатель правительства Н. Жордания, который между прочим сказал:

«Правительство республиканской Грузии низко кланяется хозяевам земли грузинской, приветствует ваш приход и в то же время прощается. Правительство теперь достигло своей основной цели — собрало настоящих хозяев Грузии, Учредительное собрание и теперь может повторить подобно старцу Симеону: «ныне отпускаеши раба твоего». Но, пока мы оставим свой пост и сядем рядом с вами, считаем нужным познакомить вас, что из себя представляло наше правительство, откуда оно пришло и куда оно шло. Объявление независимости Грузии произошло в процессе развития внешних событий. Эти события и дали начало грузинскому правительству и содержание его деятельности. И сегодня мы можем смело сказать, что это свое историческое значение оно оправдало. Мировая война закончилась так, что Грузия вышла из нее почти невредимой, а Великая февральская революция закончилась для нас так, что она избавила Грузию от анархии и сохранила все свои завоевания. Так что сегодня мы имеем тройной плод: внешнее спокойствие, внутреннее спокойствие и завоевания великой революции. В таких благоприятных общественных условиях не собралось ни одно Учредительное собрание»⁷⁴).

Н. Жордания перечислил все, что было сделано правительством и закончил свою речь так:

«Я познакомил вас с положением и говорю, что, по сравнению с другими государствами, нашу республику мы довели безвредно до вас, до настоящих хозяев. Позвольте передать вам бразды правления республикой. Доделайте то, чего мы не сумели или не смогли, или пропустили. Наши политических целей мы еще не достигли и надеемся, что Учредительное собрание достигнет их благополучно и не разойдется до тех пор, пока это не закончит. Правительство парламента уходит и уступает место правительству Учредительного собрания»⁷⁵).

Заявление об отставке было принято, и на этом же заседании было принято следующее постановление:

«1) Для составления правительства Учредительное собрание избирает одно лицо, которое будет председателем правительства.

2) Председатель правительства есть в то же время Верховный представитель республики»⁷⁶).

После этого постановления составление правительства было единогласно поручено Н. Жордания.

⁷⁴) Там же, стр. 2—8.

⁷⁵) Там же, стр. 15—16.

⁷⁶) Там же.

К сожалению, спокойствие, отмеченное председателем правительства, продолжалось недолго. Враги республики не дремали и не упускали случая вызвать анархию и осложнить и без того напряженное положение. Стали происходить то там, то здесь разного характера выступления большевиков. Видя, что со своей собственной программой не добьются ничего, они стали объединяться со всеми, кто мог содействовать анархии. Для такой «смычки» подходящим оказался Сухумский округ. Здесь в местной политической жизни заметную роль вначале играла местная абхазская националистическая группа, которая ставила своей целью объединение всего населения на почве абхазской национальной идеи, и, когда в октябре 1917 г. исчезла Всероссийская центральная власть и стали возникать местные власти, то среди этой националистической интеллигенции возникла идея объединения Абхазии с Северным Кавказом. Параллельно с этим среди остальной части населения стали усиливаться демократические течения во главе с социал-демократией и с лозунгом: объединение не с Северным Кавказом, а с Грузией, невзирая на то, останется она в пределах Российской империи или выделится. В Сухуме в это время существовал Абхазский национальный совет. И, когда выяснилась беспочвенность идеи объединения с Северным Кавказом, а Батумская область оказалась в руках турков, Абхазский национальный совет решил войти в союз Закавказских республик. Но, когда этот союз (Сейм) распался, то одна часть местных феодалов во главе с князем Шервашидзе обратилась к Турции, а другой князь, Т. Маршания, скрылся в лесу и оттуда, в ожидании турецкой подмоги, стал призывать абхазцев к восстаниям. Через некоторое время бежавший в Турцию Шервашидзе встал на стороне турецких солдатом около Сухума с запасами вооружения. Но у берегов его встретил грузинский отряд народной гвардии во главе с генералом Мазниевым, который предъявил десанту ультиматум — сдать все вооружение. Десант согласился и вернулся в Турцию.

Скоро народная гвардия очистила села от отрядов Маршания и во всей Абхазии водворился порядок. Национальный совет отправил делегацию в Тифлис для переговоров с Грузинским правительством. Во время переговоров было достигнуто соглашение по всем вопросам. Согласно этому соглашению должны были произойти новые выборы Национального совета на основе 4-членной формулы. Выборы эти в то же время должны были выяснить и отношение населения к соглашению с Грузинским правительством.

До выборов нового Совета работу продолжал существующий Совет, а расходы по управлению Округом принимало на себя грузинское правительство.

12 марта 1919 года были произведены выборы. Выбрано было 40 членов Совета, из них 27 социалистов-демократов-меньшевиков, 9 независимых социалистов, 3 социалиста-революционера, 1 социалист-федералист и 1 национал-демократ.

Таким образом абхазский народ свободным демократическим выбором вручил судьбу Сухумского округа той партии, которая реши-

тельно отвергала все другие ориентации и энергично защищала объединение с Грузией. Потерпевшие поражение на выборах националисты стали теперь настаивать не на объединении с Грузией, а на конфедеративном отношении с ней.

20 марта собрался новый Совет и на своем первом заседании постановил:

«Первый Абхазский народный совет, избранный на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, на заседании своем от 20 марта 1919 года от имени народов Абхазии постановил:

1) Абхазия входит в состав демократической республики Грузии как ее автономная единица, о чем поставить в известность правительство республики Грузии и ее Учредительное собрание.

2) Для составления конституции автономной Абхазии и определения взаимоотношений между центральной и автономной властью избирается смешанная комиссия в равном числе членов от Учредительного собрания Грузии и Народного Совета Абхазии, и выработанные ею положения, по принятии их Учредительным собранием и Народным советом, должны быть внесены в конституцию демократической Грузии»⁷⁷⁾.

Как Учредительное собрание, так и Правительство единогласно согласились с этим постановлением Абхазского народного совета, и с этого дня взаимоотношения между Грузией и Абхазией настолько окрепли, что всякие другие ориентации потеряли под собою почву.

22 февраля 1919 года происходили выборы в Батумское городское самоуправление. Избирательный закон для этих выборов был выработан комиссией, члены которой были назначены оккупационной английской властью. Среди комиссии не было ни одного грузина. Выборы были национально-пропорциональными. Несмотря на целый ряд затруднений, на выборах одержал победу грузинский национальный фронт в то время, как Батуми и его область была полна агентами большевиков и панисламистов, которые тесно были связаны с деникинцами и общими усилиями вели усиленную пропаганду против Грузии.

Подлежало выбору 36 гласных. Из них грузинский национальный фронт провел 20, русские — 2, греки — 8, армяне — 4, евреи — 2.

Выборы эти формально были муниципальными, но по существу это был политический плебисцит, лозунгом которого было оставление Батума и его области в пределах Грузии, что так блестяще было подтверждено этим «плебисцитом». Значение этих выборов усиливало то обстоятельство, что они происходили в то время, когда там была английская оккупационная власть. Именно это и произвело огромное впечатление прежде всего на самих англичан.

21 марта предстало перед Учредительным собранием Грузии новое правительство Н. Жордания, составленное исключительно из со-

⁷⁷⁾ Там же, стр. 2—3.

циал-демократов, с декларацией, где были перечислены все вопросы, которые подлежали решению Учредительного собрания.

Среди этих вопросов первое место занимало проведение аграрной реформы.

С объявлением независимости Грузии проведение аграрной реформы ограничилось для Грузии только ее территорией.

Аграрный вопрос стал в порядке дня с первых же дней революции. Крестьянство во всей России с наибольшим интересом отнеслось к этому вопросу. Грузинские деятели революции все свои усилия направляли к его разрешению сперва в общероссийском масштабе, затем в общекавказском и под конец в пределах Грузинской республики.

Идея разрешения этого вопроса Учредительным собранием зародилась в недрах самой демократии. Вопрос был безусловно сложный и требовал авторитетного слова авторитетного учреждения. Но такая постановка вопроса имела и свои отрицательные стороны. Сызыв Учредительного собрания задерживался, а крестьянство не хотело ждать. Это и внесло в этот вопрос тот анархический элемент, последствием которого были губительные эксцессы и захват земель. Чтобы нечто подобное не произошло и в Грузии, необходимо было разрешить справедливо стремления крестьян. Считаюсь с этим, еще Закавказский комиссариат издал декрет о конфискации земель, но в декрете не была установлена норма земельного надела. Так как детальной разработки вопроса не позволяли обстоятельства, был выделен только один вопрос: сколько оставить помещику из имеющихся у него земель? Все конфискованные земли составляли земельный фонд республики. Не затрагивая вопроса о распределении этого фонда, земли эти было решено отдать крестьянам в аренду на один год. За это время была объявлена независимость Грузии. Было созвано совещание земельных комитетов, которое высказалось почти единодушно за передачу земель крестьянам в собственность. Выяснилось, что крестьянство не так хорошо усваивает идею муниципализации или национализации и требует передачи земли в частную собственность.

Руководящие органы после рассмотрения вопроса со всех сторон окончательно остановились на следующем: земли, имеющие общегосударственное значение, зачислить в неприкосновенный фонд, передав государству. Часть же земель передать земским самоуправлениям. Остальную часть земель по установленной норме передать безземельным крестьянам в собственность по льготным ценам.

Для помещиков, у которых были конфискованы земли, установлена следующая норма: 7 десятин, если конфискованная земля находилась в районе хозяйств высокой культуры; 15 дес. — в районе полевых культур, и 40 дес. — в специальных районах животноводства.

Надо особо подчеркнуть, что такая важная и сложная реформа была проведена законами парламента и на этой почве не произошло абсолютно никаких враждебных действий ни со стороны помещиков, ни со стороны крестьян. Напротив, когда комиссия по конфискации приходила к помещикам, она встречала у них радушный прием и гостеприимство.

Отобрано было всего 640 000 гектаров земли. Не малое значение имела и конфискация лесов. Лесами Грузии была очень богата. Они занимали больше, чем 2 млн. гектаров земли. Но значение имело не только пространство, но и качество — наличие драгоценных пород. Кроме лесов в руки правительства перешло также 756 046 гектаров пастбищной земли. Вся эта реформа на местах была проведена земствами. Земские учреждения в Грузии были, как сказано, введены только после революции во второй половине 1918 года.

По законам Грузии земства и городские самоуправления составляли фундамент всего государства. Помимо хозяйственных функций на них возложены были и функции правительственные. Потом земства создали свой союз в республиканском масштабе и имели свой собственный печатный орган «Земство».

Само правительство вело огромную культурную работу, и в этой работе его дружно поддерживало все население. Вся народная энергия с энтузиазмом посвятила себя этой общей работе, но опасность нападения Красной армии все чувствовали. Все понимали, что благоденствие того или другого соседа зависит не только от его внутреннего положения, но и от того, каково будет взаимоотношение между всеми главными народами Кавказа. Падение одного из них было бы гибелью и для остальных. Сомнительно было, например, существование свободной Грузии, если не будут свободными Армения, Азербайджан или Северный Кавказ.

Понимая это, Грузинское правительство беспрестанно добивалось союза с соседними республиками, и инициатором такого стремления всегда было Грузинское правительство. Когда упразднился Сейм, Н. Жордания заявил: «Разошлись, но я не теряю надежды, что скоро в иной форме опять объединимся». И стремление к такому объединению, в форме ли федерации или конфедерации, никогда не покидало Грузинское правительство. К сожалению, на этом пути перед нами оказались непреодолимые препятствия.

Первое время между новыми республиками существовало некоторое недоверие друг к другу. И это вовсе не удивительно, так как это были соседние республики и, естественно, между ними возникали споры на почве территориальных размежеваний. Для избежания конфликтов на этой почве Грузинское правительство предложило соседним республикам все территориальные споры передать арбитражной коллегии и решение такой коллегии считать окончательным и обязательным. Предложение было принято и нашло свое первое применение 16 июня 1919 года, когда был подписан договор между Грузией и Азербайджаном. По этому договору обе стороны обязывались все споры между этими республиками разрешать по соглашению, а в случае разногласий — обратиться к арбитражу.

Единственным соседом, с которым невозможно стало договориться, была Добровольческая армия. Руководители этой армии состояли из старых царских генералов, которые, помимо всего прочего, психологически не терпели ничего нового. Они начали борьбу за восстановление того режима, который был свергнут революцией после дол-

гой борьбы. Для многих, пострадавших от большевиков и искавших выхода из невыносимого режима гражданской войны, эта армия казалась маяком спасения. Руководители этой армии обещали «защитить права народа и его волю», «дать возможность созыва Учредительного собрания» и под этими высокими лозунгами собирались наивно верующие, плохо понимающие, не разбирающиеся в тонкостях большой политической игры, и под ее знамена становились люди разных положений и сословий.

Противники грузинской независимости эту армию стали натравливать на Грузию, и для этой цели было использовано все. Особенно усердствовал бывший член Закавказского сейма Березов, который после распада Сейма, переселился на Кубань, в Екатеринодар, примкнул к Деникину и на страницах своей газеты повел бешеную атаку против Грузии, обвиняя ее в преследовании русских, особенно русских офицеров, которые, избегая преследования большевиков у себя на родине, нашли себе в Грузии радушный прием. Поднялась целая буря. В опытных руках усердно работала машина провокации. Шум о преследовании русских в Грузии перекинулся в Ростов, где в газетах часто стали появляться сообщения о расстрелах русских офицеров и пр. Все это вызывало озлобление в рядах Добровольческой армии против Грузии, грозили ей войной, если «всему этому не будет положен немедленно конец».

Все это побудило редактора ростовской газеты «Донские вести», П. Агеева «проверить все на месте», — как писал он. С этой целью он приехал в Грузию и, вернувшись в Ростов, напечатал целый ряд статей относительно своей поездки. В одной из таких статей он писал:

«С целью уяснить себе действительную картину жизни Азербайджана и Грузии, я совершил с 12 августа по 18 сентября поездку в Азербайджан и Грузию. В Грузии я пробыл 14 дней: 10 в Тифлисе, 4 в деревнях.

В Азербайджане, из коротких личных наблюдений и из заявлений людей, давно живших там и знающих Закавказье, было ясно, что дирижером Закавказья является Грузия, единственная страна Закавказья, установившая у себя твердый, во многих отношениях образцовый государственный порядок. В Тифлис я приехал 27 августа за несколько дней до открытия второй сессии Грузинского учредительного собрания.

Не могу пройти молчанием самое государственное устройство Грузии. Грузия — демократическая республика. Верховная власть в ней принадлежит Учредительному собранию, избранному на основе 4-членной формулы, и, так как Грузия представляет один избирательный округ, то все меньшинства ее населения, в том числе и русские, имеют своих депутатов в Учредительном собрании.

Из законов, принятых Учредительным собранием, надлежит отметить в первую очередь земельный закон. К слову сказать, на основании военного закона призвано в армию только

грузинское юношество, а русским и другим народам предоставлен 3-месячный срок для решения вопроса, принимают ли они грузинское подданство или нет.

В начальных училищах преподавание ведется на материнском языке, для чего открываются школы в достаточном количестве на грузинском, армянском, русском и азербайджанском языках.

В Тифлисе существует русский Национальный совет, который признается грузинским правительством официальным органом русского населения. Председателем этого совета, органа избранного, состоит А. Калюжный, правый эсер по своим убеждениям.

На мой вопрос, как по его мнению сложилась жизнь русского населения в Грузии, мне был дан категорический ответ, что жить можно. Имущественные права охраняются законом, учиться можно на своем русском языке и, уважая русские чувства населения, грузинское правительство не привлекает его к несению воинской повинности в рядах грузинской армии.

Не могу не сказать двух слов об офицерах бывшей русской армии, оставшихся в Грузии. В газетах часто пишется, что русским офицерам в Грузии нет ни проезда, ни прохода, просто показаться страшно. Я видел на улицах города Тифлиса достаточно много генералов и офицеров в форме русской армии и, к своему удивлению, в студенческой столовой встретил даже одного войскового старшину Донского войска. Что делают в Грузии все виденные мною офицеры, сказать не могу, но по внешнему виду они, во всяком случае, не производят впечатления преследуемых.

Достоверные же свидетельства говорят, что Грузия единственная страна из всей территории бывшей Российской империи, где русский офицер ни на один день не был принужден снимать свою форму⁷⁸⁾.

Во избежание нападения со стороны Деникина, правительство Грузии сочло необходимым отправить для переговоров с ним делегацию во главе с министром Е. Гегечкори. Переговоры состоялись в Екатеринодаре, где была резиденция Добровольческой армии. Со стороны армии в переговорах участвовали: генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Драгомиров и Лукомский; от Кубанского правительства Быч (председатель), Воробьев, Шульгин и Степанов. Переговоры, которые продолжались несколько дней, доказали, что этих генералов интересует не вопрос о границах, а уничтожение независимости Грузии и грузинской демократии.

Ход и характер переговоров направлялись и определялись не председателем Кубанского правительства, на территории которого находилась Добровольческая Армия, а ген. Алексеевым и его штабом.

⁷⁸⁾ Газ. «Донская речь», 30 октября 1919 г., Ростов-на-Дону.

Позиция же Кубанского правительства существенно отличалась от непримиримой позиции ген. Алексеева. Кубанское правительство подходило к спорным вопросам с точки зрения интересов Кубани и добрососедских отношений между Кубанью и Грузией. И потому разрыв переговоров с ген. Алексеевым и его штабом вовсе не знаменовал разрыва Кубани с Грузией, что скоро доказал тот факт, что, когда Кубанское правительство узнало, что на грузинский фронт посланы кубанские казаки, то оно потребовало от командования Добровольческой армии немедленно снять с фронта кубанских казаков, что и было исполнено.

Со стороны Грузии Добровольческой армии не угрожала никакая опасность, но ее раздражало то, что Грузия стала независимой и отказалась ей подчиниться. И когда она завоевала Северокавказскую республику, то стала угрожать Азербайджану и, наконец, стала нападать на Грузию. Така как соседство Добровольческой армии не предвещало ничего доброго, Грузинское правительство стало добиваться создания на границе Грузии нейтральной зоны, которая должна была быть занята союзниками. В спор, возникший по этому вопросу, вмешался командующий английскими войсками ген. Кор, который от имени английского правительства потребовал проведения демаркационной линии между территорией, занятой Добровольческой армией, и Грузией. Грузинское правительство согласилось с этим при условии гарантии со стороны английского командования, что Добровольческая армия не перейдет эту демаркационную линию. Англичане дали на это согласие, но не смогли сдержать свое обещание. Через некоторое время добровольческие части напали на стоящий там маленький грузинский отряд и заняли весь Гагринский округ. Установились военные взаимоотношения, для ликвидации которых прибыл из Екатеринодара в Тифлис уполномоченный ген. Деникина, не русский, а английский генерал Бригс, главный представитель английского правительства при Деникине, который заявил, что ведет переговоры в качестве представителя ген. Деникина.

23 мая 1919 года, начались переговоры. Со стороны Грузии в переговорах принимали участие министры Е. Гегечкори и Н. Рамишвили.

Для уяснения сути переговоров приводим часть переговоров по стенографической записи:

«Бригс: Сухумцы недовольны правительством Грузии, и ген. Деникин не может не обратить на это внимание.

Гегечкори: Об абхазцах я не хотел говорить, но, раз вы начали об этом говорить, я должен заявить, что Абхазией управляет не Грузинское правительство, а автономный Абхазский народный совет, избранный абхазским народом всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием.

Бригс: Ген. Деникин стоит во главе армии временно и он не может решить спор о границах до созыва Учредительного собрания. Насколько мне известно, абхазцы не хотят объединяться с Грузией, но, если они заявят о таком своем желании в Русском учредительном собрании, ген. Деникин против этого ниче-

го не будет иметь. А теперь Деникин не пожелает говорить до тех пор, пока грузинские части не оставят реку Мехадир.

Гегечкори: В прошлом году, когда я вел переговоры с ген. Алексеевым, он оспаривал только Сочинский округ, а теперь, как видно, прибавили и Сухумский округ. Что касается народной воли, то ее выразителем является Абхазский народный совет, избранный 99% всего населения.

Бригс: Я думаю, что народную волю надо выявить через нейтральную комиссию. Но скоро объединятся адмирал Колчак и ген. Деникин и будет составлено Всероссийское правительство, это дело нескольких недель. Поэтому примите мой совет — отложить в сторону самолюбие и протянуть руку Деникину и сказать: «Мы с вами». Маленькие народы слишком слабы, чтобы защитить себя.

Рамишвили: Независимость не есть желание только правительства, а всего грузинского народа, а Англия обещала, что она поддержит это желание.

Бригс: Это дело будущего Российского правительства. Маленькие нации безусловно пострадают от экономической войны, и я полагаю, что этим путем вы не очень выгадаете.

Гегечкори: Мы очень вам благодарны за такой совет, но, что случится в будущем, никто не знает. Быть или не быть независимым, должно решить не командование Добровольческой армии, а только мы. Поэтому нам очень интересно знать, высказанное вами мнение принадлежит английскому командованию или Деникину?

Бригс: Я говорю как представитель Деникина. Деникин как раз сторонник автономии маленьких народов.

Гегечкори: А если мы иначе думаем, то кто должен решить этот вопрос?

Бригс: Россия ведь скоро будет восстановлена и поэтому вы не должны торопиться с провозглашением независимости.

Гегечкори: Позвольте, генерал, спросить Вас, имеем ли мы право иметь желание устроить свою жизнь самим?

Бригс: Конечно.

Гегечкори: Тогда мы уже заявили о нашем таком желании и ждем решения Парижской конференции. Что касается соглашения с Деникиным, то хотели бы знать его условия.

Бригс: Условия Деникина следующие: 1) Вы должны оставить реку Мехадир. 2) В Сухуме может остаться Грузинское правительство, но при условии, что оно гарантирует имущество русских как в Сухуме, так и во всей Грузии. 3) Конфискация земель допустима только с согласия населения и то по справедливой оценке.

Рамишвили: Признания нашей независимости мы ожидаем от Парижской конференции, но что касается границ, об этом

мы можем поговорить сегодня.

Бригс: Повторяю, что ген. Деникин думает, что он имеет право решать вопросы, касающиеся границ. Я считаю, что моя миссия не увенчалась успехом, и сожалею, что напрасно потратил время.

Гегечкори: Я должен чистосердечно заявить, что с нашей стороны было искреннее желание разрешить спорные вопросы миром и очень сожалею, что соглашение не состоялось⁷⁹⁾.

На второй день, 24 мая, председатель правительства Н. Жордания посетил английского военного атташе в Тифлисе ген. Бича. Их беседу приводим вкратце по стенографическому отчету:

«Бич: Вы, господин председатель, вероятно, осведомлены о вчерашних переговорах. Ген. Бригс вчера же послал телеграмму Главнокомандующему с запросом, согласится ли он взять на себя управление нейтральной зоной с условием, что в Гаграх будет офицер из армии Деникина, а в Сухуме английский офицер с русским офицером.

Жордания: Если ген. Бригс вмешивается в такие бесспорные дела, как управление Сухумским округом, то правительство Грузии будет считать, что он соглашается с Деникиным и заинтересован его политикой.

Бич: Сухумский округ — это второстепенный вопрос.

Жордания: Мне еще вчера передали его взгляд, и я убеждаюсь, что он в грузинском вопросе поддерживает Деникина. Я постараюсь выяснить, выражает ли он в данном случае мнение всего английского правительства, или это только его собственное мнение. Я впервые слышу от английского генерала такое мнение.

Бич: Нет. Это только его личное мнение. Мы хотим иметь в Сухуме нашего офицера, и надеюсь, что Вы ничего не будете иметь против этого?

Жордания: Очень даже буду против, если это будет принято как результат соглашения с ген. Деникиным. Но, конечно, не против, если это будет частное соглашение между Грузинским правительством и Английским командованием.

Бич: Если ваши войска отступят на реку Бзиб, то Деникин не двинется вперед.

Жордания: Мы Деникину не доверяем, но, если вы займете эту зону, то мы согласны отступить.

Бич: Я думаю, что Деникин не примет ваших условий и начнет наступление.

Жордания: Это его дело, как он хочет. Но я прошу Вас принять меры, чтобы его наступление не происходило вашими танками, аэропланами и крейсерами. В противном случае мы сочтем, что наступление происходит с помощью англичан.

⁷⁹⁾ Архив грузинского эжильного правительства.

Бич: Я думаю, что все кончится благополучно, так как лично от Вас зависит очень многое.

Жордания: Но я не могу судьбу страны поставить на карту. Мы не можем оставить Мехадири и ждать на реке Взиб.

Бич: Я думаю, что генерал Бригс сможет защитить Ваши границы.

Жордания: Если так, то пусть он убедит Деникина подписать договор, что он не тронет Грузии, а судьбу пространства между Мехадири и Взиби передадим на разрешение мирной конференции. Но Деникин не согласится с этим, так, как не признает нашей независимости.

Бич: Но он признает вашу автономию.

Жордания: Но мы абсолютно не нуждаемся в его автономии. Грузия есть независимое государство.

Бич: Вы наверное знакомы с декларацией Деникина?

Жордания: Но мы не можем считаться с этой декларацией. Ведь он не правительство, его декларация только меморандум командующего армией.

Бич: Я думаю, что все может кончиться мирно. Вы мне, наверное, разрешите сообщить генералу Бригсу, что Вы согласны отступить на реку Взиб?

Жордания: Да, но при условии, что Деникин не перейдет на реку Мехадири. Чтобы быть уверенным в этом, нейтральное пространство между Мехадири и Взиби будет занято английскими войсками.

Бич: Я должен еще раз повторить, что все кончится мирно»⁸⁰).

Деникин наступал на Грузию не только в этом направлении. «Батумский Совет», во главе которого генерал Кук-Коллис поставил деникинца Маслова, собрал вокруг себя противников грузинской независимости и через них повел бешеную агитацию среди грузин-мусульман, чтобы оторгнуть их от Грузии. Агенты этого «Совета» бродили по аджарским селам и местами с помощью денег, местами угрозами, заставляли население писать протесты, что они не хотят объединиться с Грузией, и эти протесты посылать в Париж Мирной конференции. Противники такой пропаганды, несмотря на риск быть арестованными, все же сумели объединить большинство грузин-мусульман. Поэтому 31.8.1919 г. в городе Батуми собрались их представители и единогласно вынесли следующее постановление:

«Мы, представители грузин-мусульман Батумской области, собравшись в количестве 100 человек, в воскресенье 31 августа 1919 года в городе Батуми, заявляем, что

1) мы, коренные жители Батумской области, мусульмане по религии, по истории, крови и плоти, по языку, культуре и ада-

⁸⁰) Там же.

там (обычаям) являемся грузинами; территориально и экономически наш край всегда составлял нераздельную часть Грузии;

2) нынешнее положение Батумской области ставит весь народ в невыносимые условия, лишает его права и возможности принять участие в управлении, способствует политическому разгулу безответственных групп и облегчает нарушителям спокойствия и порядка осуществление их темных целей и исключает возможность мирного развития;

3) политические, экономические и культурные нужды коренных жителей Батумской области, а также интересы всех народов Закавказья, обеспечение добрососедских отношений между ними и престиж великих держав требуют, чтобы был положен конец нынешнему состоянию области, чтобы был утвержден в ней порядок и чтобы тем самым была обеспечена народу мирная жизнь;

4) ввиду того, что это возможно лишь при условии освобождения мусульманской Грузии и присоединения ее к республике Грузии, мы выражаем нашу непреклонную волю и твердое решение: отныне и навеки Батум и его область да будут воссоединены с их естественной родиной — Республикой Грузией на основе широкой автономии мусульманской Грузии и предоставлении национальным меньшинствам равных с нами политических и гражданских прав в пределах этой автономии!;

5) настоящее решение довести до сведения Парижской Конференции и просить правительство Грузии принять всяческие меры к осуществлению нашего решения»⁸¹).

Постановление это имело тем большее значение, что, когда оно было вынесено, существовала в Батуми и его округе формально английская оккупация и фактически власть находилась в руках денкинцев, а грузины были преследуемы.

Постановление это произвело громадное впечатление как в самом Батуми, так и вне его. Оно глубоко возмутило как денкинцев, так и турецких агентов, которые в свою очередь вели не менее энергичную пропаганду в пользу присоединения всего Округа к Турции. Те и другие общими усилиями постарались рассеять впечатление, произведенное этим постановлением. С этой целью начальник батумской администрации предписал всем мухтарам (старшинам) выяснить, действительно ли происходили выборы делегатов на этом съезде или это были самозванцы.

Для передачи своего постановления Грузинскому правительству съезд выбрал особую делегацию в составе 20 человек во главе с Махмед-бег-Абашидзе. Делегация прибыла в Тифлис 5 декабря и передала его Грузинскому правительству и Учредительному собранию.

Учредительное собрание единогласно постановило создать из Батума и его областей и автономный Аджарский округ.

⁸¹) Газ. «Борьба», № 197, 6 сентября 1919 г., Тифлис.

Согласно этому постановлению, председатель правительства Н. Жордания обратился к мусульманской Грузии со следующим воззванием:

«Сто с лишним лет тому назад создавшиеся условия оторвали вас от старой Грузии и вы были выключены из общей участи грузинского народа. Но ваша духовная связь с родным народом никогда не прекращалась. Даже враги вас считают гурджами, т. е. грузинами. Несмотря на суровые преследования вы до сегодняшнего дня сохранили язык и обычаи предков. Во избежание всяких недоразумений и пересудов правительство демократической Грузии во всеуслышание публично и категорически заявляет, что оно предоставляет мусульманской Грузии автономию.

Сами представители мусульманской Грузии будут издавать законы, согласно которым они устроят свою жизнь, как сами хотят и установят у себя порядок и благоденствие».

Как только оккупация закончилась и английские войска уехали из Батуми, собрался в Батуми Меджлис (парламент) всего округа, который с энтузиазмом взялся за культурное и хозяйственное устройство округа. И, если бы Грузия не была завоевана Москвой, то нет сомнения, что весь округ сумел бы устроить свою жизнь образцово.

За это время внутренняя жизнь самой Грузии почти стабилизировалась. Столкновения на границах прекратились, внутри исчезла анархия и началась великая созидательная работа, в которую была вложена вся народная энергия.

Однако признание независимости со стороны великих держав запаздывало. Судьба маленьких народов, в особенности тех, которые до этого проживали в пределах бывшей Российской империи в то время находилось всецело в руках победителей — союзников. Для ускорения вопроса о признании была отправлена в Европу специальная делегация во главе с Н. Чхеидзе и И. Церетели. Но делегация задержалась в Константинополе, и, если бы не вмешательство французской социалистической партии, то она еще долго оставалась бы в Константинополе, а может быть вовсе не выехала бы в Париж.

Делегация работала в Европе до конца 1920 года. Она была верховным представителем Грузии во всей Европе. Кроме политической работы она разрабатывала и экономические вопросы. На долю делегации выпала очень трудная работа. Дело в том, что судьбу всех вновь образованных государств на территории бывшей Российской империи, мирная конференция связывала с русским вопросом вообще. А русский вопрос для конференции оказался очень сложным, и она не хотела решать его до окончательного разрешения германского вопроса. Осложнял вопрос и тот факт, что в январе 1919 года представители ген. Деникина в Париже передали конференции меморандум, где говорилось, что Деникин не признает ничьей независимости, кро-

ме польской. И многие тогдашние вершители судеб народов, воспитанные на идее единой России, очень трудно мирились с ее расчленением, так как в то время Деникинская армия считалась единственной силой в борьбе против большевизма, и эта армия во многих отношениях была связана с союзниками. Поскольку она одерживала победу над коммунистами и продвигалась вперед, постольку вопрос о признании независимости новых государств осложнялся, и отрицательное отношение к нему усиливалось и укреплялось. В той суровой борьбе, которую вели между собой великие державы тогда, судьба маленьких народов в их руках оказывалась игрушкой и очень часто решалась без ведома этих народов. В такой обстановке работа грузинской делегации была, конечно, трудной но ее облегчало то обстоятельство, что в Грузии побывала делегация Социалистического интернационала и она оказала большую услугу грузинскому делу. Некоторые из членов этой делегации, от имени своих партий, возбуждали ходатайства о признании независимости Грузии. После долгой и упорной работы 14 января (по старому стилю) 1921 года Грузия была признана Верховным Советом *de jure*.

Этот акт в жизни грузинского народа был событием величайшей важности во всех отношениях. Отныне Грузинская республика была не «временным государственным образованием», существующим фактически, явочным порядком, а подлинным государством со всеми его атрибутами. Грузия этим актом перестала быть объектом международных акций; она стала субъектом международного права. Если победившая Антанта сначала смотрела на молодую республику с недоверием, считая ее искусственным образованием, то теперь эта республика своей 2-летней упорной борьбой за свою государственность убедила и друзей, и врагов в способности грузинского народа организовать свою жизнь самостоятельно. Эти два года убедили также политических руководителей Антанты в несостоятельности идей «единой и неделимой России» и заставили считаться с последствием Февральской революции — национальным освобождением народов, входивших в состав старой империи.

Признанием *de jure* закончился период борьбы за восстановление суверенных прав грузинского народа. Республика получила право и возможность иметь в Европе регулярное дипломатическое представительство, и правительство назначило послом в Париже, Лондоне и Риме А. И. Чхенкели.

В признании независимости Грузии большую роль сыграл договор, заключенный между Советской Россией и Грузией 7 мая 1920 года. Статьи этого договора гласили:

Статья I

«Исходя из провозглашенного Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой права всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входят, Россия безоговорочно признает независимость и самостоятельность Грузинского го-

сударства и отказывается добровольно от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к грузинскому народу и земле.

Статья II

Исходя из провозглашенных в предшествующей ст. I настоящего договора принципов, Россия обязуется отказаться от всякого рода вмешательства во внутренние дела Грузии.

Статья III

Государственная граница между Грузией и Россией проходит от Черного моря по реке Псоу до горы Ахачча, через гору Ахачча и гору Арапет и по северной границе бывших губерний Черноморской, Кутаисской и Тифлисской до Закатальского округа и по восточной границе этого округа до границ с Арменией

Статья IV

1) Россия обязуется признать безусловно входящими в состав Грузинского государства, кроме отходящих к Грузии в силу пункта I ст. 3 настоящего договора частей Черноморской губернии, нижеследующие губернии и области бывшей Российской империи: Тифлисскую, Кутаисскую и Батумскую со всеми уездами и округами, составляющими означенные губернии и области, а также округа Закатальский и Сухумский.

2) Россия выражает готовность признать входящими в состав Грузии те или иные части бывшего Кавказского наместничества, которые отойдут к ней на основании заключенных с новыми образованиями договоров.

До этого договора Грузия была признана всеми только *de facto*, а *de jure* только Аргентиной. Этим договором было устранено и последнее препятствие для признания Грузии и другими государствами. Он имел также большое значение для решения вопроса о Батуме и его округе. Представитель французской миссии Нонянкур, поздравив министра иностранных дел Гегечкори с заключением этого договора, добавил, что

«после этого договора спор о Батумском округе безусловно будет решен в пользу Грузии, так как только Россия могла быть серьезным претендентом, но раз она добровольно отказалась от него, то нет сомнения, что округ останется в пределах Грузии».

И на самом деле, после этого договора вопрос о Батумском округе уже не вызывал ничего возражения, и 5 июля грузинские войска вошли в город Батум, а 7 июля союзники спустили свои флаги, и город с округом официально был передан Грузинскому правительству. С этого дня началась эвакуация английских войск, которая закончилась 11 сентября 1920 года.

Правительство Грузии хорошо понимало, конечно, какое значение имел Батум и для всего Закавказья, и оно не могло лишить Кав-

казские республики возможности пользоваться Батумским портом для своих торговопромышленных целей, для чего и выработало соответствующий статут.

До признания Грузии de jure в центре заботы руководителей грузинской жизнью стояла иностранная политика и оборона страны. После признания стало возможным заняться всецело внутренними вопросами, а в первую очередь экономическими и финансовыми. В этом отношении положение Грузии было слишком тяжелое. Более ста лет господствовала Россия над Грузией и она за это время не позаботилась, чтобы способствовать созданию каких-либо предприятий, хотя для этого все усилия были налицо. Она предпочитала вывозить из Грузии сырье, чтобы потом вернуть его в виде фабрикатов. Еще меньше заботилась она о рационализации сельского хозяйства, так как это могло сделать лишним ввоз русского хлеба. Ее экономическая политика сводилась к заботе главным образом о том, чтобы Грузия навсегда осталась в зависимости от России.

Когда была объявлена независимость Грузии, местная казна была совершенно пуста, экономическая жизнь была совершенно парализована, торговля приостановлена. При таких условиях не легко было урегулировать сложные экономические вопросы. Главное заключалось в том, что не было твердой валюты, которая, как известно, является гарантией и регулятором экономической жизни. Не было ни золота, ни другого какого-нибудь валютного товара. Правда, в стране были такие товары как марганец, табак, шелк и др., но все это находилось в руках частных собственников.

Выход из такого положения был тройкий, как отметил в Учредительном собрании Н. Жордания: 1) метод большевиков; 2) либеральный; 3) свободная частная инициатива. Эти формы, т. е. коллективная и частная, должны были быть поставлены законодательным путем в одинаковые условия, чтобы одна не могла бы искусственно поработить другую. Если общие юридические нормы дали бы предпочтение коллективному, то оно могло поглотить частную инициативу и это было бы вредно. Ни одна форма не должна была господствовать с помощью закона. Такая экономическая политика диктовалась тем кризисом, который властно требовал, чтобы в устройстве экономической жизни народа приняли участие и государство, и самоуправление, и частные лица. Только такая экономическая политика могла иметь успех при создавшихся условиях, только она могла облегчить и устранить последствия тяжелого кризиса, в который попала маленькая страна. Кризис этот был всеобщий. Он задевал и большие государства. Но Грузия имела свои специфические трудности: расходы большие, доходы — незначительные, запасов никаких, вокруг враги, а внутри неустановленная жизнь. Осилить все это могла только общая работа, и правительство твердо стало на этот путь. Оно создало специальное Министерство — Министерство снабжения, и на него возложило всю торговопромышленную миссию, в то же время от-

крыв для той же цели широкий кредит земствам и городам. В этих целях стало необходимым, чтобы весь валютный товар находился в распоряжении государства и чтобы его экспортом занялось само правительство.

С этой целью на все валютные товары была объявлена государственная монополия. В первую очередь, законом 2 августа 1919 года была объявлена монополия на вывоз марганца в Европу. За этим последовали и другие товары: табак, шелк и др. В первое время можно было вести торговлю только с соседними республиками, так как общая блокада Грузии еще продолжалась. Ни одно судно не входило в Потийский порт, а Батумский порт находился под оккупацией англичан, и Грузия не только для торговли не могла пользоваться им, но простая отправка курьеров в Европу через этот порт была сопряжена с невероятными трудностями. При таких условиях вести торговые операции в широком масштабе было немыслимо. Но как только условия блокады смягчились, был издан закон, в силу которого заграничный товарообмен передан был в руки правительства. Закон этот не лишал, конечно, частных лиц права заниматься импорт-экспортом.

В Грузии крупных торговопромышленных групп не было. Были только мелкие производители, но они сами не могли связаться с заграничным рынком, и поэтому между ними и рынком стояли спекулянты всех видов, которые очень удачно пользовались создавшимся положением. И экспортная монополия правительства была направлена только против них, а вовсе не против производителей. Мелкие производители были очень довольны как ценами, так и той помощью, которую оказывало им правительство, выдав долгосрочную беспроцентную ссуду, которая дала им возможность объединиться в союзы и расширить производство.

Большие затруднения испытывала молодая республика в деньгах. О заграничных займах и думать не приходилось. А потребность в деньгах была неотложная. В дни Закавказского комиссариата, с общего согласия, были выпущены так называемые кавказские боны. Но теперь, после распада Сейма, Азербайджан стал выпускать свои собственные боны и Грузии ничего не оставалось как выпустить свои собственные, которые, согласно декрету, Учредительное собрание гарантировало их всем достоянием республики. Многие боялись, что боны не будут иметь хождение. Но эти страхи не оправдались. Напротив, с первого же дня грузинские боны нашли полное доверие населения.

Курс этих бон был в 4 раза выше армянских бон, в 3 раза — азербайджанских, в $7\frac{1}{2}$ раза — донских и в 5 раз — советских. Впоследствии это соотношение еще больше возросло. Грузинские боны имели хождение не только в соседних республиках, но и в России, на Северном Кавказе и в Константинополе.

С целью оказания нужной помощи сельскому хозяйству был учрежден Высший экономический совет, в состав которого входили представители Министерства финансов, торговопромышленного, земледелия, путей сообщения, государственного контроля, государствен-

ного банка, бюджетной комиссии Учредительного собрания кооперативов, кредитных товариществ и профессиональных союзов. Председателя этого совета назначало правительство. Правительство обязано было все постановления Совета принимать к рассмотрению в первую очередь. Благодаря этому экономическое положение страны стало быстро улучшаться и вселяло такие надежды на будущее, что Н. Жордания имел полное основание заявить в Учредительном собрании:

«Наша политика спасла нас от разгрома самовольно снявшихся с фронта полков, мы избежали гражданской войны, удержали себя от внешних авантур, удержали все завоевания революции и избежали экономического краха»⁸²).

В первых числах апреля 1920 года Деникинской армии уже не стало. Она была окончательно разбита. Победа осталась за большевиками; Красная армия 27 апреля вступила в азербайджанскую столицу Баку, произвела переворот, и властелином Азербайджана стали коммунисты, которые заняли открыто враждебную позицию против других Закавказских республик. Грузия и Армения очутились между двумя враждебными соседями. Ясно было что с покорением Азербайджана, решилась и судьба Грузии. Правительство спешно взялось за организацию самозащиты. Был учрежден Совет обороны, объявлена мобилизация, назначен Главнокомандующий и вся страна объявлена на военном положении.

В отношении военного снаряжения положение было трагическое. Получить оружие можно было только из-за границы. Но где только было оружие, наложили свое вето союзники. Заботиться о приобретении оружия правительство стало еще тогда, когда Красная армия подходила к терским границам. Министр Гегечкори почти каждый день писал делегации:

«Пусть помогут военным снаряжением. Не хотим без денег, пусть продадут. Большевики уже подходят к Тверской области. Если не получим оружия немедленно, то положение станет критическим. Если у нас будет оружие, то опасность будет преодолена».

Но ответ делегации был всегда неутешительный. Глава же делегации Н. Чхеидзе сообщал из Парижа:

«После фактического признания все время просим вооружения, но ничего не выходит. Один посылает к другому, другой к третьему. Одни говорят, что вопрос решен принципиально, но нет еще приказа об отправке. И так каждый день. В продолжение двух месяцев в Лондоне всем надоел, но ничего не вышло».

⁸²) Документы и материалы, Стенографический отчет заседания Учредительного собрания Грузии, Тифлис, 1919.

В помощь делегации была отправлена специальная комиссия во главе с генералом Одишелидзе, но и она вернулась ни с чем.

Таким образом в ожидании неминуемой опасности, маленькую страну оставили без оружия, не только не дали, но и не продали военного снаряжения и лишили ее возможности защищаться.

Таким образом, пред лицом неминуемой опасности маленькую границу Армении подошли, с одной стороны, турецкие войска, а с другой, советские. Турецкие войска открыто перешли в наступление, и это наступление было встречено очень сочувственно со стороны Москвы. Советский посол в Армении Лигран, в первый же день наступления ультимативно предложил Армянскому правительству передать всю железную дорогу в распоряжение советских властей для перевозки Красной армии, чтобы соединиться с турецкой армией. В этот момент в Казахском уезде стали концентрироваться советские войска. Армянское правительство отказалось удовлетворить ультиматум Лиграна, что создало крайне критическое положение, тем более, что турецкие войска к этому времени уже взяли Карс и Александрополь. Ко всему этому прибавились настоящие восстания в мусульманских районах. Армянское правительство вынуждено было пойти на мирные переговоры.

7 ноября военные действия прекратились, а 8 ноября командующий турецкими войсками от имени своего правительства предъявил Армянскому правительству ультиматум, удовлетворение которого было абсолютно невозможно. Правительство ультиматум отвергло, и 12 ноября военные действия возобновились.

18 ноября они опять приостановились, и обе стороны согласились на арбитраж советской власти. Мирные переговоры привели к заключению Александропольского договора. Но в момент подписания договора в Ереване была уже советская власть.

Полномочный представитель советской России в Армении предъявил ей ультиматум советизировать страну. Одновременно в одной из деревень на границе с Азербайджаном появились большевики-армяне и 29 ноября «провозгласили» советскую власть в Армении, создали большевистский ревком и обратились за вооруженной помощью к Красной армии, которая для этой-то цели и стояла поблизости, на границе Азербайджана.

Советское правительство, предъявляя ультиматум и двигая в Армению части Красной армии, тем не менее хотело советизировать Армению, придав форму договора. Этот договор и был заключен между правительством Армении и советским правительством, по требованию которого Армения провозглашалась советской, но независимой республикой. Никто из членов социалистических партий и чинов армии не могли быть привлечены к ответственности за деяния, совершенные до 2 декабря. Впредь до созыва Съезда Советов Армении страной должен был управлять Военно-революционный комитет в составе пяти коммунистов и двух левых дашнаков. Генерал Дро назначался

главнокомандующим. Через два дня после подписания этого договора в Ереване появились части Красной армии и ревком. Заключенный договор был объявлен «клочком бумаги», а генерал Дро был принужден передать командование генералу Молчаганову. Ревком же, составленный исключительно из коммунистов, стал хозяином страны.

К этому «перевороту» с большим сочувствием отнесся командующий Турецкой армией генерал Киазим-Кара-бекир, который специальной телеграммой поздравил ревком с «блестящей победой».

В январе месяце генералу Дро было предложено выехать в Москву. Это была завуалированная ссылка. После этого отъезда власть приступила сейчас же к выполнению своей большевистской программы. 1700 офицеров в зимнюю стужу обманным путем были высланы в Ростов-на-Дону и Рязань в пешем порядке. Начались массовые аресты и реквизиции, принявшие форму грабежа. Положение стало весьма напряженным, что привело 18 февраля 1921 г. к взрыву народного негодования и к всеобщему восстанию армянского народа против насильников.

Повстанцы заняли столицу, восстановили независимость страны, освободили заключенных в тюрьмах, которых большевики уже начали расстреливать. Большевистский ревком бежал на броневике в Нахичевань. Два с половиной месяца длилась борьба Армении против Красной армии, но восстание было, наконец, потоплено в крови большевиками 2 апреля 1921 года.

Так была покорена молодая Армянская республика, которую разделили ее между собой Советы и турки. Турция взяла Карсскую область, а остальное — советская власть, в лице своих агентов — армянских коммунистов.

С завоеванием Армении опасность непосредственно подошла к границам Грузии. В советской Армении с первого же дня начались антигрузинские выступления. Потребовали вывода грузинских войск из нейтральной зоны на том основании, что Грузинское правительство якобы приостановило всякий транспорт для Армении, лишило посла Армении права пользоваться радиоаппаратом и т. д.

Целью этой кампании было — создать соответствующую атмосферу для открытого нападения.

В это время между Грузией и Анкарой, с внешней стороны по крайней мере, еще сохранились «дружественные» взаимоотношения.

13 ноября в Тифлис прибыл полномочный представитель Турецкого правительства Киазим-бей, которому поручено было установить между Грузией и Анкарой добрососедские взаимоотношения и вести переговоры по спорным вопросам.

27 ноября с такими же полномочиями и директивами выехал в Анкару и представитель Грузии С. Мдивани. Но эти внешние «доброе соседские взаимоотношения» не могли скрыть внутреннего расхождения.

Целью Анкары было показать Европе, в особенности Англии, что в Закавказье без Турции ничего нельзя предпринять.

В первых числах февраля 1921 года Учредительное собрание закончило и приняло текст конституции, первая глава которой начиналась тем актом независимости, который был принят 26 мая.

Огромная заслуга этой конституции заключалась в том, что она сумела облечь в юридическую форму те идеи и цели, к которым стремится все передовое человечество, и нет сомнения, что она на долгое время останется историческим памятником для Грузии. Во время обсуждения и принятия в окончательной форме страна находилась в исключительных условиях. Окруженная со всех сторон Красной армией, она отчаянно отбивалась, и это обстоятельство еще больше увеличивало значение принятия конституции.

11 февраля 1921 года советские войска вторглись в Грузию со стороны Борчалы. Представитель Московского совета народных комиссаров в Тифлисе Шейман официально заявил, что Москве ничего не известно об этом нападении, которое будто бы является действием армянского коммунистического правительства. А представитель советской Армении Шавердов уверял, что Армения не принимает участия в этом наступлении и что она готова разрешить мирным путем все спорные вопросы, имеющиеся с Грузией!

15 февраля тот же Шейман получил из Баку информационную телеграмму от командующего XI армией: «Решено перейти Рубикон. Действуйте сообразно с этим решением».

В вот же день части XI армии перешли границу Грузии со стороны Азербайджана.

В первый же день наступления советских войск в глухой деревне Шулавери, расположенной у самой границы советской Армении, из давно высланных из Грузии коммунистов, которые теперь находились среди наступающих советских войск, был создан «Грузинский Совнарком», который сейчас же обратился к Красной армии с просьбой о «помощи». В Тифлисе заседало Грузинское учредительное собрание, которое, узнав об этом, единогласно объявило поименно всех членов этого «совнаркома» вне закона как предателей родины.

16 февраля Грузинское правительство пытается войти в переговоры с Москвой по прямому проводу, но Москва отказывается от переговоров. Тогда председатель правительства пытается снестись с представителем Грузии в Москве, но безуспешно, так как большевики, под предлогом порчи провода, отказываются вызвать его к аппарату. На следующий день комиссар по иностранным делам Чичерин, притворяясь, что ничего не знает о нападении Советской армии на Грузию, по радио предлагает посредничество Москвы между Грузией и Арменией. Грузинское правительство принимает предложение при условии, что Москва уведет свои войска с грузинской территории. Но ответа на это не последовало. Между тем военные действия продолжались.

Народная гвардия и грузинская армия в первые дни мужественно отбросили все атаки неприятеля на Тифлис, несмотря на то, что уступали последним и численностью, и в вооружении.

На все предложения прекратить войну Москва отвечала наступлением в новых направлениях: по Военно-грузинской дороге, со стороны Владикавказа, через Мамисонский перевал, в сторону Кутаиса, и по побережью Черного моря со стороны Сочи. Грузия была таким образом окружена со всех сторон: против нее действуют XI армия, части IX и XII армий, не считая отрядов кавалерии Буденного и Жлобы.

Наплыв добровольцев позволил Грузинскому правительству увеличить силы сопротивления, но не хватало оружия, чтобы вооружить всех. Не хватало снарядов тогда как красные полки в изобилии были снабжены всеми необходимыми средствами.

23 февраля правительство Анкары в ультимативной форме потребовало от Грузинского правительства эвакуацию грузинских войск из Ардагана и Артвина. Не имея возможности противопоставить достаточные силы турецкому наступлению на этом фронте, правительство принуждено было увести войска из этих городов, заявив энергичный протест против поведения турков. Между тем военное положение становилось все более и более критическим. Грузинская республика вела борьбу в слишком неравных условиях. Ее армии грозила опасность быть окруженной и уничтоженной, несмотря на героизм солдат. Тогда Верховное командование Грузинской армии решает эвакуировать Тифлис, отвести войска и сконцентрировать их на сильных позициях. 25 февраля Тифлис был эвакуирован грузинскими войсками.

Только на третий день осмелился «Шулаверский Совнарком» войти в оставленный грузинскими войсками город. Но это не помещало ему сообщить: «Всем, всем, всем! Восставший грузинский народ изгнал правительство Жордания. Столица Грузии — Тифлис в руках восставших».

Начальник же оккупационной армии Орджоникидзе восторженно доносил Ленину: «Восставший грузинский рабочий класс, заняв Тифлис, установил советскую власть».

Грузинские войска, окруженные со всех сторон войсками двух милитаристских государств — большевистской России и Турции —, осуждены были на гибель без малейшей надежды на успех.

17 марта Грузия решает прекратить борьбу на берегу Риона и распустить армию. Это решение открывает большевикам дорогу на Батум. Когда советская кавалерия подошла к Батуми на расстояние 16 верст, турецкое командование потребовало от Грузинского правительства передать ему город Батуми и попыталось занять его военной силой. Грузинское правительство не только отказало в этом, но приказало генералам Мазняшвили и Пулукидзе защитить город от новых завоевателей, что и было выполнено. Это был последний акт грузинской драмы.

17 марта в Батумском городском самоуправлении под председательством Н. Чхеидзе состоялось последнее заседание Учредительного собрания, которое приняло следующее постановление:

- 1) Приостановить временно действие Конституции.
- 2) Реорганизовать правительство, сократив его число до четырех, а именно: Н. Н. Жордания, Е. П. Гегечкори, Н. В. Рамишвили и К. П. Канделаки.
- 3) Предложить правительству выехать в Европу для продолжения борьбы против оккупации за восстановление суверенитета и независимости Грузии.

18 марта правительство Учредительного собрания Грузии покидает Батуми, и через несколько часов советские войска вступают в город.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорий Илларионович Уратадзе родился в 1880 году в Грузии. Как в дореволюционное время, так и после занимался журналистикой и был одним из редакторов газ. «Эртоба» («Единство») при Грузинской демократической республике, членом Учредительного собрания Грузии, уполномоченным грузинского правительства по заключению и подписанию мирного договора с РСФСР. Автор многих статей (по вопросам революционного движения в Грузии и советской национальной политике) и монографии — «Общественное движение в Грузии», Париж, 1939.

В настоящее время Г. И. Уратадзе является редактором журнала «Чвени дроша» («Наше знамя») в Париже, членом Исполнительного комитета Грузинского национального совета и Заграничного бюро социал-демократической партии; принимает активное участие в общекавказской печати Зарубежья. Сотрудник Института по изучению СССР.

G. Uratadze

THE FORMATION AND CONSOLIDATION OF THE GEORGIAN DEMOCRATIC REPUBLIC

For two thousand years Georgia was an independent state. It was not until the end of the eighteenth century that under pressure from Persia and Turkey it was obliged to unite "voluntarily" with Russia by a treaty known in Georgian history as the Treaty of 1783. This treaty recognized a Russian protectorate over Georgia subject to publicly known and clearly defined conditions.

Nevertheless, on September 12, 1801, Georgia was declared an integral part of the Russian Empire. The tsardoms and principalities were done away with and replaced by gubernias and uyezds, and Russian administrative institutions were established throughout the territory of Georgia.

This action resulted in three uprisings, in 1804, 1812 and 1832, all suppressed with extreme severity. The uprisings so exhausted the strength of the Georgian nation that it relapsed into profound political apathy until the active forces in Georgian life revived in the sixties of the last century. A movement which first found expression in cultural and civic activity grew by the end of the nineteenth century into a powerful revolutionary movement headed from the very beginning by the Menshevik wing of the Georgian Social-Democrats. United by common revolutionary work, the Georgian Social-Democrats, who shared the program of the Russian Social-Democrats, formed with them a single common Social-Democratic Party and adopted a joint program, whose ninth point embodied the principle of "the self-determination of nations," understood to mean recognition of the right of each nation to decide its own fate. It was while Georgia was under the influence of these views that the great Russian revolution of 1917 broke out.

During the entire period of the revolution, Georgia marched hand in hand with all the other nations and took a most active part in the united revolutionary front until October 25, 1917, when the Bolsheviks seized power and began the Georgian war. After the Bolshevik revolution in October all the freedom-loving peoples were faced with the dilemma of abandoning their basic civic and political rights and remaining a part of a despotism or leaving the territorial and political boundaries of this despotism and seeking to determine their own fate.

Georgia did not wish to remain under the power of a tyranny: it refused to abandon the freedom gained by the February revolution and sought to preserve this freedom by its own efforts. At this point the national political paths of Moscow and Georgia parted. Moscow took the path of dictatorship and civil war, and Georgia that of democracy, to increase the degree of national sovereignty.

After the Russian democratic movement ceased to exist as a united and effective force, and after the last hope for its revival disappeared, Georgia attempted within the borders of Transcaucasia to defend the ideals for whose creation it had fought on the common Russian democratic front. For this purpose a Transcaucasian Commissariat and a Transcaucasian Seym were established. But when this front collapsed on account of the intervention of the Turks, Georgia undertook to restore the state existence interrupted more than a hundred years before, but this time in a form corresponding to contemporary civilization. Democracy and independence were welded into a single indivisible whole, and social gains and national ideals were merged, furnishing inspiration for the entire nation, all social strata and all viewpoints, and all parties, to the exclusion, of course, of the Bolsheviks, who, it must be said, were not then visible on the Georgian political horizon.

Thus the Georgian Democratic Republic was created and given firm footing, not on the basis of a struggle against the revolution or against a common democratic front but by an unwavering struggle on the basis of the slogans of the February revolution and the national strivings of the Georgian people. The democratic movement fully accorded with the national movement on account of the fact that, as Karl Kautsky, the well-known and authoritative theoretician of Marxism, has said, "the contemporary democratic movement assumes the form of a national movement." Accordingly the birth and establishment of the Georgian Democratic Republic was both politically and ethically justified, not to mention the fact that it was historically a natural and logical conclusion to a state which had existed for more than a thousand years.

G. Uratadze

BILDUNG UND KONSOLIDIERUNG DER GEORGISCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK

Zweitausend Jahre lang war Georgien ein unabhängiger Staat. Erst Ende des XVIII. Jahrhunderts war es, von Persien und der Türkei hart bedrängt, gezwungen worden, auf Grund des sogenannten Vertrages von 1783 sich Rußland „freiwillig“ anzuschließen. In diesem Vertrag wurde die Schirmherrschaft Rußlands über Georgien unter genauestens aufgezählten Bedingungen festgelegt.

Dessenungeachtet wurde ganz Georgien am 12. September 1801 zu einem Bestandteile des Russischen Reiches erklärt. Georgische Zarentümer und Fürstentümer wurden aufgelöst und an ihrer Statt Gouvernements und Bezirke sowie in ganz Georgien russische Sitten eingeführt.

Dieser Akt hatte drei Aufstände — die von 1804, 1812 und 1832 — zur Folge, welche mit unglaublicher Härte unterdrückt wurden.

Diese Aufstände hatten die Kraft des georgischen Volkes dermaßen erschöpft, daß es in einen Zustand völliger politischer Apathie verfiel, der solange andauerte, bis sich die lebendigen Kräfte Georgiens in den sechziger Jahren des vorigen Jahrhunderts wieder zu regen begannen. Die Bewegung, die auf kulturellem und sozialem Gebiete ihren Anfang genommen hatte, wuchs gegen Ende des XIX. Jahrhunderts zu einer machtvollen Revolutionsbewegung empor, an deren Spitze von vorneherein die georgische sozialdemokratische Partei (die Menschewiken) stand. Diese schloß sich der russischen sozialdemokratischen Partei an. Beide bildeten eine gemeinsame sozialdemokratische Partei und folgten einem gemeinsamen Programm, dessen Punkt neun das Prinzip der „Selbstbestimmung der Völker“ verkündete, worunter das Recht der Völker verstanden wurde, über ihr Los eigenmächtig zu entscheiden. Dies war die Volksstimmung in Georgien, als die große russische Revolution von 1917 ausbrach.

Während der ganzen Revolution marschierte Georgien gemeinsam mit den übrigen Völkern Rußlands und nahm an der geeinigten Revolutionsfront aktiven Anteil.

So ging das bis zum 25. Oktober 1917 zu, als die Bolschewisten die Macht an sich rissen und ein Bürgerkrieg begann. Nach dem bolschewistischen Oktober-Staatsstreich standen alle freiheitsliebenden Völker

vor dem Dilemma: entweder auf ihre sämtlichen bürgerlichen und politischen Rechte zu verzichten und sich der Despotie zu beugen, oder die gebietsmäßigen und politischen Grenzen der Despotie zu überschreiten und sich um ihr Los selbst zu kümmern.

Georgien verspürte keine Lust, sich der Tyrannei zu unterwerfen, wollte aber andererseits nicht auf die Errungenschaften der Februar-Revolution verzichten und suchte nach einem eigenen Rettungsweg. Dabei trennten sich die nationalen und politischen Wege Moskaus und Georgiens. Moskau beschritt den Weg der Diktatur und des Bürgerkrieges, Georgien aber denjenigen echter Demokratie und festigte die Volksherrschaft in noch stärkerem Maße.

Nachdem die russische Sozialdemokratie als reale Macht zu existieren aufgehört hatte, nachdem der letzte Hoffnungsschimmer, sie wieder herzustellen, erloschen war, unternahm Georgien den Versuch, diejenigen Ideale wenigstens auf transkaukasischem Gebiete zu verteidigen, für welche es an der allgemein-russischen demokratischen Front gekämpft hatte.

Zu diesem Zweck wurden das „Transkaukasische Kommissariat“ und der „Transkaukasische Sejm“ gegründet. Als aber nach der türkischen Invasion auch diese Front zusammengebrochen war, begann es mit der Wiederherstellung des vor über hundert Jahren unterbrochenen eigenen Staatslebens in neuer, der modernen Zivilisation entsprechender Form. Demokratie und Unabhängigkeit bildeten ein untrennbares Ganzes, soziale Errungenschaften und nationale Ideale flossen ineinander und erfüllten die ganze Nation, sämtliche Bevölkerungsklassen, alle Parteien, außer der bolschewistischen, mit Begeisterung. Bolschewisten waren übrigens am ganzen politischen Horizont Georgiens nicht zu erblicken.

So war die Georgische Demokratische Republik entstanden und hatte Wurzeln gefaßt. Sie kämpfte nicht gegen die Revolution und nicht gegen eine allgemeine demokratische Front, sondern wurde aus dem Kampfe um das Vermächtnis der Februarrevolution und um die nationalen Bestrebungen des georgischen Volkes geboren. Die demokratische Bewegung stimmte mit der nationalen überein, und dies aus dem Grunde, wie der bekannte Theoretiker des Marxismus, K. Kautski, behauptet, weil „die moderne demokratische Bewegung die Form einer nationalen annahme“. Deswegen ist die Gründung der Georgischen Republik politisch und moralisch zu rechtfertigen, umsomehr als sie den natürlichen und logischen Schlußakt einer tausendjährigen eigenstaatlichen Existenz Georgiens bildet.

G. Uratadze

FORMATION ET CONSOLIDATION DE LA RÉPUBLIQUE DÉMOCRATIQUE GÉORGIENNE

Durant deux mille ans, la Géorgie fut un Etat indépendant. C'est seulement à la fin du XVIII-me siècle, que, opprimée par la Perse et la Turquie, elle fut obligée de s'allier «volontairement» à la Russie par un traité particulier connu dans l'histoire géorgienne sous le nom du Traité de 1783. Ce traité instituait le protectorat de la Russie sur la Géorgie à des conditions bien définies.

Malgré cela, le 12 septembre 1801 la Géorgie fut déclarée partie de l'empire russe. Des royaumes et des principautés ont été supprimés et remplacés par des départements et districts et dans tout le pays a été institué le régime de l'empire russe. Cela a provoqué trois insurrections: en 1804, 1812 et 1832, toutes reprimées avec une grande brutalité.

Ces insurrections ont tellement épuisé les forces du peuple géorgien qu'il est tombé dans un état d'apathie politique profonde qui dura jusqu'aux années soixante du siècle précédent, quand les forces vives de la Géorgie entrèrent en mouvement. L'animation qui commença dans le domaine culturel et social se développa vers la fin du XIX-me siècle en un mouvement révolutionnaire puissant à la tête duquel dès le commencement se trouva le parti social-démocrate (menchéviks). Dans le domaine du travail révolutionnaire la social-démocratie géorgienne partageait le programme de la social-démocratie de la Russie et formait avec cette dernière un seul parti social-démocrate, avec un programme commun dont le point 9 proclamait le principe de libre disposition des peuples dans le sens de reconnaissance du droit des peuples de disposer d'eux mêmes. Tel fut l'état d'esprit en Géorgie au moment où commença la révolution de 1917.

Pendant la révolution la Géorgie marchait à côté des autres peuples en prenant une part active dans le front commun révolutionnaire. Cela dura ainsi jusqu'au 25 octobre 1917 quand les Bolchéviks prirent le pouvoir et commencèrent une guerre civile. Après le coup d'état d'Octobre, tous les peuples épris de liberté se trouvèrent devant un dilemme: ou abandonner leurs droits civils et politiques et rester sous le despotisme, ou quitter les limites territoriales et politiques de ce despotisme et prendre le destin dans leurs mains.

La Géorgie ne voulait pas rester sous le règne de la tyrannie, mais ne rejetait pas les libertés conquises par la révolution de Février, et trouva ses voies propres de salut. C'est là que les voies nationales de Moscou et de la Géorgie se sont politiquement écartées. Moscou emprunta la voie de la dictature et de la guerre civile et la Géorgie celle de la démocratie et consolida encore plus la suprématie du peuple.

Après que la démocratie russe cessa d'exister comme une force réelle unie, après que le dernier espoir à sa reconstitution disparut, la Géorgie fit une tentative de défendre, dans les limites transcaucasiennes, les mêmes idéaux que ceux pour lesquels luttait le front commun démocratique russe. C'est dans ce but que furent créés le «Commissariat Transcaucasien» et la «Diète Transcaucasienne». Mais quand, grâce à l'invasion turque, ce front tomba également, la Géorgie se mit à restaurer sous une forme nouvelle, la vie de son Etat dont l'existence fut interrompue il y a plus de cent ans. La démocratie et l'indépendance se sont inséparablement unies, les conquêtes sociales et les idéaux nationaux ont inspiré la nation toute entière, toutes les couches et courants, tous les partis, sauf évidemment les Bolchéviks, que d'ailleurs on ne voyait guère alors sur l'horizon politique géorgien.

Ainsi la République Démocratique Géorgienne fut créée et stabilisée par sa lutte non pas contre la révolution et le front démocratique commun, mais par sa lutte sans défaillance basée sur les préceptes de la révolution de février et les tendances nationales du peuple géorgien. Le mouvement démocratique coïncida exactement avec le mouvement national et cela parce que selon les affirmations du célèbre théoricien du marxisme, K. Kautski, «le mouvement démocratique contemporain prend la forme d'un mouvement national». Pour cette raison la naissance et la stabilisation de la République Démocratique Géorgienne peuvent trouver leur justification politique et morale, d'autant plus qu'elles sont la conclusion historique et logique de l'existence souveraine millénaire de la Géorgie.

СОДЕРЖАНИЕ

	Вместо предисловия	7
	Введение	9
Глава I.	Революция 1917 года	15
Глава II.	Образование Закавказского комиссариата	26
Глава III.	Общенациональная организация грузинского народа (создание Красной гвардии)	37
Глава IV.	Создание Закавказского сейма	44
Глава V.	Объявление независимости Грузии	75
Глава VI.	Первые шаги нового государства	80
Глава VII.	Правительство Н. Жордания	84
Глава VIII.	Учредительное собрание Грузии	89
	Резюме :	
	на английском языке	113
	на немецком языке	115
	на французском языке	117

R2 351.329
3 Em

1